

Светлана Багдерина
Иван-Царевич и С.Волк

2006

Багдерина С.

Иван-Царевич и С.Волк / С. Багдерина — 2006

Давным-давно, в далёкой галактике... Если верить сказочникам, то все истории начинаются именно так. Или примерно так... Если, конечно, вообще начинаются. Мог ли думать Иван-Царевич, что обыкновенный поход за Жар-птицей, начинавшийся как обычное героическое приключение царевича Елисея, не только сведёт его с неким С.Волком, но так же познакомит с мини-сингерами, знаменитыми героями и богами, заведет за край мира и выведет обратно, а так же позволит свести краткое знакомство с а) джинами б) Драконами в) Еленой Прекрасной – и неизвестно ещё, что хуже! Так же вы узнаете откуда есть пошли Коты в Сапогах, Героическая Осада Трои, Гномы и множество других Сказочных персонажей. Читайте новый сказочный блокбастер – Иван-Царевич и С.Волк!

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	54
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Светлана Багдерина

Иван-Царевич и С.Волк

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ха-ха-ха! Конь на обед – молодец на ужин!
Комар.

Ближе к полудню, когда косматое горячее солнце добралось почти до самого зенита, Иван подъехал к развилке двух дорог. Прямо посередине, на обочине, самодовольно развалился на солнцепеке большой валун. Даже не слезая с коня, царевич мог разглядеть, что на поверхности его было что-то высечено. Причем высечено было наверно очень давно, потому что от времени и погоды надпись поистерлась, и кроме того, что она существовала, различить с коня было более ничего невозможно.

– Это он! – воскликнул Иван. – Я читал! Здесь должно быть сказано, куда ехать дальше, и что на каждой из дорог должно случиться! В "Приключениях лукоморских витязей" королевич Елисей встретил как раз такой же в шестнадцатой главе, когда он поскакал в Караканское ханство чтобы спасти королевну Хвалиславу из лап хана Чучума!, – и он осторожно сполз с седла чтобы подойти поближе и прочитать надпись, вместе с тем довольный в глубине души, что нашелся наконец более или менее благовидный предлог для того, чтобы хоть на минутку снова почувствовать под ногами твердую землю.

Переступая так, как будто седло все еще оставалось у него между ногами, царевич подошел вплотную к камню, бережно, ладонью, стер колючую придорожную пыль и, прищурившись, постарался прочитать то, что было там написано.

Он был еще слишком молодым и неопытным путешественником, а в книгах и свитках этого, конечно никогда не упоминалось, так что Иван не мог знать всемирного закона, касающегося того, что люди пишут, писали и будут писать во все времена и во всех мирах мелом на заборах, краской на стенах или, при отсутствии таковых, зубилом на булыжниках, и что лишь отдаленно можно было внести в рукописное произведение как указание направления движения и последствия оногo. При других обстоятельствах ученый царевич мог бы с удовольствием припомнить словечко "эвфемеизм", но сейчас он смог только густо покраснеть и попятиться назад, часто-часто моргая белесыми ресницами.

"Но это же неправильно!" – недоумевал Иван, тщетно стараясь изгнать из памяти прочитанное и беспомощно чувствуя, что теперь начинают пылать не только щеки, но и уши. Во всех историях о героях и приключениях, которыми он зачитывался при свете лучины под одеялом (его наставник относился к ним неодобрительно и всегда говорил, навивая на палец при этом жиденькие усы, что отроку царской фамилии не пристало читать праздные опусы, мдас, пустое бумагомарательство, доложу я вам) всегда был большой камень на развилке дорог (с этим было все в порядке), а на камне (и тут начинались расхождения) были указания герою куда двигаться дальше (хотя, в принципе, если абстрагироваться от конкретики – любимое выражение историка и путешественника из Стеллы Геопода, тщательно запомненное царевичем, имевшим слабость до малопонятных иностранных слов – были и они). Может быть, в настоящей жизни не всегда все бывает так, как написано в книгах? Но нет, такая крамольная мысль не могла прийти в голову нашему царевичу. По крайней мере, не сейчас.

Неуклюже и тяжело взгромоздился Иван на равнодушно пожевывавшего удила Бердыша, а в голове его проносились заученные с детства в немом восхищении строки из "Приключений

лукоморских витязей": "... и прочел Елисей-царевич на камне таковы слова: "Направо поедешь – убитому быть, налево поедешь – коня потеряешь...", а жар смущения заглушил даже боль в, пардон, определенном месте, порожденную четырьмя часами езды в непривычном жестком седле на непривычном тряском коне по непривычной колдобистой дороге. Непривычно было все: слишком горячее солнце, слишком тяжелый меч, слишком широкая спина коня, слишком однообразная дорога, в то время, как у витязей, пустившихся в дальнее опасное странствие приключения начинались сразу с третьей страницы, самое позднее, с первого абзаца четвертой. Ни о боли в перенапряженной спине, ни о мозолях на, пардон, уже упоминавшемся месте, ни о раскаленной кольчуге, немилосердно обжигавшей при малейшем прикосновении щеки и подбородок, ни о забитых густой дорожной пылью легких в "Приключениях" не говорилось, а о том, что делать, если на развилке дорог не окажется указателя, даже и не упоминалось. Казалось, такая возможность просто не приходила в голову автору этих "Приключений", а также в равной степени авторам всех других "приключений", "одиссей", "похождений" и прочих "путешествий", когда-либо побывавших в Ваниных руках.

Иван достал из переметной сумы любимую книгу, нашел нужную главу, и с гравюры на соседней странице на него самодовольно глянул розовощекий здоровяк в блестящей кольчуге и замысловато изукрашенном шеломе – королевич Елисей, о приключениях которого и повествовалось на четырех тысячах страниц этого фолианта.

"Уж он-то бы знал, как поступить," – безнадежно подумал Иван, бережно закрывая книгу и осматриваясь кругом.

Дорога, ведущая направо, терялась в степи и, насколько хватало глаз, редкие пучки ковыля покрывали все пространство в той стороне от края до края. Другая дорога, попетляв среди холмов, скрывалась в лесу в полуверсте от перепутья. Никакого преимущества одного направления перед другим царевич не находил. Кроме одного. Лес обещал некоторое разнообразие и прохладу по сравнению с выжженной солнцем пыльной степью. Это и оказалось решающим.

Иван сделал попытку выпрямиться, подбоченился и резко пришпорил коня, как Елисей делал это раз по пять на каждой странице.

Флегматичный Бердыш, разморенный жарой и неподвижностью, и не ожидавший столь внезапного пробуждения от своих лошадиных грез, с места взял в карьер. Он понесся стрелой, поднимая за собой тучи пыли, которые долго еще не оседали и после того, как конь и вцепившийся ему смертной хваткой в гриву всадник, явно не предвидевший такой бурной реакции на свое, казалось ему, безобидное телодвижение, скрылись в стене леса.

Через полверсты конь успокоился, природное миролюбие взяло верх, и он снова перешел на размеренную трусцу. Иван выровнял себя в седле, морщась и вздрагивая от боли в натруженных ягодицах. Постепенно ему становилось ясно, что час-полтора в седле при конных прогулках с матушкой вокруг дворца ("Нет-нет, мальчики, Ванечка с вами на охоту не поедет, вы просто не понимаете, какой он слабенький, с его здоровьем себя нужно беречь, а вы уезжаете слишком далеко и надолго...") при подготовке к настоящему путешествию просто ни во что не идут. Конечно, он и раньше подозревал об этом, но говорить на эту тему с матушкой у него просто не было никаких сил. Поначалу он, конечно, пытался, и даже настаивал, чтобы ему позволялось скакать на коне, рубить лозу, метать копьё и обучаться фехтованию вместе со старшими братьями, но после первых синяков, рассеченной брови и вывихнутой лодыжки (все это случилось в один день и, естественно, самый первый) все разговоры с царицей на эту тему заканчивались одинаково. Она со слезами на прекрасных грустных глазах, заламывая руки, говорила ему, что он не любит свою мать, что он хочет, чтобы она зачахла от горя, если с ним что-нибудь случится, что с ним просто не может ничего не случиться, так как он родился восьмимесячным, всегда в детстве болел, что он гораздо слабее своих братьев, и вообще он все еще ребенок. Конечно, Ванюша не хотел, чтобы его до пятнадцати лет называли ребенком, но

еще больше он не хотел, чтобы его прекрасная добрая мама умирала от горя, и так как тайком заниматься ратным делом у него не получилось (нескрываемая шишка на лбу, перелом ребра и материнская истерика в 10 баллов по шкале Цугцвангера), после заступничества отца сошлись на недолгих прогулках верхом на самой смирной лошади в царских конюшнях и на еще более коротких уроках фехтования один раз в месяц. В оставшееся время младший царевич находил себе утешение в библиотеке дворца в обществе летописей, записок путешественников и книг о захватывающих дух приключениях и опасных походах.

С тех пор прошло два года, за которые решимость Ивана испытать себя в настоящем деле росла прямо пропорционально количеству запретов и ограничений, налагаемых на младшенького заботливой царицей Ефросиньей, и когда таинственный супостат повадился портить золотые яблоки (червонное золото, высшая проба, шли прямо на монетный двор) в царском саду, Иван просто не мог не выследить вредителя. И когда царь Симеон решил послать своих сыновей на поиски жар-птицы, Иван решительно и твердо поставил родителей в известность, что в понятие "сыновья" он входит тоже, и что нет, никакого дядьки ему в попутчики не надо, я сам все знаю и умею, я читал. И на следующий день, не ожидая окончания бури материнской истерикой, изрядно опасаясь, что выслушивая те ужасные упреки, которые бросала ему пригоршнями безутешная мать, решимость его растает, он с братьями поутру покинул дворец. Распрощавшись с ними на первом перепутье, сопровождаемый братскими последними советами и наставлениями (среди которых был и вернуться, пока не поздно, Ванюша, это не трусость, это здравый смысл, ну сам подумай...), Иванушка вдруг понял, что впервые в жизни оказался совсем один в незнакомом месте, и действительно почувствовал себя маленьким заблудившимся ребенком, и как страшно и одиноко сразу стало ему! И только звеневшее еще в ушах "Вань, ей-богу, вернись, мы сами справимся" не дало ему тут же развернуть коня и помчаться во весь дух обратно во дворец. А потом первый испуг прошел, и, подбоченясь и горделиво озирая разворачивающийся перед ним пейзаж, Иванушка почувствовал себя сразу королевичем Елисеем, Рыцарем в Слоновой Шкуре и путешественником Геоподом в одном лице. И ему сразу стало немного лучше.

"Я ее обязательно найду, – думал Иван. – Третий и младший сын царя обязательно возвращается домой на коне, так сказано везде, а ведь люди, писавшие книги, наверняка в этом кое-что смыслят. Конечно, Дмитрий и Василий сильнее, ловчей и опытней меня, но что в этом деле считается, так это удача. Так везде пишут. А повезет обязательно мне. Я это чувствую. Не знаю как, но я ее обязательно разыщу, сколько бы времени и сил у меня это бы ни отняло. Я докажу, что я не ребенок! Деточка!!! Я тоже кой-чего стою!!! Надо придумать какой-нибудь план. Да. Во всех книгах главный герой всегда придумывает какой-нибудь план. Надо начать расспрашивать людей, кто-нибудь, да знает, не может же быть так, чтобы никто и никогда о ней больше не слышал! Наверняка, эта дорога ведет в какой-нибудь город, или даже другое государство. Да, точно, государство, вспомнил, мы его с наставником Олигархией проходили в прошлом году. Господи, как же оно называется, а? Я еще все время забывал его название. На "ланд" как-то заканчивается, это точно. Тамерланд? Патерланд? Диснейланд? А, вспомнил!!! Вон..."

Если бы поводья не были намотаны на руки царевича, он был бы навзничь сброшен на землю взвившимся вдруг Бердышом. Ошалевший, ничего не понимающий Иван вдруг повис между небом и землей, не успев даже испугаться. Под ногами у скакуна мелькнула и пропала серая тень, Бердыш с места рванулся в карьер, не разбирая дороги, и понесся в сторону, противоположную той, откуда выскочил волк, волоча Ивана за собой.

Словно обезумевший, перескакивал он поваленные деревья, ломился напролом через кусты, давил муравейники и ломал нависавшие сучья, и, казалось, даже не чувствовал веса поверженного всадника. Оглушенный, избитый о коряги Иван не мог даже крикнуть, чтобы остановить коня. Небо, деревья, земля слились перед глазами, закружились в бешеной кару-

сели, замелькали, как будто захотели поменяться местами, но не могли остановиться. В разорванном платье, с разбитой головой и разодранным в кровь лицом, Иван зажмурился и обмяк, даже не пытаясь уже освободить руки. Если собрать в единое целое осколки (вернее, обломки) мыслей и ощущений Ивана в тот момент, то после тщательной и продолжительной судебно-медицинской экспертизы можно было бы с изрядной долей вероятности предположить следующее: "Лучше бы он затоптал меня на дороге."

Милосердное беспамятовство охватило Ванюшу задолго до того, как не выдержали очередного рывка и лопнули поводья, и взбесившийся иноходец унесся в лесную глушь, оставив беспомощного неподвижного хозяина на произвол леса.

* * *

Больно. Как больно! Почему так больно?.. И холод. Где я? Что случилось? Мама! Что со мной? Мама!.. Мама. Мама здесь. Мама! Почему так сыро кругом?! Что это?!

На лоб приложили мокрое полотенце. Мама? Почему оно такое холодное? И скользкое? Мама!..

Тяжелым прыжком компресс переместился со лба на грудь. Царевич с усилием разлепил веки, или ему только показалось, что он это сделал, и обнаружил, что глядит прямо в глаза огромной лягушке. На голове у лягушки что-то блестело.

– Иван? – строго спросила лягушка.

– Иван, – скорее подумал, чем выговорил, царевич.

– Царевич? – продолжила допрос лягушка.

– Царевич, – как замороженный подтвердил он.

– А стрела где? – не отставала лягушка.

– Во дворце Стрела. У меня Бердыш был.

Казалось, лягушка засомневалась.

– Это что еще за новая мода? Стрела должна быть, как испокон веков заведено. Ну, ничего, я еще изменю эти дурацкие порядки в вашем царстве!

Несмотря на всю нелепость положения, Ивану представил лягушку насаждающей свои земноводные правила в Лукоморье наперекор отчаянным протестам папеньки с маменькой, и ему невольно стало смешно. Пересохшие губы сами собой растянулись в ухмылке. Какой дурацкий сон!

Иванова улыбка лягушку рассердила.

– Ишь, лыбится! – недовольно проговорила она. – Под венец пойдем, я посмотрю, как ты лыбиться будешь!

– Под какой венец? – не поняв, переспросил Иван, все еще блаженно улыбаясь.

– Не крути, не крути! Свадьба наша на завтра должна быть назначена, я все знаю!

– Какая свадьба? – улыбка медленно сползла с лица царевича.

– Известно какая. Вставай, женишок, – безапелляционноскомандовала лягушка, и Иван почувствовал, как вопреки его воле руки и ноги его зашевелились, предпринимая попытки оторвать от земли и все остальное, несмотря на мгновенно проснувшуюся снова боль во всем изломанном теле. – Пошли во дворец. Батюшка, поди, нас уж заждался.

– Какая свадьба?! – гудящая голова царевича соображала плохо, но тревожные огоньки где-то в глубине его сознания уже начинали зажигаться. Сон явно выходил из-под контроля. – Лягушки не могут... То есть, у лягушек не бывает... То есть, с лягушками нельзя... – но все это не представлялось Иванушке достаточно увесистым оправданием перед наглой амфибией.

– Несовершеннолетний я! – выпалил он наконец.

– Как – несовершеннолетний? – не поверила лягушка.

– Никак! – радостно доложил Иван. – Совсем никак не совершеннолетний! И поэтому мне замуж... тьфу, то есть жениться на лягушках нельзя!

Лягушка подозрительно прищурилась.

– Что-то ты хитришь, Иван-царевич, – покачала она головой. – Ведь ты точно Иван? – как будто что-то вспомнив, спохватилась она.

– Иван.

– Царевич?

– Царевич. Да ведь ты уже спрашивала.

– А какой державы?

– Лукоморья.

– Как – Лукоморья? А разве не царства Переельского?

– Нет. Мы соседи с ними. Но это не я! – поспешно добавил он.

– Надо же, как вышло, – покачала головой лягушка и, Иван мог бы поклясться, хлопнула себя лапками по бокам. – Ну, извиняй, Иванушка, обзвонились, – тон лягушки сразу сменился на смущенный, и она сокрушенно развела лапками. – Эко, сама виновата, не спросила сразу, да и бердыш вместо стрелы тоже... А как тебя потрепало-то, сердешный ты мой... – неожиданно переменяла она тему, как бы пытаясь загладить произведенное неблагоприятное впечатление, и жалостливо запричитала:

– Да страдалец ты наш страсотерпный, соколик ты мой разнесчастненький, солнышко красное... Ну ничего, Василиса тебе сейчас поможет, бедненькому, потерпи, миленький, потерпи, сейчас легче будет, – и лягушка начала делать в воздухе замысловатые пассы передними лапками и что-то бормотать еле слышно себе под нос. Черные влажные очи ее, казалось, заглядывали в самое нутро Иванова черепа и еще глубже. Все поплыло перед глазами Иванушки, завертелось, закружилось, он почувствовал, что проваливается в какую-то мягкую, теплую, бездонную пропасть и все вдруг пропало. Пришло забытье.

* * *

Иван проснулся, и еще не открывая глаз, счастливо улыбнулся. Какой хороший был сон! Что же снилось? Вот ведь, е-мое, забыл! Но что-то доброе, веселое, чудесное...

И вдруг воспоминания прошедшего дня как ведро холодной воды выплеснулись на него – и побег из дома, и развилка с камнем, и волк, и сумасшедшая скачка по лесу, и... и... что было потом? Царевич рывком сел. Падение, боль, удар, а потом... потом... На этом воспоминания как топором отрубало. Как Иван ни силился, никакого "потом" в памяти найти не мог. Пусто. Пустое место. Провал.

Пожав плечами, Иван потянулся и осмотрелся. Под ним было ложе из сухого мха. Под головой, вместо подушки – большая куча листьев. Меч и кольчуга лежали рядом, а от всего Иванова платья исходил тонкий аромат чистоты и лаванды. Бегло осмотрев себя, Иван, несмотря на холодящие кровь короткие воспоминания о гонке по лесу на животе (а потом и на боках и спине) не обнаружил на одежде ни единой дырочки, ни одного, пусть даже самого крошечного, пятнышка. Прислушавшись к своим ощущениям, он пришел к выводу, что никогда в жизни не чувствовал себя лучше. Это привело его в полнейший тупик. Воспоминания о семи-восьми сломанных ребрах и паре-тройке вывихов у него, несмотря ни на что, сохранились вполне явственно, и если чистоту одежды можно было при изрядной доле выдумки объяснить таинственной лесной прачкой-альтруистом или феей-белешвейкой (эк, какое загнул-то!), то отсутствие тяжелых телесных повреждений никаким объяснениям не поддавалось. Точка.

Перестав мучить голову попытками объяснить необъяснимое и нашедши небольшое успокоение в том, что на странице семьсот сорок шесть "Приключений лукоморских витязей" королевич Елисей испытал нечто похожее, попав в чертог русалок-весталок, Иван встал, пристегнул меч, надел кольчугу и осмотрелся по сторонам.

Лесная постель его находилась под густым ореховым кустом. Справа насвистывал, нашептывал и раскатывался барабанной дробью старательных дятлов лес, слева, шагах в пятнадцати от орешины, начиналось болото, довольно уютное и симпатичное, покрытое широкими мясистыми листьями кувшинок и роскошными белыми цветами водяных лилий. Болото как болото, пожал плечами царевич, вот только разве что кроме... Иван быстро подошел к воде и поднял с листа ближайшей кувшинки заинтересовавший его предмет. Стрела. Что-то глубоко скрытое и неясное тихонько дзенькнуло в глубине памяти и тут же пропало, Иван даже не успел уловить его присутствие.

Непонятно.

Еще раз пожал плечами, Иван бросил стрелу обратно на лист и зашагал к лесу.

После трех часов блуждания по овражкам, ручьям, перепрыгивания через поваленные деревья и продиранья через колючие кусты походка Ивана стала несколько менее уверенной. Солнце клонилось к закату. В лесу быстро темнело. С каждым шагом сомнения в том, что он заблудился, таяли. Зато сомнения в том, что следовало предпринимать при подобного рода okazиях, росли и крепились. Кричать? Что? Да и не к лицу это витязю Лукоморья – при первых же крошечных затруднениях начинать вопить как малому дитяти. Посмотреть на солнце, чтобы определить где какая сторона света находится? Но солнца видно уже почти не было, да и что с этим знанием было делать, царевич не представлял, даже при условии, что он сможет вспомнить, как эти стороны называются и сколько их всего. Разбить бивуак прямо на том месте, где он сейчас стоял? Но, во-первых, он не был уверен, что почти саженный муравейник был таким уж подходящим местом (заросли крапивы и поросший мухоморами овражек с гнилой водой на дне устраивали его еще меньше), а во-вторых, огниво, плащ, шатер, складная мебель, переносная русская печка и съестные припасы находились в переметных сумках на Бердыше, а Бердыш... Царевич отогнал от себя горькие мысли о своем первом и, вполне возможно, последнем приключении перед тем, как умрет от голода и истощения под ракитовым кустом (все герои делали это исключительно под ракитовыми кустами, и царевич не видел причины, по которой он мог бы быть исключением, оправданием не являлось даже полное отсутствие ракиты как вида в этом отдельно взятом лесу), и печальный ворон разнесет по свету весть о его славной (гм) кончине (вместе с героическими косточками, но об этом в книжках почему-то, как правило, не упоминалось)...

Поразмыслив над этой возможностью, Иван пришел к выводу, что, пожалуй, мысль о крике о помощи была не такой уж и плохой. Но не такой уж и хорошей, понял он через двадцать минут усердного ора.

Другие возможности Иван решил обдумывать на ходу и тронулся дальше в путь, осторожно выбирая дорогу в сгущающихся сумерках и зарослях малины. К королевичу Елисею на странице двести семьдесят один в таком же точно положении явился старичок-лесовичок и проводил его до Соснового Посада, где его уже поджидала душа-Улада, младая княжна, которая потом окажется его сестрой, которую украли и подменили в младенчестве... или подменили и украли?... или наоборот?... короче, которая потом попадет в рабство к душегубу Кошею, у которого ее за сто бочонков золота выкупит обманом эмир Тарханский, потому что ему его звездочет, который окажется внучатым племянником свекра двенадцатой лучшей подружки его семьсот шестнадцатой младшей сестры, которого он заточил в каменный мешок на дне самого глубокого ущелья, признался под страхом вивисекции, что он, то есть, она, нет, не она, а эмир, нет, то есть, звездочет...

Огонь! Костер!! Люди!!!

Не разбирая более дороги, спотыкаясь, падая, и снова вставая помчался он по направлению к слабому огоньку, мерцающему впереди среди деревьев. Иван боялся поверить своим глазам, боялся оторвать от огонька взгляд – а вдруг он исчезнет, и больше не появится?

Перелетев через очередную коряжину, Иван обнаружил у себя в голове две чрезвычайно полезные и интересные мысли, хотя и не мог взять в толк, откуда они там появились.

Мысль первая: а не снять ли мне шпоры?

Мысль вторая: а если там разбойники?

Так, со шпорами в руках и мыслью номер два в голове, подкрался он неслышно (если бы в лесу были гроза, пожар и землетрясение одновременно) к тому месту, где должен быть костер. Между ним и огнем оставалась еще пара елок и густой куст шиповника. "Ну почему все, что растет в этом дурацком лесу, должно обязательно быть таким колючим?!"-взмолился безмолвно царевич, отчаянно размахивая в воздухе проколотыми в попытке раздвинуть ветки шиповника пальцами. По очереди приседая и вытягивая шею, привстав на цыпочки, Иван безуспешно старался разглядеть, кто же там был у костра.

Огонь был невелик. Он неровно горел, отбрасывая слишком много теней во все стороны маленькой – шагов в пять – прогалины, а услужливое воображение дорисовывало все подробности, которые глаза отказывались ему предоставить. И уж лучше бы оно взяло себе выходной на этот вечер! В мерцающем свете костра ему мерещились то гигантские угрюмые фигуры с черными плащами на покатых плечах, угрожающе привстающие с земли, то оскаленные пасти готовых к прыжку отвратительных чудовищ, то просто нечто черное, бесформенное, извивающееся, злобное медленно подплывало к тому месту, где царевич укрылся, просачивалось между веток исподтишка, обволакивая, обтекая, заглатывая неподвижную одинокую человеческую фигурку, чтобы...

"Хватит!"-царевич изо всех сил захлопнул себе ладонью рот, чтоб не взвыть от ужаса.– "Или я прямо сейчас выйду туда, к костру, или..."

Отсеченное продолжение этой мысли гласило: "Или я сейчас отсюда ТАК побегу!.." И он одной недрогнувшей рукой раздвинул шиповник, а другой потянулся к рукояти меча. И рука его застыла в воздухе, потому что в эту секунду он осознал, что третьей рукой он все еще зажимает себе рот.

Мгновенно проведя инвентаризацию всех своих частей тела, Иван обнаружил, что рука у рта была не его, и еще в процессе нашлось нечто холодное и острое, уткнувшееся ему прямо в шею, что спокойствия ему отнюдь не добавило.

Предпринять какую-нибудь глупость царевич не успел, потому что в этот же самый момент кто-то (предположительно, хозяин неучтенной руки и холодного оружия) жарко дышал ему в ухо:

– Иди вперед и не трепыхайся. Дернешься – отрежу голову.

Неестественно прямо, изо всех сил стараясь не делать лишних движений (он даже глазами повести боялся), Иван попер прямо через кусты на полянку к костру.

– Стой! – скомандовал тот же голос, – Сколько вас здесь, говори!

– Кого? – попытался скосить глаза Иван.

– Дурака не валяй, – с угрозой предупредил голос, и Иван вдруг подумал, что маньяк с кинжалом, кажется, едва ли старше его. Это придало ему некоторой смелости, и он почти не дрожащим и не испуганным голосом вдруг почему-то прошептал:

– Я один. Я заблудился. Я на огонь пошел. Я ничего плохого не сделал. Я только перночевать, то есть, переночевать, хотел попроситься.

Давление кинжала заметно ослабло.

– Да, ты и впрямь не из них, – задумчиво проговорил голос. – Может, ты и вправду заплутал. Тебя как зовут?

– Иван. Царевич. Из Лукоморья я.

Было слышно, как кинжал скользнул в свои ножны.

– Да повернись уже, – буркнул голос.

Иван повиновался. Прямо перед ним стоял то ли юноша, то ли еще мальчик, в неопределенного в темноте цвета холщовой рубаше, подпоясанной ремнем, на котором и висели ножны с устрашающих размеров кинжалом, больше похожим на короткий меч, по всей видимости, тем самым, который еще несколько секунд назад царапал шею царевичу. Темные штаны были заправлены в стоптанные (это было видно даже в темноте) сапоги, из голенищ которых торчало еще по одной рукоятке. Темно-русые, до плеч, волосы были перехвачены узким кожаным ремешком. Ничто не указывало на то, кем бы мог быть Иванов новый знакомец.

– А ты кто? – закончив осмотр, спросил Иван.

– Отрок Сергей, – степенно ответил подросток. – А прозвание мое – Волк. Но меня обычно Серым кличут, так что я привык. Ты тоже можешь меня так звать.

– Серый Волк, – попытался пошутить царевич, и тут же подумал, что, наверное, каждый, кому Сергей представляется, всегда говорит одно и то же, и ему стало немного неловко.

– Ничего, – как будто уловив его мысли, Серый поспешил успокоить Ивана. – Не ты первый, не ты последний. Что само на язык просится, то и сказать не грех. А за прием неласковый ты уж прости меня. Не хотел я никого пугать...

– А я и не испугался! – вскинулся Иван.

– ...просто народец тут всякий ходит, – не прерываясь, продолжал Серый, – что не поостережешься – сам без головы останешься. Ну, да ладно, чего там говорить, садись давай, вон, мясо поспело, наверно.

На костре, насаженное на прутики вперемежку с грибами, действительно поджаривалось мясо, нарезанное ("Тем самым ножом, наверно", – подумал царевич) большими бесформенными кусками.

– Оленина? – спросил царевич, больше для поддержания разговора, чем из любопытства.

– Кониная, – бросил через плечо отрок, протыкая куски одним из засапожных ножей. – Нарезь пока хлеба, вон там, в суме возьми, – и ткнул ножом себе за спину.

Переметная сума лежала рядом с седлом. С трехглавым лукоморским орлом. Под седлом лежало нечто, завернутое в плащ, по форме похожее на большое блюдо. При виде его догадка Ивана переросла в уверенность, и кровь бросилась в лицо. Но только когда на глаза Ивану попался огромный том, раскрытый посередине, обратив к черному беззвездному небу неровные гребешки выданных страниц (с триста сорок второй по триста сорок седьмую, невольно обратил он внимание), он, не помня себя от ярости, вырвал из ножен меч, размахнулся, и с диким воплем опустил его на спину Волка.

Вернее, на то место где определено только что находилась спина Волка – паренек перекатился и вскочил на ноги почти мгновенно, и как по волшебству, в руках у него оказался кинжал. И когда царевич сделал второй выпад, сталь зазвенела о сталь, кинжал Волка сделал неуловимое для глаз (царевича) движение, и меч, как живой, вырвался из руки Ивана и отлетел в кусты. Иван, стараясь сохранить равновесие, сделал шаг назад, споткнулся обо что-то, и навзничь упал. Волк тут же прыгнул ему на грудь и приставил кинжал к горлу, прижимая свободной рукой руки царевича к земле.

Иван отвернулся и зажмурился.

– Так это был *твой* конь, – голос Волка прозвучал неожиданно мягко. – Я должен был сразу догадаться. По шпорам. И по тому, что только у такого витязя, как ты... – Сергей не закончил фразы, но и так было вполне понятно, что он имел в виду. Иван рванулся было, но Волк крепко держал его.

– Ты зачем его убил? – с гневом выкрикнул царевич, не оставляя попыток освободиться от железного захвата Волка.

– Что не мучился. Когда я его нашел, он бился на боку со сломанной ногой. В нору попал, скорее всего. Я тоже люблю лошадей, но для него больше ничего было сделать нельзя. Ну а поскольку хозяина не было и следа, что нашел – то мое. Ну и не пропадать же такой горе свежего мяса, – пожал плечами Сергей. – Сейчас, если хочешь, я верну тебе кое-что из того, что было с конем, мы переночуем у костра, а утром ты сможешь вернуться в свое Лукоморье, отсюда это не так уж и далеко, пешком за день доберешься. Успокоился?

Иван ничего не ответил, лишь отвернул голову, чтобы не глядеть Волку в глаза.

– Ну, мир, вставай, – и Сергей прыжком очутился на ногах и протянул царевичу руку.

Иван подумал, и неожиданно для самого себя руку принял. Волк рывком поднял его и хлопнул по плечу.

– Не расстраивайся, царевич, супротив меня и не такие бойцы, как ты, устоять не могли. Мои учителя получше твоих, видать, были, – улыбнулся он, снимая мясо с огня. – Да и к чему это тебе? Ты – царевич, тебе надо книжки читать, править учиться, а не палицей махать, – продолжал разглагольствовать он, отрезая толстые ломти от каравая и раскладывая их на ширинке, в которую хлеб был завернут. – Да и вообще, если разобраться, какая нелегкая тебя сюда занесла, из Лукоморья-то, без дядьев, без охраны, без прислуги? Не каждый ведь день в глухом лесу царевичей встречаешь, тем более, таких... – Серый замаялся, но уточнения не последовало, – как ты.

Иван на "таких, как ты" хотел обидеться, но подумал, и не стал. Волк говорил правду. Кто упустил коня? Кто заблудился в лесу? Кому два раза за пять минут приставляли нож к горлу? С кем какой-то бродяга разделался одним махом и теперь говорит так, как будто это он, Иван, мальчишка-недоросток?.. И драгоценная книга пошла на разжигание костра... Что сказал бы на это королевич Елисей!.. А предстоящее возвращение домой в объятия торжествующе-заботливой матушки – жалким, побежденным, растрепанным, без коня, без всего – "я же говорила, сыночка..."

Нет, это уже было больше, чем могло вынести разбитое сердце Ивана. И он заплакал.

Серый бросил еду, обхватил Ивана за плечи и стал заглядывать ему в лицо.

– Ты чего? Ты чего? Что с тобой? Что случилось? Что такое? – тревожно, с неподдельным участием вопрошал он, и Иван не выдержал, и в промежутках между всхлипываниями и сморканиями рассказал все. Всю свою короткую невезучую жизнь, обо всех своих мечтах и надеждах, о жар-птице, о маменьке, о братьях, и даже о королевиче Елисее и других витязях Лукоморья – все выложил, как на духу, внимательно слушавшему Волку. Закончив, Иван почувствовал, что немного успокоился, и ему стало мучительно стыдно за слезы, не приличествующие мужчине и члену царской фамилии, и за сбивчивую, но слишком откровенную исповедь не к месту перед каким-то незнакомым мальчишкой. Он почувствовал, что краснеет, и отвернулся, злясь на самого себя и на этого разбойника Волка.

– Так значит, ты даже и не знаешь, где тебе эту птичку искать, – полуутвердительно, задумчиво повторил Волк, не обращая внимания на нахохлившегося Ивана. – Ну, что ж, помогу я тебе. Утром сведу тебя к одному человечку, который если и не знает, то разузнать может. Как раз не очень далеко отсюда, за полдня доберемся. Тебе хоть будет с чего начать, а мне все равно в ту сторону идти. Так что, не горюй, Иван-царевич, лучше поешь да ложись спать, утро вечера мудренее. На-ко, откушай, – и протянул царевичу прут с кониной и кусок хлеба.

Иван, хоть и был голоден, как волк (не в обиду Серому будет сказано), от мяса решительно отказался, взял лишь хлеб, нашел в суме сыр, и молча поужинал, запивая все вином из своей же фляжки, которым Серый любезно поделился. Потом, так же ни слова не говоря, завернулся в плащ и растянулся на траве, подложив под голову седло. Он читал в книгах, что так делают все, кому приходится ночевать под открытым небом. Но, повертевшись с боку на бок и со спины на живот в течение двух часов несмотря на страшную усталость, вдруг навалив-

шуюся на него, он пришел к выводу, что или бессовестным сочинителям надо впредь указать, чтобы они в трудах своих честно писали, что земля до неприличия жесткая, что найти хотя бы один ровный квадратный вершок на поверхности не представляется возможным и за тысячу лет, и что заснуть, поджариваясь с одной стороны и обледенева с другой практически невозможно, или что господа сочинители сами весьма туманно представляют то, о чем они пишут. Так, размышляя об этом и о неопенимых прежде прелестях ровной кровати, бездонной перины и толстого одеяла, а так же о трагизме утраты своего бивуачного снаряжения (по-видимому, еще до того, как Волк нашел Бердыша), Иванушка в конце концов незаметно для себя уснул.

* * *

Проснулся Иван поздним утром, когда солнце было уже довольно высоко, и всю их крошечную полянку было видно во всех подробностях. Она была круглой, шагов четыре-пять в поперечнике, и со всех сторон ее обступали толстые разлапистые ели. Посредине догорал костерок. Неподалеку, рядом с двумя кучами добра, стоял Волк, оценивающе их разглядывая.

Услышав, что Иванушка пошевелился, он поднял взгляд и широко улыбнулся.

– С добрым утром, царевич, – проговорил он. – Здоров же ты поспать, однако. А я тут тем временем за нас обоих работаю, барахлишко распределяю по справедливости, чтоб никому не обидно было, да и польза нам обоим чтоб была. Что тебе в дорогу надо, то тебе, безо всяку разговору, причитается, – и он ткнул пальцем в кучку поменьше. – Ну а что в пути витязю без надобности, то уж мое будет. Я рухлядь эту опосля продам, а за твоё здоровье непременно стаканчик винца доброго пропущу. Все по чести, по совести, можешь сам посмотреть, – и он небрежно ткнул уже в кучку значительно побольше.

Царевич поднялся. Вернее, сделал первую попытку подняться. О том, что после ночевки на голой земле разогнуться в течение первых десяти-пятнадцати минут практически невозможно, ни в одной книге написано также не было.

– Послушай, Волк, да ведь это же грабеж среди бела дня! – выпалил он, растирая и разминая затекшие члены, сидя на траве. Говорить такое Волку, памятуя о приключениях прошлой ночью, ему было, прямо скажем, страшновато, но все поколения витязей Лукоморья во главе с королевичем Елисеем возопили об отмщении при виде творящегося произвола, и Иван просто обязан был возразить. – Какое ты вообще имеешь право рыться в моих вещах?! Я запрещаю тебе это! Немедленно сложи все так, как было, и я тебя еще могу простить, – закончил царевич также убедительно, но в глубине души уже слегка сожалея о собственной смелости.

Реальное положение вещей было таково, что это он находился здесь на милости Серого, а не на оборот. И победить в открытом бою разбойника он не мог, и он очень сильно сомневался, что смог бы его перехитрить.

Было видно, что Волк это тоже прекрасно понимал, и что нахальство Ивана он оценил. И одобрил. Ибо он улыбнулся еще шире и сделал шаг по направлению к царевичу.

– Ну сам посуди, Иван-царевич, ну зачем тебе в долгом и опасном пути серебряный прибор из семнадцати предметов? Чашки, ложки и кубка вполне достаточно на все случаи жизни. А пятитомник Геопода? За него дадут хорошую цену, а тебе за глаза хватит "Витязей Лукоморья". А куда тебе пять кафтанов, десять рубах, три пары сапог (тут Иван обратил внимание, что одна из них уже уютно пристроилась на ногах Серого), четверо портков, три рушника, две кольчуги... Ты ведь пешком пойдешь, тебе все это на себе тащить придется, а кольчуга, щит, меч, шелом – они ведь тоже чего-то весят! И продукты. Кстати, все, кроме одного каравая и одной головки сыра я тебе оставил. Ну, теперь видишь, что все по справедливости было сделано? Тебе же лучше и вышло!

Царевич, хоть и понимал, что творится сейчас с ним величайшая несправедливость, был вынужден признать, что в какой-то степени (и степень эта была гораздо больше, чем Ивану хотелось бы допустить) Серый прав. Даже то, что было оставлено, могло утомить царевича, непривычного к пешим переходам (да и к конным тоже, откровенно говоря), и особенно с поклажей, очень быстро. И ему пришлось сдаться.

– Ну, вот и договорились, – довольный Волк отвернулся к своей куче и стал деловито упихивать вещи в одну из переметных сум размером с добрый мешок. – Мяса я тебе не оставил, хлеб с сыром вон там лежат нарезанные, рушником прикрытые, там же лук, огурцы и яйца вареные – я угощаю. Если хочешь умыться – вон там, шагах в пятидесяти, ручей бежит, – и Серый указал трофейным сапогом вправо. – Умоешься, поешь, соберешься – и я тебя к знающему человеку сведу, отсюда недалеко, там про птичку свою и спросишь.

Царевич не знал, что и сказать в ответ. Хотелось и благодарить и ругаться одновременно. Этот мальчишка-грабитель два раза чуть не зарезал его, съел его коня, порвал его любимую книгу, прибрал к рукам его вещи, но в то же время Иван против своей воли чувствовал, что Серый начинает ему нравиться. Это был не человек, а бездна обаяния, простодушного лукавства и расторопности, и царевич с каждой минутой общения с Серым проваливался в эту бездну все быстрее и быстрее.

После краткого раздумья царевич сначала, несмотря на все правила этикета, вколоченные в него дядькой и маменькой, умял завтрак, а уж только потом направился к ручью для совершения утреннего туалета.

– Дорогу примечай! – крикнул ему вдогонку Волк.

Царевич принял совет за чистую монету, и на всем пути старательно запоминал: "Куст шиповника, через восемь шагов – сухая елка, потом через двенадцать шагов береза с развилкой, потом еще через десять – поваленное дерево неизвестной породы, затем через пятнадцать шагов малинник..." Так и добрался до ручейка. По его подсчетам оказалось ровно пятьдесят шагов.

"И откуда он все знает?", – восхищенно-ревниво думал о Сером Иван, плеща себе в лицо холодной прозрачной водой. "И на мечях вон как дерется, и хватка железная, и не задается, как я бы на его месте..."

Ну, может, конечно, и нет. Но гордился бы. Да, хорошо бы такого друга иметь. Если бы он со мной пошел... Я бы в первую очередь попросил бы его меня на мечях так биться научить. Так, наверно, даже братовья мои не умеют... Как это он меня – раз-раз – и готово, я и понять ничего не успел! А что барахлишко мое прибрал, так может, у него детство было трудное и жизнь тяжелая. Вот и разбойничает. Да и сам я умник – куда столько понабрал, вправду? А душа у него хорошая. Добрая... Да только как его попросить со мной пойти... Да и не пойдет он. Зачем это ему? Никакого дела ему до меня нет... Кто я ему такой?.."

Волк был всем, чем когда-либо, в тихие часы своих грез, хотел быть Иван. Волк был сильным, смелым, умным, ловким, веселым и слегка (и даже более) нахальным. Он превосходно умел фехтовать, умел разбить лагерь в гуще леса, умел не заблудиться даже в самой чаще, мог выследить и незаметно подкрасться к добыче, и у него не дрогнула рука оборвать жизнь раненного коня, в то время, как царевичу, несмотря на свои воинственные мечты, было до слез жалко даже мышей в мышеловке. Словом, Волк стал его идеалом, явившимся невесть откуда, воплотившимся в поворотливом юнце и потеснившим со сверкающего беломраморного пьедестала даже королевича Елисея. Но, как и всякий идеал, отрок Сергей намеревался исчезнуть из его жизни навсегда гораздо скорее, чем этого хотелось бы. И предотвратить это было абсолютно невозможно. Никак.

Так, в раздумьях о Волке, царевич закончил умывание и, отметив про себя, что рубашку надо было снять до того, как она была промочена насквозь, утерся рушником и пустился в

обратный путь, тщательно припоминая заученные приметы – "если я в довершение всего еще и заблужусь в пятидесяти шагах от лагеря, я этого не переживу."

Дойдя до березы с развилкой, царевич вдруг услышал со стороны полянки звуки борьбы, несвязные выкрики и звон оружия. "Это Волк! На нас напали! А у меня даже ножа с собой нет!" – в отчаянии он захлопал себя по карманам, в то же время лихорадочно оглядываясь по сторонам в поисках чего-нибудь подходящего на роль оружия, но ничего не нашел и, вспомнив как это делал на странице сто шестьдесят первой королевич Елисей, когда посредством колдовства оказался в диком лесу один, и из одежды на нем была только кольчуга, и тоже вдруг он услышал доносящийся до него... Короче, Иван решил для начала скрытно подобраться к полянке и посмотреть. Может, особо беспокоиться было и не о чем. Или, памятуя ратное искусство Серого, беспокоиться нужно было за его противника.

Звуки сражения, доносящиеся с прогалины, покрывали даже старания царевича подобраться бесшумно. Подкравшись к ставшему уже знакомым кусту шиповника, Иван осторожно выглянул из своего укрытия. Открывшееся ему зрелище превзошло все ожидания. Верткий Волк отчаянно рубился с тремя бородастыми верзилами. Один из нападавших, неестественно изогнувшись, уже растянулся на другом конце поляны. Хоть здоровяки и наседали, шансы у бойцов были приблизительно равные, оценил царевич, обратив внимание на окровавленный рукав одного и голову другого. Но перелом в сражении произошел в одно мгновение, и предотвратить его было невозможно.

При отражении очередного выпада тяжелым мечом неповрежденного пока верзила длинный кинжал Серого сломался вершках в двух от рукояти, лезвие со свистом улетело в кусты, спина Серого прижалась к березе, и в грудь ему уперся длинный меч его противника. Все разом стихло, и до Ивана доносилось только тяжелое прерывистое дыхание поединщиков. Раненые разбойники, побросав оружие, ринулись к уже упакованным сумам и стали методично выбрасывать из них вещь за вещь, предварительно тщательно перетряхнув и осмотрев каждую. Чем ближе ко дну они были, тем яростнее и дальше выкидывали они содержимое мешков, очевидно, не представлявшее для них никакой ценности (пока?). Вот на ветвях ели повисли рубахи царевича, куст шиповника принакрылся парчовым кафтаном, а под ноги Ивану, страдальчески взмахнув страницами, шлепнулись "Лукоморские витязи".

Все.

Оба мешка были пусты.

Серый, откинув голову на белый гладкий ствол, бесстрастно наблюдал за происходящим.

Разочарованные и разозленные еще больше (если это только было возможно) разбойники угрожающе шагнули к мальчишке.

– Ты, пес смердячий, – злобно выдохнул один из них, тот, что с раненой рукой, – куда золотое яблоко дел, говори!

– Волк.

– Что? – не понял разбойник.

– Волк. Не пес.

– Ах, ты еще над нами издеваться будешь, – кинулся к нему второй и обеими руками вцепился в ворот рубахи. – Немедленно говори, где яблоко, а то на кусочки изрежем, а узнаем!

– Сведем его к атаману, тот с ним по-свойски потолкует!

– Ты нас еще умолять будешь, чтобы мы позволили тебе сказать, где ты его спрятал, – зловеще произнес первый явно подслушанную где-то фразу, поднеся под нос Серого огромный грязный кулак.

– Ты еще пожалеешь, что ватаге Хорька дорожку перебежал!

– Сказывай, где яблоко!

– Сгноим!

– С живого шкуру спустим!

– Говори, пока живой!

Бледный, дрожащий от страха – "это я за Волка!" – царевич затравленно оглянулся, но поблизости не было ничего, кроме смятого кубка, кафтана и многострадальной книги.

Книга.

Через пару секунд все пятнадцать кило боевой славы лукоморского воинства с размаху опустились на голову разбойника с мечом. В районе шеи у него что-то влажно хрустнуло, верзила повалился как подкошенный, и недоумение навечно застыло у него на лице.

Совладав с инерцией, Иван едва успел подставить фолиант под сокрушительный удар шестопером ("и откуда он его взял, Господи?!..."), и тут же второй ватажник, дико воя, налетел на него с кулаками, повалил на землю, схватил за горло, сдавил что было мочи и... обмяк, придавив царевича своей огромной немытой тушей. Тут же рядом с ним, мгновение спустя, рухнул кто-то еще. По запаху царевич догадался, что это был последний громила. Оставлять Волка без внимания у себя за спиной было не лучшим решением в их жизни.

В полуобморочном состоянии ("это я от вони!") Иван был извлечен, почищен и посажен спиной к дереву. Через некоторое время на ветерке в голове у него прояснилось, и он смог встать, покачиваясь и потирая побаливавшую все-таки шею. Серый молча заканчивал упаковку их багажа. Убитых не было видно, но под знаменитым шиповниковым кустом вырос большой холм из лапника. И не только, догадался царевич.

На шорох Волк обернулся, увидел, что Иван уже на ногах, и физиономия его расплылась в широчайшей улыбке. Он шагнул к царевичу, протянул ему руку, но, не дожидаясь ответной реакции, облапил его и стиснул изо всех сил.

– Спасибо, Иванко, ой, спасибо, – от полноты чувств мял он царевича и хлопал по спине так, что Иван стал серьезно опасаться за целостность своих ребер. – Как это ты его – раз-раз – и готово, я и понять ничего не успел! Ай, силен богатырь! И надо же было додуматься – и чем! – книжицей прибил такого лиходея! Ай, молодец! Ну, просто герой!

Иван насилу вырвался из лап Серого, весь красный, жаркий, то ли от объятий отрока, то ли от похвалы.

– Знал бы ты, как я испугался, – неожиданно для самого себя, потупив взор, признался он: природная честность царевича яростно восстала против распотешившегося самолюбия. Сказал он так, и голову повесил, ожидая от Волка укора или насмешки, на которую он бывал так скор. И ушам своим не поверил, когда в ответ услышал:

– А уж я-то как...

– Что?

– Я говорю, знал бы ты как Я испугался! Думал, ну, все, конец тебе, Волченька, пришел. Допрыгался, милоч. Так что, спасибо, тебе, Иван-царевич, выйдет из тебя настоящий лукоморский витязь, – и он, лукаво подмигнув, кивнул на громадный том, оставшийся последним на траве.

Немного помявшись, Иван откашлялся и решился:

– Сергей?

– Что, царевич?

– А про какое яблоко разбойники тебя пытали? – и тут же быстро добавил: – Но если это секрет, ты не говори. Я не обижусь.

– Да никакого секрета теперь уже нет, – пожал плечами Волк. – Вот, смотри, – и он, отступив на пару шагов в лес, тут же вернулся назад с кожаным мешочком, размером с большое яблоко, в руках. Развязав тесемки, он вытряхнул на ладонь большое яблоко. Самое настоящее большущее румяное яблочко.

Или нет? Или не совсем настоящее? Или совсем не настоящее? Настоящим оно только казалось при первом, поверхностном взгляде. Но стоило посмотреть на него более внимательно, как сразу становилось ясно, как поначалу его можно было принять за настоящее. Более

искусной работы Иван не видел за всю свою (правда, короткую и бедную событиями и новыми впечатлениями, но зато все-таки царскую) жизнь. Его можно было сравнить разве что с золотыми яблоками со знаменитой батюшкиной яблони, но они были полностью золотыми, а у этого один бочок сверкал рубином, черешок – черненное золото, а листик был изумрудным, тонким, прозрачным, и все прожилочки были видны, как на живом.

– Ах, красота-то какая!.. – восторженно выдохнул царевич и, не сводя с яблочка глаз, медленно, как во сне, протянул к нему руку, но тут же вскинул вопрошающий взгляд на Волка: – Можно?

– Бери, бери, – добродушно кивнул Серый.

Яблоко было холодным и тяжелым. Налюбовавшись вволю, Иван осторожно опустил яблочко обратно в мешочек, затянул тесемки и отдал Сергию.

– Откуда оно у тебя?

– Это не мое. Это Ярославны. Разбойники похитили его у нее, а я вернуть подрядился.

– Те самые?... – царевич не закончил вопроса, но Серый и так понял, о ком шла речь.

– Те самые. И еще атаман, Хорек этот. Только сам-то он в личности не смог за мной прийти, – и Волк хитро ухмыльнулся.

– А-а, – понимающе протянул царевич. – А кто такая эта Ярославна?

– А она и есть тот самый знающий человек, который нам поможет отыскать твою жар-птицу. А приходится она мне сестрой. До ее...

– Нам? – переспросил Иван, боясь поверить в эту оговорку.

– Ну да, нам, – подтвердил, не моргнув глазом, Сергей. – Ведь если я пойду с тобой, ты меня не прогонишь?

– Да что ты! Что ты! Конечно нет! Это очень хорошо, что ты со мной пойдешь! Я наоборот очень хотел, но не знал, как попросить... То есть... Ну, я думал, что ты...

– Ну, вот. А меня, оказалось, и просить не надо. Сам напросился. Видишь, как все ладненько вышло, – и, широко улыбаясь, Сергей хлопнул Ивана по плечу. – Ну, давай, царевич, пакуй свое оружие, – и он снова кивнул на фолиант, – да пойдём. До вечера мы до Ярославны добраться должны, а то не хочется мне по этакой чаще в потемках пробираться, не знаю, как тебе.

В потемках пробираться им все же пришлось, так как с такой поклажей (а Волк не захотел оставлять ничего, собираясь в ближайшем городе или деревне получить за Ивановы вещи неплохой барыш), да через лес, даже по тропе, быстро передвигаться оказалось просто невозможно. Поэтому к избушке Ярославны они прибыли уже далеко затемно. Несколько раз, когда заросли становились еще более густыми и непроходимыми и царевич переставал ощущать тропинку под ногами, ему казалось, что они заблудились, и тогда он предлагал Сергию сделать привал до утра, но каждый раз Волк, молвив что-то вроде "не бойсь, не пропадем" выводил их маленький отряд на новую дорожку, и Ивану оставалось только стараться держаться к Серому как можно ближе, чтобы не остаться в кромешной тьме совсем одному.

Маленький Ярославнин домик находился на опушке леса и был со всех сторон обнесен плетнем. На штакетинах сушились пузатые корчаги. За домом виднелась какая-то сарайка. Больше при свете луны, выглянувшей на пару минут из своего укрытия в облаках, разобрать ничего не получилось, да и, откровенно говоря, Ивану, уставшему и измученному, было далеко все равно. Теперь, поскольку они добрались до человеческого жилья, задачей номер один перед Иваном стало определение местонахождения какого-нибудь тихого (даже не обязательно теплого и мягкого) уголка, где можно было бы упасть и не вставать до завтра. Желательно, до вечера. Царевич чувствовал, что если такое место не будет срочно найдено, то, несмотря на все свое старание не ударить в грязь лицом перед Волком (это была единственная движущая сила, остававшаяся еще в распоряжении Иванушки), он рухнет и заснет прямо вот здесь, под корчагами.

Ярославна встретила их на пороге, и от неяркого, но неожиданного света из распахнувшейся вдруг двери они на мгновение ослепли. Иван покачнулся, но чьи-то невидимые руки поддержали его и быстро избавили от мешков и оружия, и Ярославна, отпустив слуг, широким жестом пригласила путников войти в дом.

Переступив через низкий порожек, друзья оказались прямо в горнице, лицом к лицу с коренастым столом, плотно уставленным невероятным количеством снеди. В ушате со льдом охлаждалась пятилитровая бутылка кваса. У печки томился антикварный самовар. Из чугунков, сковородок и утятниц исходил умопомрачительный дух, а заморские блюда – салаты – казалось, просто умоляли: "Съешь нас!".

Ничем иным, кроме умопомрачения, царевич не мог объяснить полную потерю памяти на определенном отрезке времени, а когда она вернулась, он обнаружил себя бессильно откинувшимся на спинку стула перед столом, заваленным грудой пустых чашек, тарелок, блюдечек, кружек и кубков. Как неприступная ледяная вершина надо всем над этим сверкала при свете... ("Господи, да откуда тут свет берется, что-то в толк я не возьму?.."), короче, сверкала пустая бутылка. Рядом, с чувством исполненного долга, расположился самовар. И какая-то неопознанная ребристая бутылка зеленого стекла. Вытянув шею, у противоположного подножия посудной горы он разглядел блаженно улыбавшегося Серого, развалившегося точно в такой же позе. Позади стояла Ярославна, прислонившись спиной к печке и скрестив руки на груди. С лукавой добродушной улыбкой она поглядывала на гостей. Ей на вид было лет двадцать пять – тридцать, и она была красива той спокойной лукоморской красотой, которая не бросается в глаза, но если запоминается – то на всю жизнь. Причем что-то в глазах Ярославны говорило, что жизнь эта будет полна опасностей и непредсказуемо коротка.

Царевичу внезапно стало стыдно, так как он не мог вспомнить, поздоровался ли он, и был ли представлен сестре Сергия. Многолетняя привычка дворцового воспитания требовала отдать дань простым правилам вежливости и этикета, но при этом Иван боялся оказаться в дурацком положении, повторяя то же самое второй раз. Похоже, Ярославна угадывала его душевные муки, но отнюдь не торопилась прийти на помощь. Но пока царевич раздумывал, как ему поступить (хоть и скорость протекания его мыслительных процессов была настолько мала, что ей можно было со спокойной совестью пренебречь), проблема решилась сама собой.

Если бы Иван знал, что заснул, ему было бы стыднее раз в десять. Ну, или в восемь с половиной, это наверняка. Но он не знал об этом, а просто и безмятежно посапывал себе в обе дырки, наплевав в конце концов на воспитание, этикет и даже простые правила вежливости. И во сне к нему пришла Ярославна и сказала, что это – самое верное решение, какое он только мог принять. Но царевич ее не понял – ведь он не знал, что спит...

Проснулся Иван потому, что спать ему больше было не в куда. Сознание его включилось, и на все попытки снова уплыть в блаженное море снов отвечало решительным отказом. Более того, оно в резкой форме потребовало от Ивана немедленно вспомнить все, что произошло с ним накануне, где он находится и почему он чувствует себя так, как будто вчера весь день он занимался тяжелой физической работой. Недолго покопавшись в не проснувшейся еще памяти и окинув одним едва приоткрытым глазом окрестности, Иван пришел к выводу, что находится он в доме сестры отрока Сергия, что лежит он на полу на медвежьей шкуре, а чувствует он себя так, как будто накануне занимался тяжелой физической работой потому, что накануне он занимался тяжелой физической работой. А иначе их марш-бросок по сильно пересеченной местности с тяжеленными мешками на плечах нетренированному, изнеженному (пусть даже и против своей собственной воли) царевичу назвать было нельзя. И пусть Иван всеми фибрами своей семнадцатилетней души ненавидел эту нетренированность и изнеженность и собирался покончить с ними при первом же удобном случае, результат в виде ноющей спины и нестигающих ног от этого не менялся.

В доме было тихо. Иван с трудом поднялся на ноги, разогнул, растирая кулаком позвоночник, спину, распахнул дверь и, зажмурившись от яркого солнечного света сделал шаг вперед. "Ну, ничего. Вот королевич Елисей на странице тысяча двести тридцать первой..."

И полетел.

Дивное, неповторимое чувство полета продолжалось совсем недолго. Честно говоря, гораздо меньше, чем хотелось бы царевичу.

Оно было прервано внезапно и жестко.

Немного позже царевич обнаружил, что это была единственная ступенька крыльца.

Оказывается, пока он спал, какой-то идиот поднял домик Ярославны на сваи. Причем и расположены они были как-то по-дурацки – не четыре по углам, а две в середине, и по виду они больше всего напоминали...

Птичьи ноги. Сердце царевича пропустило удар. Взгляд рассеяно скользнул по корчагам на заборе... И остановился на елке между двумя столбами.

Чтобы не возвращаться к первой корчаге и не приближаться ко второй.

Потому что глаза Ивана сообщили ему, что уж больно эти горшки похожи на человеческие головы. И причина этого сходства была слишком очевидной.

Чьи-то сильные руки поставили на ноги потрясенного до глубины души царевича и заботливо отряхнули ему платье. Иван обернулся, чтобы поблагодарить, но никого не увидел. Никого и ничего, кроме двух пар кистей мозолистых загорелых человеческих рук. На безымянном пальце одной из них даже было надето кольцо.

"Очевидно, "нехватка рабочих рук" – это не про сестру Серого", – откуда-то со стороны пришло в голову царевичу. – "А головы, наверное, занимаются приемом посетителей и планированием работ по хозяйству. Каждая для своей пары рук." Несмотря на ясность мышления, царевич чувствовал, что еще одна, самая маленькая капля в чашу его рассудка – и он за последствия не отвечает. И вряд ли когда-нибудь снова будет.

– Если бы я знала, что у Серого бывают такие впечатлительные друзья, я бы тебя хоть предупредила, – раздался сзади голос. Иван неестественно медленно повернул голову и украдкой выглянул из-за плеча.

Откуда-то появилась Ярославна и легким жестом отослала руки прочь.

Иван обдумал сказанное.

"У моей избушки куринные ноги, на колья в заборе насажены человеческие головы, во дворе работают руки без всего остального, а сама я – Баба-Яга."

Хм. Может для кого-то это и прозвучало бы успокоительно... На свой счет Иван сильно сомневался.

– Вы – Баба-Яга, – для простого вопроса это прозвучало очень уж обреченно.

– Во-первых, Иванушка, мне и тридцати еще нет, какая ж я тебе "баба"...

– Извините, – смутился Иван.

– ...А во-вторых, не Яга, а Ярославна; хоть ты и не помнишь, а Серый нас друг другу представил.

При этих словах царевич смутился еще больше, если только это было возможно.

– Когда-то давно и в самом деле была такая особа – Ядвига Пантелеевна, баба Яга для своих, – не обращая внимания на смущение царевича, или не показывая виду, что обратила, продолжала Ярославна.

– Нраву была вздорного, характера скверного, неуравновешенного, но получилось так, что попала в довольно известные истории, и после этого ее имя стало нарицательным, а все, что она когда-либо делала или говорила, стали приписывать нам всем. И совершенно напрасно, должна я тебе сказать. Это все равно, как если бы всех младших сыновей царей называли Иванами, и говорили, что за чем бы в поход этот Иван не отправился, он обязательно преуспеет только потому, что он – младший. Да, и вот только потому, что эта самая Яга проходящих кор-

мила-поила, парила в бане, укладывала спать, а утром отправляла дальше по своим делам, а те после всем об этом рассказывали, составилось превратное мнение, что наши жилища – это что-то вроде пансиона, скрещенного с банно-прачечным комбинатом, и кто попало в любое время может завалиться туда как к себе домой. И все это только потому, что те, кого после баньки она по ИХ делам НЕ отправляла (или по крайней мере не в том виде и составе, в котором они к ней пришли) никому об этом не рассказывали. И вот, пожалуйста, налицо испорченная необъективной информацией репутация – из-за одного человека страдают все, отбиваясь от толп различного рода авантюристов и искателей приключений на свою... – Ярославна благо-воспитанно не закончила предложение.

После довольно продолжительных поисков Иван нашел в себе силы спросить:

– А что обычно делаете ВЫ с теми, кто к вам попадает?

– По-моему, ты уже все видел, – Ярославна пожала плечами. Потом, показалось, какая-то неожиданная мысль пришла ей в голову, и она даже переменялась в лице. – Уж не думаешь ли ты, что я правила для всех распространяю на друзей моего брата? Ей-Богу, царевич, я ведь так и обидеться могу!..

Иван, которому шестое чувство коротко шепнуло, чем Ярославнина обида может выразиться, тут же с бессовестно преувеличенной горячностью заверил хозяйку, что ничего подобного ему и в голову прийти не могло, и Ярославна, удовлетворенно хмыкнув, пригласила его позавтракать в летнюю кухню, где уже поджидал его Серый Волк.

После завтрака они все втроем вернулись в домик, благополучно к тому времени пристроившийся на старом месте, поджав по себя кокетливо куриные ножки. Ярославна провела рукой над столом, и на нем, откуда ни возьмись, появилась массивная зеленая тарелка изрядных размеров, можно даже было сказать, блюдо. Из воздуха Ярославна ловким жестом заправского фокусника выхватила золотое яблочко с рубиновым бочком ("То самое!") и, как мастер-крупье единственного, но подпольного казино Лукоморья, куда однажды он увязался тайком за старшими братьями, покатила его по тарелке. К слабому удивлению царевича (после утренней прогулки по двору немало усилий надо было приложить, чтобы удивить его сильно) оно продолжало кататься по краешку блюда и через минуту, и через пять, и дальше... Волк сидел, поглядывая на приготовления с неподдельным равнодушием, из чего царевич заключил, что все это ему видеть далеко не впервой. И тщательно принял такой же скучающе-безразличный вид.

– Ну, рассказывай, Иванушка, что найти ты хочешь, – обратилась к нему Ярославна.

– Жар-птицу, – осторожно ответил царевич.

– Где живет, страна, город и тому подобное – знаешь?

Иван отрицательно покачал головой.

– Ничего, и так найдем, – весело подмигнула Ярославна. – Память хорошая?

– Хорошая, – подтвердил царевич.

– Вот и хорошо. Смотри и запоминай. Второго раза может не быть – вещица это капризная.

И она, поводя руками над зеленой тарелкой, начала приговаривать:

"Солнце садится, день степенится, свет убывает, ночь наступает, а я к окну подойду, занавесь руками разведу. На севере – Урион-звезда, на западе – Скалион-звезда, на юге – Малахит-звезда, на востоке – Сателлит-звезда. Как Сателлит-звезда по небу катится, на землю глядит, так и я в зеленое блюдо гляжу, увижу там все, что скажу. Покажи мне, блюдечко, Жар-птицу. Тамам!" – почти выкрикнула ведьма последнее слово, и в тот же миг дно тарелки просветлело, стало прозрачным, как будто облака рассеялись, и на нем показался глаз. Глаз был круглый, черный, блестящий и смотрел прямо на царевича не мигая. Точно так же, круглыми немигающими глазами, таращился Иван на это явление. Ярославна, кажется, сделала какое-то движение, потому что глаз стал уменьшаться, и тарелка показала, что он принадлежал осле-

пительно-красивой (и просто ослепительно-ослепительной) птице. По ее золотому оперению то и дело пробегали белые, голубые, рубиновые и зеленые искры, сталкиваясь, смешиваясь и снова разбегаясь, как играет бриллиант на ярком солнце, и от нее исходил свет, как будто были зажжены тысячи свечей (царевич быстро прикинул уровень освещенности, интенсивность свечения, и по формуле вышло – восемнадцать тысяч четыреста девяносто две и семь огарочков).

Изображение все уменьшалось, и теперь можно было хорошо разглядеть и точеную стройную шейку невиданной птицы, и изумрудный хохолок на маленькой головке, и невероятный у такого миниатюрного существа огромный хвост-опахало, каждое перо которого как будто заканчивалось драгоценным камнем чистейшей воды, который переливался и сверкал каждой своей гранью от блеска самой птицы.

– Вот это да-а-а!!! – вырвалось у кого-то, и что-то с грохотом упало, и наверное, даже разбилось, но Иван не повернул головы – настолько невозможно было для него оторвать глаз от открывшегося его взору чуда, и даже бившаяся где-то в глубине мозга мыслишка: "Приключения лукоморских витязей", страница три тысячи четыреста девятнадцатая, королевич Елисей и деревья-людоеды..." не смогла в этот раз завладеть его вниманием.

Боковым зрением он снова поймал какое-то движение, и картинка стала уменьшаться еще больше. Теперь стали видны диковинные деревья, каменные стены с причудливой росписью, стрельчатые окна с витыми решетками... И только сейчас Иван осознал, что все это время в избушке довольно громко бубнил чей-то гнусавый бесстрастный голос, и одновременно другой – тихий, но выразительный – нараспев выговаривал непонятные слова.

– ...и с тех пор Жар-птица находилась в садах королевской фамилии Мюхенвальд постоянно, под неусыпной охраной, дабы не искушать более похитителей. В самом начале своего правления его королевское величество Шарлемань Семнадцатый приказал вместо старых тесных клеток сделать новую, из чистого золота, и изукрасить ее драгоценными камнями в местах соединения прутьев, чтобы была она достойна той, для кого предназначалась, и куда чудо-птица могла бы укрыться при наступлении ночи или непогоды. На изготовление этой клетки ушло одиннадцать месяцев, пятьдесят килограммов чистого золота, двести девяносто шесть драгоценных камней из фамильной сокровищницы Мюхенвальдов и шестьдесят пять мастеров...

Вдруг дно тарелки засветилось голубоватым светом, голоса резко оборвались, зазвучала и тут же умолкла музыка, и показалось мордастое лицо мужчины неопределенного возраста с приклеенной пеньковой бородой, одетого в костюм лукоморского крестьянина (вернее, в то, что он, наверное, считал костюмом лукоморского крестьянина – красную рубаху навыпуск, подвязанную веревкой, штаны в мелкую красно-зеленую полосочку, красные сапоги и красную же шапку с отворотами. Сразу было видно, что к Лукоморью он никогда не подъезжал и близко, по крайней мере, последние 60 лет – а иначе бы знал, что после того, как лукоморские купцы проложили Великий Муаровый Путь в Вамаяси и Шатт-аль-Шейх, костюмом лукоморского крестьянина стали вышитые туфли без пяток, но с загнутыми носами, черные муаровые кимоно до щиколоток, с золотыми драконами, и конусообразные соломенные шляпы/чалмы – по выбору деревенского старосты. На полевые работы надевались полосатые стеганные ватные халаты, гэта и тюбетейки.).

Ряженный, масляно улыбнувшись и заговорщицки подмигнув, обратился прямо к Ивану: "Наша продукция производится из экологически чистого материала! Это ручная работа!" – руки он при этом демонстративно прятал за спиной. – "Она дешева и удобна в носке! Наши традиции и передаваемые от отца к деду секреты мастерства делают ее единственной в своем роде! Надев ее, вы поймете, что такое истинное удовольствие! Угадайте, что это?" – и, не дав озадаченному Ивану ни единого шанса, сунул ему что-то, что раньше держалось за спиной, чуть ли не под нос.

– "Лапти мягкие, деревенские! В них выросло все Лукоморье!"

Не успел ошарашенный царевич опомниться, как назойливый мужичок пропал. Вместо него на дне тарелки появились две худосочные девицы в сарафанах и кокошниках, густо нарумяненные свеклой и с бровями, подведенными угольком (свекла тушилась тут же, на угольках). У одной девы была сковородка с коричневой ручкой, у другой – с красной. Масло вперемежку со свекольным соком яростно шкворчало и брызгалось в разные стороны, обильно орошая поварих с ног до головы. В следующую секунду сковородки пропали, а красны (уже в буквальном смысле этого слова) девицы с негодованием взирали на свои испорченные наряды и прически. "Опять эти пятна!!! А посмотрите, на что стали похожи мои волосы!!!" – синхронно-патетически начали они срывать с себя уборы. Недоумение Иванушки резко сменилось глубоким интересом, шея вытянулась, глаза округлились, рот приоткрылся.

– Ах, чтоб тебя! – с сердцем выдохнула Ярославна и махнула над тарелкой рукой. Дно погасло. Видения пропали.

Иван почувствовал, что краснеет.

– А-а... это... м-м... когда.. Что это было?.. После птицы?

Ярославна пожала плечами.

– Одни говорят, что эта модель несовершенна, и поэтому заданное изображение сбивается на то, что, может, в этот момент запрашивают другие. Василиса утверждает, что это просто помехи. А я считаю, что при определенных условиях тарелка просто ловит отражение других миров. Но ни у кого нет никаких доказательств, и поэтому каждый волен думать, что он хочет. Но в любом случае, эта дребедень зарядила до самого вечера, а может и на всю ночь. Ты успел понять, где находится Жар-птица? И не забыл ли? – ведьма насмешливо стрельнула на царевича глазами.

– Нет, – Иван был занят разглядыванием с попутным выковыриванием чрезвычайно интересного сучка в столешнице, но мог бы почувствовать этот взгляд и на другом конце леса.

Ярославна позаботилась бы об этом.

– Что – "нет"?

– Не усп... То есть, не забыл. Успел. Ну, конечно же я знаю, где это! Абсолютно. Точно. Это в М-м... Нет, в П-п... Нет, в Стр... Нет же!.. Тьфу ты, опять запаятовал... Да как же там его... Тамерланд... Патерланд... Диснейланд... А, вспомнил!!! Вондерланд! Это рядом с нашей западной границей. Если ехать все дальше по той дороге, по которой я ехал сначала, то туда можно добраться через десять дней. Это государство к столице Лукоморья находится ближе всех. То есть, это Лукоморск находится к нему ближе всего. То есть, нет. В смысле, они... это... Мы его в прошлом году с наставником Олигархией проходили. То есть, и его тоже. А еще... – Иванушка вдруг смутился своего неестественного многословия. Вернее будет сказать, смутился еще больше. – Ну, это, наверно, неинтересно вам будет... Это, наверно, все знают... Про язык там... Про правителя... Обычай... А то, что мы видели – это знаменитые висячие сады Мюхенвальда – первый этаж был построен Шарлеманем Первым, это у них традиция такая – всех кронпринцев называть Шарлеманями, и каждый последующий Шарлемань пристраивает теперь по этажу к уже существующему саду, это тоже традиция, и поэтому там уже накопилось... – Иван наморщил лоб и со страдальческим видом начал шевелить губами, углубляясь в вычисления.

– Семнадцать этажей, – ласково подсказала Ярославна.

"Точно, ведьма", – затряс головой царевич.

– Вот, и еще там собраны семнадцать тысяч четыреста девяносто два вида известных растений со всего мира и шестьсот три неизвестных. Там даже есть... есть... этот, как его... ну, этот... А, опять забыл. Я его все время забываю. Просто когда королевич Елисей на странице две тысячи двести первой попадает в такой сад, занесенный туда ураганом вместе со своим дворцом, и...

– Выходим завтра утром, – подытожил Сергей.

- Вылетаем, – поправила его Ярославна.
- Как, и вы тоже?.. – испугался царевич.
- Я вас только провожу. До первой деревни, где вы сможете купить лошадей.

При слове "лошадь" царевич болезненно вздрогнул и украдкой дотронулся до пониже спины. Несмотря на лесное волшебство, воспоминания о прелестях продолжительной верховой езды были живы в нем как никогда. Но выбора не было, со вздохом вынужден был признать Иванушка. Или они едут верхом, или им до этого Вондерланда...

И тут до озабоченного предстоящей дорогой сознания царевича пробился смысл только что услышанного.

- ВЫЛЕТАЕМ?!...

* * *

Когда царевич проснулся, продрал глаза и очень осмотрительно вышел из избушки (ее ножки были покорно поджаты), проворные Руки уже ловко укладывали их багаж в огромное корыто, а ближайшая пара Голов начальственно на них покрикивала. При появлении Иванушки одна из Рук приветственно ему помахала, а первая слева голова оповестила:

– Ярославна с брательником на куфне вас завтракать ждуть, оне велели вам умыться и тудыть подходить, – и занялась дальшей отдачей распоряжений, перекидываясь с первой головой справа грубоватыми шутками.

– П-понял, – не сводя на всякий случай с голов взгляда, подтвердил царевич и боком двинулся к умывальнику, но тут же обо что-то споткнулся и вытянулся на траве во весь рост. Падая, он успел заметить, как под избушку быстро втянулось нечто желтое, морщинистое, бревноподобное.

Подножка!

Отряхиваясь и бормоча что-то не совсем лестное о курицыных детях, царевич, не обращившись более, поспешил на кухню, и не мог видеть реакцию Ярославниных слуг. Да, может, оно и к лучшему.

Когда с завтраком было покончено, грузо-пассажирская эскадрилья Ярославны в полной готовности к отлету была построена на дворе перед избушкой. На правом фланге горделиво красовалась добротная вместительная ступа с прислоненным лохматым помелом. Далее следовали два внушительного вида бочонка, распространявшие вокруг себя неповторимый запах свежеструганного дерева и, наконец, два корыта большой грузоподъемности с накрепко принайтованным имуществом Ивана замыкали построение.

Иван остановился и вопросительно взглянул на Ярославну.

– Твоя бочка вторая от ступы, – неправильно истолковав его заминку, подсказала та.

– Н-нет, я просто хотел... Ну, да, конечно... Нет, то есть, я хотел спросить – это что, все полетит? В смысле, я знаю, что бабки-ежки... То есть, ведьмы, я хотел сказать, извините, летают на помеле. Или в ступах. Про это я читал. И в "Приключениях лукоморских витязей" на странице пятьсот седьмой, когда Елисей... – перехватив выразительный взгляд Серого, Иван осекся и быстро закончил: -... но корыто?!

– А что тебя смущает? – поинтересовалась Ярославна. – Заклинание полета всегда одно, хоть для ступы, хоть для бочки, хоть для стакана. Если вылетает группа, ведомая одним человеком, оно слегка изменяется, вот и все. А что касается нашего обоза, – и она кивнула на выставку домашней утвари на дворе, – У тебя во дворце ведь тоже, наверняка, есть и скакун-иноходец, и ломовой коняга, и кляча водовоза. И все они хороши для своих целей. И, кстати, – вспомнив

о чем-то, она выудила из кармана кулек из промасленного пергамента и подала его Ивану, – Вот, держи, не теряй.

– Это еще зачем? – искренне не понял тот.

– Взлетим – может, поймешь, – ухмыльнулся Серый, – А не поймешь – твое счастье.

– Ты не смущай вьюношу, – вмешалась ведьма. – Это если нехорошо тебе будет. На лету до меня ведь не докричишься, остановки только на обед и ужин со сном, так что, не стесняйся. Ты в первый раз летишь, и ничего постыдного здесь нет. В воздухе ведь всякое бывает – вон, по земле едешь – и то порой приключений не оберешься, а тут...

Иван явно стал на оттенок бледнее.

– Не бойсь, царевич, – сверкнув белозубой улыбкой, Серый дружелюбно хлопнул Ивана по плечу.

Иванушка взвился, как ужаленный. Так Серый считает, что он испугался!!! Да как он может!!! Я!!! Царевич!!! Лукоморский витязь!!! Чудо-богатырь!!! Испугался!!!

Ну, подумаешь, чуть-чуть.

Ну даже если и не чуть-чуть, если честно-то. Ну и что?!

Неужели это так заметно?...

И совсем не обязательно было об этом говорить вслух.

А Серый уже деловито проверил ремни, которыми вещи были привязаны и ловко запрыгнул в один из бочонков. Царевич демонстративно распрямил плечи, выпятил грудь, выставил подбородок вперед и сделал то же самое.

С пятого захода ему удалось добиться того, что бочка при этом не падала.

С шестнадцатого – чтоб бочка не падала при попытке перевернуться с головы на ноги.

Красный как рак от смущения и злости, потный и растрепанный, мысленно проклиная самыми страшными известными ему словами ("гнусные, мерзкие, отвратительные...") все бочки, Ярославну, Серого, Жар-птицу, прадеда, которому пришла в голову идиотская мысль посадить в дворцовом саду эту дурацкую яблоню с золотыми яблоками, а также себя самого, Иван высунулся из бочки чтобы глотнуть немного свежего воздуха и украдкой скопил глаза на Ярославну и Волка. Удивительно, но они так, казалось, были увлечены разговором друг с другом, что даже не обращали не малейшего внимания на его экзерсисы.

Даже слишком увлечены. И в глубине сконфуженной, готовой к яростному отпору при тени малейшей насмешки души царевича шевельнулась робкая признательность. И вместо наглой, глупой, вызывающей фразы, зародившейся в его голове во время позорного кувыркания как возможный ответ на вероятную издевку, у него вырвалось нерешительное:

– Ну, я готов...

Длился второй час полета. Позади осталась полянка с избушкой Ярославны, энергичные руки помахали им вслед и занялись прополкой грядок с морковкой, нахлынула и потихоньку уползла куда-то в район солнечного сплетения тошнота, бесконечные верхушки деревьев, одинаковые сверху (впрочем, и снизу тоже; для Ивана все деревья делились на три породы – елка, береза и ни то, ни другое) успели надоест в первые десять минут, и теперь царевич сидел, нахохлившись, на дне бочки и страдал от невозможности вытянуть ноги.

"В принципе, если сравнивать с путешествием верхом или даже пешком, полет – не такой уж и плохой способ передвижения, особенно на большие расстояния," – рассуждал Иван, напрочь забыв, что еще пару часов назад он был также твердо убежден совершенно в обратном, – "Но только теперь мне становится понятным, почему он не получил широкого распространения среди людей. Конечно, нам, лукоморским витязям, не привыкать, мы и не такое видали, мы привыкли смеяться трудностям и опасностям прямо в лицо, но простые люди – это другое дело, хотя для путешествий по Лукоморью или в другие страны, например, для купцов, или послов, или... ну, или там для еще кого, лучше и не придумаешь... Это ж в три раза быстрее получается! Вот если я бы был царем, ну или хотя бы наследником престола, я бы тогда,

пожалуй, приказал придумать что-нибудь такое же, но только посовершеннее. Ну, во первых, попросторнее. Значительно. И чтобы летать там могли несколько человек, чтобы было с кем поговорить в дороге. И чтобы на полу подушки лежали. А еще лучше, диваны стояли. Или кресла. И чтобы навес какой-нибудь был, на случай дождя." – Но потом ему пришло в голову, что дождь может быть и косой, и он мысленно добавил: "А окошки застекленные." Потом свое мнение высказал желудок, решивший что, пожалуй, съеденного завтрака до обеда не хватит, и Иван продолжал: "А также при пассажирах должен бы был состоять челядинец специальный, который бы их пирожками обносил. В смысле, кормил. И поил тоже." Но остывшие после долгого пути пирожки и холодный чай царевичу не показались достаточно привлекательной перспективой, и он тут же к мысленному проекту решительно добавил переносную русскую печь и повариху к ней.

Несколько больше сомнений вызвало возможное наличие нужного чуланчика, который все-таки был принят в конце концов с той поправкой, что при перелете над населенными пунктами он будет закрываться челядинцем-разносчиком.

"А все же, если целый день лететь, а то и несколько, то скучновато может быть," – нашел царевич новый изъян в своем детище. – "Пожалуй, надо там будет держать скоморохов команду, песельников и сказителя с гусями. И запас продуктов и для них тоже. Тогда клетки нужны будут, хоть как крути... И людская. Хм, тогда места еще побольше надо. Да это у меня уже целая изба получается! Хотя, ну и что, что изба.

Очень даже и хорошо это. И назову я ее тогда... Назову я ее... Как бы это ее полочнее назвать... Чевой-то не придумывается. Ну, да ладно. Потом придумаю."

Но тут сомнение закралось в голову Ивана, и он встревожено и озабоченно заскреб в затылке. "А если волшебство откажет в воздухе? Тогда что? Ага! Придумал! Надо управляющему повыше летать приказать, а всем пассажирам метлы выдавать, как у бабок-ежек, перед началом полета, чтобы в случае чего они на них сели – и пошел через дверь по одному!"

Услужливое воображение Ивана нарисовало ему самого себя с помелом промеж ног на пороге стремительно несущегося книзу его неопознанного летающего объекта, а рядом – необъятного как Родина, бледного, с выпученными глазами боярина Бориса, старейшего Думы, с метлой и супругой своей Федосеею в вытянутых трясущихся руках. Нет. Что-то во всем этом было неправильно, и царевич с раздражением вымарал эту картину из мыслей. "Не будем об этом. Подумаем лучше, как же я все-таки ее назову. "Летающий дом"? "Изба летающая"? "Летный дворец"? Во! Есть! Назову-ка я ее "Изба самолетная"! Такое даже королевичу Елисею не снилось, хотя, если быть справедливым, то на странице тысяча четыреста пятнадцатой... А вообще-то, нет. Все равно не то. Вот. А делать такие, окромя как царским казенным заводам, запретить, а за полет золотом платить. Тем, кто согласится," – и, поразмыслив над этим предложением, честный Иван со вздохом добавил: "Да только какой же дурак по своей воле туда полезет. Ну, разве только мы, витязи Лукоморья..."

* * *

На закате караван приземлился на лесной полянке, заложив предварительно такой вираж, что расслабившийся и ничего не подозревающий царевич едва не вылетел из ненавистной бочкотары головой вниз. Впрочем, сама посадка прошла на удивление мягко, и о том, что они уже сели Иван догадался только тогда, когда через край заглянула слегка взлохмаченная голова Серого и изрекла: «Приехали. Конечная.» Радостного события не смогла испортить даже привычно перевернувшаяся бочка, и Иван с наслаждением растянулся на восхитительно мягкой и душистой траве во весь рост, обняв руками земной шар. «А снится нам трава, трава у до-ома...»

– в экстазе зазвучали в голове с детства знакомые строки, внезапно приобретшие совершенно новое, глубокое значение, а блаженная (идиотская) улыбка, расплывшись, заняла все доступное место на измученном угрозами приближения морской болезни лице Ивана.

Идиллическая картина возвращения блудного сына к матери-земле была прозаически нарушена воткнувшимся у самого царского носа топором.

Вслед за топором к царевичу вразвалку приблизились его новые сапоги.

Иван обиженно поднял вопрошающий взгляд.

– Я иду на охоту, Ярославна готовит ужин, а тебе остается хворост, – изложил суть дела Волк. – Возражения, поправки есть?

Было ли это из-за наступающих сумерек, или на самом деле, но Ивану показалось, что цвет лица Волка тоже несколько далек от идеального. Возможно, это объясняло и необычную краткость отрока.

Иван подумал, отрицательно качнул головой и стал медленно и осторожно принимать положение "на четвереньках", и только после этого – "стоя вертикально, плюс-минус десять градусов в любой данный промежуток времени". Минут через пять, после того, как он уже смог твердо занять позицию под углом в девяносто градусов к поверхности земли, он рискнул наклониться, подобрал топор и неестественно твердым шагом направился в лес.

В лесу было тихо и прохладно, пахло грибами и сыростью, а зарождающиеся из ниоткуда молочные клубы тумана придавали всему оттенок нереальности. Понятия пространства и времени теряли здесь свои традиционные значения, растекаясь и перемешиваясь с туманом. "Как во сне," – подумалось царевичу, – "когда хочешь рассмотреть поподробнее что-нибудь, но стоит приглядеться, как все расплывается перед глазами, ускользает, и видишь, что на самом деле там ничего нет, и не было..."

Что такое хворост, царский сын представлял весьма смутно, но у него создавалось такое впечатление, что это каким-то образом имеет отношение к деревьям, а раз ему был выдан топор, то значит этот хворост или очень большой, и его придется измельчать прежде чем собрать, или это все-таки какая-то часть дерева, и его придется сперва от него отделить. И в том, и в другом случае этот хворост должен был быть чем-то специфическим, а иначе его просто нарубили (насобирали?) бы прямо у полянки. Оставалось только вычислить, что же это именно такое, где его берут, и приступить к выполнению задачи – отошедший от дневных полетных испытаний желудок вежливо, но настойчиво стал напоминать, что вообще-то сейчас уже время ужина.

Иван продолжал двигаться вперед, раздвигая перед собой жиденькую поросль и туман, доходившие ему до пояса, и беспомощно окидывая взглядом окружающий его лес. Ничего такого, при виде чего сразу стало бы понятно, что это именно хворост, и ни что иное, на глаза по-прежнему не попадалось. И несмотря на титанические усилия припомнить что-либо подобное из приключений лукоморских витязей, на ум ничего адекватного не приходило. Каждый раз, когда королевичу Елисею случалось ночевать одному в лесу, ему или попадалась избушка (с разбойниками, с Бабой-Ягой, с красной девицей, с тремя пороссятами и так далее), или на весьма удобной (без признаков сырости и тумана) полянке уже горел готовый костер, разожженный предусмотрительными путниками (разбойниками, Бабой-Ягой, красной девицей, тремя пороссятами). В принципе, разбойник, Баба-Яга (она же красна девица) и три поросенка (в багаже) были в наличии, но все равно так, как у Елисея, почему-то никак не получалось.

Несколько раз Иван пробовал начинать что-то рубить или на ощупь собирать под ногами, но каждый раз перед ним вставал неразрешимый вопрос – а хворост ли это?, и он в растерянности прекращал всякую деятельность.

Так прошло еще полчаса. И царевич наконец решился. Отчаянно размахивая топором, он обрубил все ветки на высоте человеческого роста на первой попавшейся не-елке и не-березе за какие-то сорок минут, сгреб их в охапку, развернулся и направился к лагерю.

Быстро темнело. Туман густел с каждым шагом, становясь все материальнее и по плотности уже напоминая взбитые сливки или воздушный крем. "Откуда же он берется?" – размышлял Иван, безуспешно стараясь отвлечься от мыслей о том, что Ярославна приготовит на ужин. Насколько хорошей была успеваемость юного наследника престола по литературе, истории и географии, настолько жалкими были его познания в естественных науках. Они не казались ему такими же увлекательными, как его любимые дисциплины, а практического применения умению отличать липу от осины или знакомству с анатомией майского жука лукоморский витязь Иван не находил, и поэтому вызубренные по принципу "сдать и забыть" знания не задерживались в монаршей голове надолго.

Вообще-то, Ванюша был никогда не против подпитать свою эрудицию чем-нибудь интересным или полезным, но не такой ценой.

Теперь он понял, откуда берется туман.

Туман берется из реки, которая на данный момент неторопливо просачивалась в его сапоги.

Когда он уходил из лагеря, никакой воды, кроме как в глиняном кувшине в багаже, поблизости не было.

Значит, он заблудился.

Опять.

Сейчас молочно-белые и такие же прозрачные клубы тумана поднялись еще выше и накрыли царевича с головой. Недолго думая, он начал звать на помощь, но с таким же успехом он мог кричать в подушку – звук затухал еще при выходе изо рта, и Ивану начинало казаться, что он попросту оглох.

"Главное – не паниковать," – приказал он сам себе, нащупывая на всякий случай за поясом рукоятку топора. Хоть он оказался там, где и должен быть. Медленно ступая задом наперед, царевич выбрался из воды на берег и остановился. Немного подумав, он бросил охапку веток на землю, сложил ладони рупором и снова заорал: "А-уууууууу!". И в этот раз ему почудилось, что откуда-то издалека (или не очень?) до него долетел ответный крик.

Иван не поверил своим ушам, набрал полную грудь воздуха пополам с туманом и взревел: "Сергий!!! Ярославна!!!"

В реке что-то испуганно булькнуло, а справа тут же донесся ровный сильный женский голос. Слов было не разобрать, и из-за тумана было даже похоже, что женщина как будто пела, но Ванюша сразу понял, что это Ярославна его ищет, и не разбирая дороги (не то чтобы эта дорога вообще была, или имелась возможность ее разобрать) он бросился в направлении голоса. Из головы его вылетели все мысли, как будто их там и сроду не было, а осталась одно только непреодолимое желание как можно скорее добраться до источника этого божественного голоса в тумане, туда, где его ждало спасение, блаженство, радость... счастье... забвение... забвение... забвение...

Голова его кружилась, и он уже не понимал, где он находится, где вода, земля, небо, лес, туман – да и какая разница! – он летел на крыльях восторга, в голове у него был такой же туман, и он ощущал себя одним целым с ним, с ночью, с рекой, – он был счастлив, и счастье переполняло его, и ему хотелось срочно поделиться им с кем-нибудь, пока оно не разорвало его на кусочки, но и тогда он бы был счастлив как никогда в своей короткой жизни, потому что он слышал этот неземной голос и приближался к нему с каждым взмахом крыльев.

О-го-го-го-го-го-го! Я лечу-у-у-у!!! Смотрите все – я лечу!!! ЛЕЧУ!!! Смотрите! Скорее смотрите – Ярославна, Серый, я л...

Чьи-то сильные руки обхватили его вокруг талии, волшебный голос умолк, очарование мгновенно растаяло, и Иванушка с ужасом обнаружил, что стоит по пояс в холодной воде, а от человека, прижимающего его к себе, исходит мощный запах водорослей и рыбы.

Царевич внезапно почувствовал, что желудок его превратился в огромный комок льда, а сердце, пропустив удар, оторвалось от насиженного места и пребольно ухнуло в правую пятку.

Русалка.

Иван вспомнил все. Русалки – зеленые женщины с рыбьими хвостами, которые пением заманивают по ночам одиноких глупых доверчивых путников в воду и там их топят. Или душат? Или обглаживают заживо? Или все и одновременно?...

Стоп. Я знаю, что делать. На странице девяносто восьмой, где король Елисей вот также ночью встретился с кровавой водяницей на проклятом болоте один на один, он смог спастись, орудуя...

Как будто прочитав мысли царевича, или саму книгу, русалка одним плавным скольльзящим движением вынула топор из-за кушака своей добычи и рассеяно кинула куда-то себе за спину. Звук падения Иван так и не услышал. Или туман поглотил его, или топор улетел так далеко...

Первая версия нравилась ему гораздо больше.

– Милана, плыви сюда, я с поклевкой, – когда русалка не пела, голос ее был властным, низким и с хрипотцой.

Значит, их было двое. Как минимум.

– Кто попался? – донесся откуда-то справа похожий голос, но понежнее.

– Лопух, – русалка пожала плечами. – Добыча моя, значит, тебе разделять. Как договаривались.

– А я и не спорю, – обладательница второго голоса выступила из тумана по пояс в воде. Смутные очертания женской фигуры проступили лишь когда она приблизилась к ним почти вплотную, и снова в ноздри ударил резкий запах водорослей и рыбы.

Вторая русалка провела холодной рукой Ивану по лицу.

– Какой хорошенький...

Иван тихо порадовался, что сейчас ночь, причем туманная, и не видно, как он дико покраснел.

– Только не проси меня его оставить, – голос первой русалки звучал ворчливо, но непреклонно.

– Ну почему, Русана, пусть немножко поживет у нас, я буду за ним смотреть и...

– Нет-нет, и не упрашивай, – отрезала та, кого называли Русаной. – В прошлый раз ты так же говорила, обещала за ним ухаживать, убираться, а в итоге все пришлось делать мне, и в конце концов он все равно объелся червями и сдох. Только добро переводить. Поплыли.

Все это время в душе царевича за доминирующую позицию боролись ужас и изумление. И теперь, пока они все еще были заняты, мутузя друг друга, на первый план, откуда ни возьмись, выскользнул здравый смысл и в немногих словах обрисовал Ивану его ближайшее будущее. В соответствии с продолжительностью будущего, многих слов ему просто не понадобилось.

И Иван решил вмешаться.

– Кхм. Извините, пожалуйста. Я не ем червей.

Он почувствовал, как обе головы повернулись к нему, как будто не ожидая, что он вообще может говорить.

– Тебя никто не собирается заставлять их ЕСТЬ, – с неприязнью произнесла одна из них, по голосу – Русана. – Мы собираемся тебя ими ФАРШИРОВАТЬ.

– Ой, Русана, смотри – говорящий человек! А я думала, они только кричать умеют. Наверно, нам какой-нибудь особенный достался.

– И не уговаривай, – упрямо мотнула головой Русана.

– Да нет, я и не думаю, – слишком поспешно ответила Милана. И тут же добавила: – Ну тогда пусть он еще немножко поговорит, мы все равно никуда не спешим, а второй такой когда еще попадется, – и мягко погладила его по голове.

– А завтрак?

– Подумаешь – на пять минут попозже. Ничего страшного. Говори еще, человечек. Ты ведь умеешь говорить?

Иван понял, что это его единственный шанс предпринять что-то, и другого шанса просто не будет, но он не знал, что ему делать. После того, как он лишился своего единственного оружия – топора – действовать так, как королевич Елисей на странице девяносто восемь, стало невозможно. Да и, откровенно говоря, в глубине своей раздираемой самыми различными эмоциями души Ивану казалось, что у него все равно ничего бы не вышло, даже если топор оставался бы при нем: в "Приключениях лукоморских витязей" почему-то ничего не было сказано, что обычная русалка может одной рукой мертвой хваткой удерживать человека, небрежно жестикулируя при этом другой во время разговора. "Потяни время", – успел шепнуть ему Здравый Смысл, уворачиваясь от пинка Отчаяния.

– Умею, – признался царевич. – Вообще-то, люди все говорят. Наверно, у вас просто не было возможности с нами пообщаться. А ведь люди, наоборот, считают, что русалки умеют только петь. И то только когда... Это... Ну...

– Охотятся, – радостно подсказала Милана.

Иван уцепился за это слово.

– А что вы едите, когда люди не... клюют?

– Консервы.

– А-а... мн-н-н... Э-э-э? – осторожно спросил царевич.

– Иногда поклевка бывает такой хорошей, что Русана заготавливает консервы впрок, – охотно разъяснила Милана. – Я тоже как-то пробовала, мы вместе делали, но мои почему-то через два дня испортились. Русана говорит, что крови много осталось и кости слишком крупные, а я вроде все по рецепту делала, да и при ней же. По-моему, я просто неспособная к кулинарии. Зато пою лучше всех.

– Болтаешь ты больше всех, – беззлобно проворчала русалка постарше. – Пошли давай, время идет. Еще начинку и маринад готовить – сегодня я тебе помогать не буду, привыкай к самостоятельности.

– Ну, Русана-а, – гнусаво-капризным голосом избалованной принцессы протянула Милана.

– Пошли, пошли.

Русалка сделала еще один шаг в глубину. Царевич забился, чуя конец.

– Отпустите меня! Вы не имеете права! Это негуманно! Мы – братья... то есть, сестры... то есть... Пустите меня! Пустите!!!

Холодная вода коснулась подбородка. Иван даже не понял, а почувствовал всеми фибрами души, даже при таких обстоятельствах не желавшей покидать давно промокшие пятки, что это – его последнее мгновение на свете, и, не сознавая, что делает, набрав полную грудь воздуха вперемежку с туманом, взревел:

Прощай-те, това-рищи, все по ме-стам,
Послед-ний парад наступа-ает,
Вра-гу не сдае-отся наш гор-дый «Коряк»...

И только допев песню до конца, он понял, что он допел ее до конца.

И от изумления затих.

- А еще знаешь? – по голосу – Русана.
- З-знаю.
- Спой.
- Слав-но-е мо-ре, священный Бас-ка-а-а-ал...

И пока звонкий молодой голос усердно выводил повествование о злосчастном бродяге, голова лихорадочно старалась мыслить, по возможности не сбиваясь с такта и не путая слов.

"Почему они слушают? Что я о них знаю?...мо-лод-цу плыть не-да-ле-е-еч-ко. Так. Русалки. Людоеды.

...в де-е-брях не тро-о-нул... Живут в реке. Поют для привлечения добычи. Поют. ...ми-но-ва-а-ала... Любят петь. Вода. Мамочки, забыл! Сначала! Надо начать сначала!...слав-ный ко-рабль... Любят воду? Понял!

...слав-ный ко-ра-абль... Ой, что я пою?! Песни о воде! Они любят ПЕСНИ О ВОДЕ!...о-о-му-ле-евая боч-чка... То есть, пока я буду петь им про воду, они меня не тронут! Вероятно."

- Еще, – потребовали обе в голос как только замолк последний звук.
- Раски-ну-улось мор-ре широ-ко...

И опять до конца. И когда непререкаемым тоном Милана потребовала петь дальше, царевич решил пустить пробный шар.

– С удовольствием. Только мне вода в рот попадает, и дыхание сбивается в таком положении. Может, меня можно вертикально держать? Ну или хотя бы под углом в шестьдесят градусов? А?..

– Умник нашелся, – неласково высказала свое мнение Русана, но из воды его вынесла и с размаху, как тряпичную куклу, усадила на берег. Непроизвольно у Ивана вырвалось порочащее звание лукоморского витязя "Ой!". Потянувшаяся к пострадавшему месту царственная рука тут же была перехвачена русалочьей. Та же участь постигла и неподвижную другую руку.

– Ну что, устроился? Пой дальше, и не вздумай сбежать, – потребовала Русана.

– ... – Иванушка открыл рот, и вдруг с ужасом понял, что не помнит больше ни одной песни про воду. А попробовать и спеть что-нибудь другое у него не хватало духа. Если им нравилось слушать про воду, это не значило, что при первых же словах про что-нибудь другое он через секунду не окажется снова в реке, и на этот раз навсегда.

- Ну?
- Спой, рыбка!
- И Иван запел.
- Море, лукоморское мо-о-оре...

К счастью, пока он пел, изо всех сил надеясь, что русалки не обратят слишком пристального внимания на наличие в лукоморском море колосьев и прочих предметов, порядочному морю не приличествующих, ему вспомнилась еще несколько песен про разнообразные реки, пруды, заводи и протоки. Но когда после слов "Здравствуй, лукоморское море, я твой тонкий колосок" царевич сразу же начал "Тихие пруды...", Милана несколько смущенно перебила его:

- Да что ты все о воде, да о воде...
- ?

– А про любовь знаешь?..

– Рано тебе еще такие песни слушать, – сурово, но как-то не очень убедительно возразила старшая русалка.

- Ну, Русаночка, ну пусть споет.
- Ну, пусть, – неожиданно легко дала уговорить себя та.

Про любовь Иван знал. Окна дворцовой библиотеки выходили на лужайку, где по вечерам летом в хорошую погоду собирались на гулянки столичные девки да парни. И поскольку голосистыми певцами Лукоморье славилось исстари, а читать младший наследник престола любил больше всего на свете, то репертуар передовой части городской молодежи накрепко

впечатался в его память вместе с текстами древних историков и географов, хоть и помимо его воли.

– Раз-лу-у-ка ты-ы раз-лу-ка... – проникновенно выдохнул Ванюша. К концу песни Милана рыдала в голос, а со стороны Русаны неясно доносились крайне подозрительные всхлипы. Не желая портить произведенный эффект, он сразу же с надрывом выдал про догорающую лучинушку, затем про три счастливых дня, и завершил второе отделение любовью, похожую на сон.

Если бы действие этой истории происходило несколькими сотнями лет позже, то этот момент положил бы начало фан-клубу Иванушки. Его бы носили на руках, тискали в объятиях (что, впрочем, уже было) и разрывали на части экзальтированные девчонки неопределенного возраста (что еще может случиться).

Но дело было здесь и сейчас, и поэтому благодарные слушательницы одной рукой вытирали слезы, а другой надежно держали его за запястья, что несколько угнетало царевича. "Но, с другой стороны, хоть пока не топят," – попробовал успокоить себя он.

– Дальше! Еще! – стала требовать просморкавшаяся публика, и Иван завел следующую. Голос его начал слегка дрожать. "Так меня надолго не хватит," – обеспокоено подумал он.

Хватило его на дольше, чем он ожидал. Иногда просто диву даешься, на что тебя может хватить, если альтернативой является фаршировка червяками.

Рассвет подкрался исподволь, пока Ванюша дребезжащим шепотом выводил душераздирающие подробности очередных любовных страданий.

Дослушав до конца, Русана деловито, как ни в чем ни бывало, поднялась на ноги, рывком привела в вертикальное положение Ивана и, не выпуская его руки, сухо скомандовала:

– Милана, собирай вещи, пошли домой.

Сердце царевича и его желудок столкнулись на полпути.

Младшая русалка отошла в сторону на несколько шагов и, судя по всему, начала что-то искать среди травы в тумане. Спустя минуту откуда-то слева донесся ее ворчливый голос:

– Русана, где моя шаль? Ты ее последняя носила. Куда ты ее дела?

– Повесила на куст.

– На какой куст?

– На единственный, Милана. Давай быстрее, еще с ужином столько возни, и ты тут копаешься.

– На какой единственный? Ее тут нет. Я его уже семь раз кругом обошла. Вспомни лучше.

– Не надо на меня дуться, я все равно не позволю тебе его оставить, а твою глупую шаль я сейчас найду, и так тебя отругаю!..

В порыве раздражения русалка оттолкнула Ивана и метнулась на голос.

Надо отдать должное Ванюше, он понял, что свободен, и что пришел его единственный Шанс только через несколько минут, когда его затекшие, взывающие о милосердии ноги уже отнесли его от проклятого места настолько, что дьявольские визги, уханья и вопли, от которых кровь стыла в жилах, были еле слышны. Пронеся хозяина еще несколько сажений, взбунтовавшиеся ноги, которым, похоже, и дела не было до остальных частей тела, уже собирались отказать, как вдруг царевичу показалось, что один из жутких выкриков прозвучал ближе других.

Иван никогда на подозревал, что усталое, голодное, невыспавшееся, запуганное до смерти человеческое существо с затекшими до потери чувствительности ногами может мчаться с такой скоростью, перепрыгивая при этом через бурелом не хуже породистой скаковой лошади. Деревья по сторонам слились в один бесконечный забор, а воздух свистел в ушах, заглушая треск ломающихся веток.

Но, в конце концов, физиология взяла свое.

Когда наконец полностью рассвело и его нашел Сергей, Иванушка мог реагировать на все внешние раздражители только слабыми вскриками, в которых, заботливо прислушавшись, его друг смог угадать что-то похожее на "Спасайся, они уже близко."

После того, как Иван, уже в лагере, оккультными стараниями изумленной Ярославны постепенно пришел в себя, первым делом он рассказал о страшной опасности, угрожавшей ему этой ночью, и как счастливо он избег (избежал, точнее) ужасной участи. И, в процессе пересказа, он, со все возрастающей ясностью, начал понимать, что это был его ПЕРВЫЙ ПОДВИГ. Королевич Елисей отдыхает. На авансцену выходит Иван Непобедимый. Иван Великолепный. Иван Завоеватель. Иван Покоритель Русалок.

Уф! Иван задохнулся от переполнявшей его гордости и заканчивал рассказ о победоносном бегстве с высоко поднятой головой и глупой ухмылкой от уха до уха.

По окончании повествования царевич сделал театральную паузу, и счастливая улыбка достигла своего апогея.

Наступившую тишину нарушила Ярославна.

– Иван-царевич, ты – молодец. Ты вел себя мужественно, сохраняя присутствие духа...

Иван почувствовал, что еще одна похвала, и он просто лопнет – раздуться дальше ему просто было уже некуда. Но Ярославна еще не закончила:

– ... в обстоятельствах, угрожающих твоей жизни. Как ты был уверен. Но, видишь ли, Иван-царевич, дело в том, что русалки – существа довольно редкие, живут замкнуто, и поэтому люди о них мало что знают.

Иван насторожился. А Ярославна продолжала:

– В частности, они не знают того, что русалки – создания вегетарианские, что пение они любят больше всего на свете, и что сами не осознают свойства своего пения привлекать помимо воли простых сухопутных. Вроде людей. Они чрезвычайно не любят, когда, несмотря на тщательно выбранное уединенное место вдали от цивилизации, их спевки прерываются грубым вторжением какого-нибудь идиотски оскалившегося пешехода (Иван покраснел), и потому каждый раз они стараются напугать его по первому разряду, чтобы когда они позволят ему уйти, он детям своим и сородичам заказал и близко подходить к русалкам.

Иван почувствовал, что воздух из его выпяченной груди выходит с тихим шипением, и сам он становится похожим на продырявленный мячик.

Герой...

Подбородок его как-то сам собой уперся в холодную пуговицу кафтана. В глазах предательски защипало.

– Иван, – строго произнесла ведьма.

Он нехотя двинул головой.

– Ты плохо меня слушал. Все сказанное мной в конце не отменяет сказанного мной в начале и не умаляет твоей стойкости и воли к жизни. Я сказала, что ты молодец, и я имела ввиду именно это.

Голова поднялась чуточку повыше.

И вдруг Ярославна хитро прищурилась и заговорщицки подмигнула:

– Королевич Елисей отдыхает.

* * *

Через два дня, вечером, после приземления и тщательного инспектирования багажа, от припасенных в дорогу трех поросят не обнаружилось и следа (Иван ясно помнил, что после последнего привала в пакете оставался как минимум один окорок, но, заметив выражение

чересчур неподдельного недоумения на физиономии Серого, о судьбе его спрашивать не стал). И тогда, выставив вперед нижнюю челюсть, царевич непререкаемым тоном заявил, что он идет на охоту и точка. К его немалому удивлению, пререкается с ним никто и не думал. Одобрительно кивнув и буркнув что-то невнятное (Иван мог бы поклясться, что это было «Слова не мальчика, но мужа», если бы не знал, что его друг слово «ирония» будет скорее искать на карте, чем в словаре), Сергей вручил ему лук, колчан с десятком стрел и новое изобретение Ярославны – коробочку с пол-ладони величиной, на дне которой покачивалась стрелочка, заостренным концом всегда указывающая в том направлении, где находился сейчас Волк. Вторая такая коробочка покоилась где-то в бездонном кармане порток Серого, и стрелочка ее всегда указывала на царевича. «Просто так, на всякий случай,» – пояснил тот, и Иванушка, не дрогнув бровью, положил колдовскую приспособу в карман кафтана. И только где-то глубоко, под опущенными ресницами, мелькнуло и пропало шальное «я им докажу!».

– Ну, с Богом, – хлопнул его на прощание по плечу Волк. – Если что – стреляй.

Царевич, молвив "Разводите пока костер, я скоро вернусь" (и как это королевич Елисей может произносить с выпяченным подбородком монологи на десять страниц и при этом оставаться с неприкушенным языком?) мужественно развернулся и шагнул в лес.

О чем-о чем, а уж об охоте Иванушка знал все. Охотиться было так просто, что его всегда удивляло, почему леса не кишат охотниками, увешанными разнообразными трофеями и с толпой слуг за спиной, несущих еще десять раз по столько. Все, что требовалось от охотника, это взять лук и побольше стрел и вступить в лес. Остальное было делом техники. Встречаешь зверя, стреляешь, взваливаешь добычу на плечо (передаешь прислуге), идешь дальше. И так – пока не кончатся носильщики. Королевич Елисей, например, сразу же, как только начал охотиться, убивал дичь не меньше кабана или оленя, про это везде написано, ну а если нет, тогда начиналось самое интересное. Да и народная мудрость "На ловца и зверь бежит" только подтверждала теорию Ивана. С народом не поспоришь. Как не такой уж далекий потомок далеко не первой династии венценосцев, царевич впитал это с молоком матери вместе с другими сокровищами лукоморского фольклора, как-то: "Яблоня от яблока недалеко падает", "С кем поведешься, с тем и наберешься", или "Мойте руки перед едой".

Впрочем, как бы то ни было, после часа блужданий среди чуждых ему деревьев неизвестной породы Иванушка в который раз уже начал подозревать, что, может быть, как это иногда бывает с народными изречениями, это подразумевало совсем не то, что говорилось открытым текстом, а что-нибудь совсем иное, к охоте отношения абсолютно не имеющее. Например, как он – к королевичу Елисею.

Создавалось впечатление, что в лесу, кроме него, нет и никогда не было ни одной живой души. Ни мышонка, ни лягушки, не говоря уже о какой-нибудь съедобной зверушке. Только круглая как каравай (царевич слотнул слюну) луна начинала просвечивать сквозь синее небо над головой, да тишина, которую не в силах был заглушить даже шум, производимый перемещением незадачливого охотника, пронизывала лес. Царевич опустил лук, присел на поваленную сухостоину, уронил голову на руки и задумался.

Охотника из него явно не получалось, а вернуться в лагерь с пустыми руками после такого помпезного отбытия было просто невозможно. Никак.

"Нет, никто и слова не скажет, и Серый уже наверняка поджаривает на вертеле подстреленного глухаря (при этой мысли желудок Ивана зашелся в конвульсиях), **НО НЕ МОГУ Я ВЕРНУТЬСЯ ПРОСТО ТАК – ЭТО СЛИШКОМ!** В конце концов, это **МОЙ** поход, **МОЙ** единственный в жизни шанс доказать всем, и себе в первую очередь, что я чего-то да стою, что я – царевич, будущий правитель, витязь, которому не страшны никакие преграды! А книжки читать и дьячок может. А пока единственное, что я смог – это заблудиться, потерять все снаряжение, жить на милости Сергия и его сестры и попадать на потеху всем из одной нелепой ситуации в другую, еще более дурацкую. Слунтяй. Раззява. Неудачник. Королевич Елисей посты-

дился бы даже признаться бы, что знаком с таким. Ничтожество. И если уж ничего хорошего из меня выйти не может, то..." – Иван невзначай поднял голову и остолбенел.

Согласно лучшим канонам повествования, шагах в десяти от него мирно щипал травку заяц.

Ничего не подозревающий упитанный грызун с завидным аппетитом (желудок заново забился в агонии) объедал какой-то кустик неопознанной травы и не обращал ни малейшего внимания на голодного хищника вида Царевичей, подвида Иваны, плотоядно впившегося в него глазами.

Охотник со всей возможной предосторожностью снова натянул тетиву и стал потихоньку подниматься. По зайцам из положения "сидя" не стрелял ни один из героев.

Хрустнула сухая ветка, невесть откуда взявшаяся под ногой. Ушастый вздрогнул и обернулся. Царевич, презрев условности, навел на него лук и уже был готов пустить стрелу, как вдруг...

Естественно, раз уж на то пошло, это "как вдруг" просто должно было случиться.

– Не губи меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь!...

Вот оно! Началось!

От неожиданности, что с ним такое вообще когда-нибудь могло произойти, пальцы Иванушки разжались, и лук с глухим стуком упал на траву.

А стрела с глухим стуком пригвоздила заднюю лапу зайца к земле.

– У-у-у-у!!! – взвыл заяц. – Ну я же просил!

– И-из-звините, – только и смог выдавить из себя потрясенный Иван.

– Так помоги же, чего стоишь, больно ведь! – потребовал косой, тихонько подскуливая.

– Я сейчас. Сейчас! – и царевич кинулся к несчастному животному. Из глав с триста сорок пятой по триста пятьдесят шестую "Приключений лукоморских витязей" он знал все о первой помощи при стреляных ранах – Елисей со товарищи и их враги применяли в них луки, арбалеты и прочие дротики через каждые десять строчек – и поэтому оказал ее энергично, эффективно и почти профессионально.

Через некоторое время заяц пришел в сознание. Дико скосив на царевича безумные глаза, неблагодарный длинноухий, не говоря ни слова, отчаянно вывернулся из его объятий, но раненая лапка подломилась, зайчишка жалко пискнул и завалился на бок.

Иван осмелился:

– Может, вас до норки донести?..

Зайца это почему-то рассердило, он презрительно фыркнул, дернул ухом, но потом он смилостивился:

– Ладно, неси уж, что с тобой делать...

– Вы извините, я не хотел в вас попасть, – виновато оправдывался царевич, неловко заворачивая косога в свой кафтан. – Я вообще ни в кого не хотел попадать, просто я растерялся, когда вы заговорили, я не знал, что...

– Ты еще скажи, что никогда оборотней не видел, – раздраженно проворчал заяц.

– А причем здесь... – и тут до Ивана дошло. – Так вы – оборотень?! Но я читал, что оборотень – это человек, который во время полнолуния превращается в волка или медведя...

– Это было бестактно, – сухо заметил длинноухий.

– И-из-з-в-вините, – Иванушка почувствовал, что если он покраснеет еще больше, то его лицо в темноте начнет светиться.

– Ничего. Направо.

– Ага, понял... – и, пытаясь загладить свою нечаянную бестактность, спросил: – А вы к знахарям обращаться пробовали? Или к колдунам? – Иван считал себя человеком просвещенным, поэтому про врачей он даже не упомянул.

– А ты как думаешь? – пробормотал заяц. – Под ноги смотри. Сейчас ручей будет. Конечно, обращались. С самого рождения ведь такой позор, – он обреченно вздохнул. – Все в голос говорят, что дурной глаз на меня был положен, порча третьей степени, ничего поделывать нельзя. А недавно жена даже приволокла откуда-то какого-то лекаришку.

– Ну и?...

– Шарлатан, говорил же я ей. Истыкал всего меня иголками, крови выкачал больше, чем сосед Викула...

– Викула?

– Граф Викула, вампир. Вот, о чем это я? Ах, да, а потом три часа нес какую-то чушь про то, что в моем роду был какой-то Гена, который кому-то изменил, и из-за этого... Налево, через полянку... Потом все прямо... Тебе это о чем-нибудь говорит?

Ивану показалось, что он услышал в голосе оборотня слабую тень надежды. Ему было жаль разочаровывать своего нового знакомого, чья ситуация так была похожа на его собственную.

– Нет, ни о чем... Действительно, абракадабра какая-то. Но вы знаете, у одного моего друга сестра – ведьма...

– Хорошая?

– Вообще-то, я не уверен, может ли ведьма быть хорошей по определению, ведь это слово даже стало нарицательным в лукоморском языке и стало обозначать...

– Бестолковый. Я спрашиваю, хорошо ли она владеет своим ремеслом.

На "бестолкового" царевич в конце концов обиделся.

– Если через час меня не будет в лагере, через полтора часа она найдет меня где бы я ни был, и тогда вы лично сможете убедиться, насколько она хороша, – тщательно выговорил он и многозначительно замолчал.

– Так она путешествует с тобой?..

– Со мной и со своим братом, – последовавшее молчание своей многозначностью с легкостью могло посрамить знаменитое лукоморское "елы-палы".

– Ты не волнуйся, я прикажу своей жене проводить тебя назад немедленно, как только мы доберемся до дома, – пострадавший почувствовал, что перегнул палку, и что она вот-вот может распрямиться со всеми вытекающими последствиями. – И, между прочим, если ты думаешь, что когда я говорил, что я тебе пригожусь, я преувеличивал, то это совсем не так. Если хочешь знать... сейчас налево... если бы не я, то тебя бы съели еще полчаса назад. Сегодня ведь полнолуние, а в нашей деревне пятьдесят дворов, и все жители – родственники. Чужих просто не осталось. Понимаешь?

– Если бы не вы, – настал черед Иванушки ворчать, – я бы уже как полчаса сидел бы у костра с моими друзьями и (желудок впал в состояние комы) ел жаркое.

– Жена тебя обязательно угостит ужином, – тут же услужливо предложил косой.

За ужин царевич сейчас был готов простить все, кроме критики "Приключений лукоморских витязей". И простил.

* * *

Жены Евсея (так звали оборотня) дома не оказалось. По его указанию Иванушка закрыл плотно ставни, задернул занавески и зажег толстую оплывшую свечу.

– Полнолуние, – извиняющимся тоном проговорил Евсей. – Видать, вышла на улицу.

Царевич обернулся. Перед ним, ослабляя повязку на увеличившейся ноге, сидел на полу невысокий кряжистый мужичок с жиденькой бородкой пучком и отчаянно косящими глазами. Заметив вопросительный взгляд гостя, он пояснил:

– Если свет полной луны не попадает напрямую на оборотня, он может сам выбирать, какую форму ему принять. А в доме человеку удобнее. А если ужинать ты еще не раздумал, то раздуй угольки в печке, подкинь дров и принеси из ледника утрешнюю кашу и молоко. Мясо не трогай – Варвара голодная вернется, как волк...

Иван поспешил выполнить все указания хозяина. По завершении в список потерь были занесены опаленные брови и ресницы, пара разбитых тарелок и полкорчаги пролитого молока. На поднявшуюся было волну протеста Евсея Иван рассеяно заметил, что могло быть и хуже. Или гораздо хуже. Насколько хуже, тот выяснять почему-то не стал.

– А если ваша Варвара сегодня не вернется, как я до своих добираться буду? – жадно поглощая сухую подгоревшую гречку, сквозь набитый рот поинтересовался Иванушка. И не сразу заметил, что хозяин вдруг почему-то вытянул шею и выпучил глаза, таращась куда-то ему за плечо, на печку. И поэтому, когда за его спиной хорошо знакомый голос посоветовал: "Переночуешь здесь", под стол последовала оставшаяся половина молока вместе с корчагой.

Он обернулся. В пламени печи отчетливо проступали очертания прекрасного женского лица, явно наслаждавшегося произведенным эффектом.

– Ярославна?! Как ты меня нашла?! Как ты это делаешь?! Где ты?!

– Я-то там, где и должна быть, Иванушка, а вот какая нелегкая занесла тебя в единственную в Лукоморье деревню оборотней ночью в полнолуние... Впрочем, я должна была это ожидать. Это же так естественно...

Иван насупился.

– Это ОНА? – заморожено прошептал Евсей, не сводя поочередно своих косых глаз с чудесного явления.

– Ага, я вижу, слава обо мне идет впереди, – приторно-сладко улыбнулась ведьма. – Это хорошо. Не люблю представляться. А теперь слушай, Ванюшенька. Варвара Евсея не придет до утра – она сейчас с племянниками на пикнике в лесу. Там, где раньше, часа полтора назад, была стоянка разбойников. А утром, вернувшись, сразу заляжет спать – набираться сил для новой ночи. Тебя она не тронет. Если не захочет, чтобы в их роду к зайцу прибавилась жаба. А хозяин позаботится ей это разъяснить. Правда, Евсеюшка?

– Тебе меня не запугать, – выпятил вдруг впалую грудь смешной мужичок.

– А я не запугиваю. Я просто объясняю, что надо делать, чтобы все хорошо кончилось, – рассеяно пожала плечами ведьма.

– Для кого? Для него? – снисходительно мотнул головой Евсей в сторону Ивана. – Царевичем больше, царевичем меньше – тебе-то, ведьме, какое до этого дело? Ученые люди и оборотни всегда были ближе друг к другу, чем ко всяким городским хлыщам. А сейчас он в моей власти. Хочу – милую. Хочу – супружнице скормлю. Что ты мне сделаешь? Да ничего. А если он тебе действительно так дорог, то давай поторгнемся. – раскосые глаза оборотня хитро прищурились. – Ты мне – услугу небольшую, я тебе – парнишку живого.

– А ты действительно хочешь знать, что я с тобой сделаю? – вежливо поинтересовалась Ярославна, и, прямо на выпученных от ужаса глазах оборотня, руки его ссохлись, позеленели, ногти выпали и, как листики весной, между пальцами пробились коричневатые пупырчатые перепонки. В избе пахло болотом.

Иван был более чем впечатлен. Впечатлен ли был Евсей, выяснить не представлялось возможности по причине бессознательного состояния такового. Да, Впрочем, его мнением никто и не интересовался.

Королевич Елисей сейчас бы очертя голову бросился на защиту друга, сраженного злыми чарами неизвестного колдуна. Иван сделал то же самое, и то, что на этот раз незнакомец был сражен чарами его друга, ничего не меняло для пылкого царевича.

– Сделай сейчас же как было и извинись перед ним! Так нельзя обращаться с людьми! Ну и что, что он оборотень! Это еще не значит, что с ним можно так поступать! – Иван еще раз, помимо воли, взглянул на руки-лапы незадачливого зайца: "В Шантони за лягушачьи лапки такого размера, наверное, можно было бы получить если не пол-царства, то город приличных размеров – наверняка". От такой мысли, не приличествующей истинному витязю Лукоморья, он смутился, закашлялся, покраснел, и чтобы скрыть замешательство, прибавил оборотов, целенаправленно глядя исключительно перед собой:

– Думаешь, если ты – ведьма, то тебе все дозволено?! Он был добр ко мне! У него была жизнь тяжелая! И детство трудное! Он страдал от собственного несовершенства! Его психосоматический комплекс неполноценности... – нет, витязи так не говорят. Что же говорил Елисей в таких случаях? А, вспомнил! И, прочистив горло, царевич сосредоточился, вызвал в памяти страницу шестьсот сорок пять и выдал:

– Сгинь, смрадное исчадие преисподней, гнусное порождение омерзительнейшего из... – ой, что это я такое говорю, это же Ярославна, сестра Серого! И, к тому же, с дамами так обращаться некультурно. Но ведь так говорил Елисей!... Как все таки тяжело быть лукоморским витязем...

– Ты хочешь еще что-нибудь сказать перед тем, как...

– Да! Никакой опасности ни для кого не было!!! – выпалил Иванушка, но, потом, подумав, добавил:

– Пока ты не появилась... Он только хотел, чтобы ты ему помогла излечиться, но, наверное, просто не знал, как попросить. За это не наказывают! И в конце концов, я не маленький ребенок, я сам могу о себе позаботиться и выбирать себе друзей!.. – до него внезапно дошло что-то тревожное, зарегистрированное с минуту назад его мозгом, и он осекся.

– Перед тем, как что?

Ярославна устало улыбнулась и провещала:

– Иванушка, свет мой, если бы ты не был другом Сергия, то сейчас Шантони пришлось бы раскошелиться на два города приличных размеров. И это только за передние.

Царевич прикусил язык.

Ярославна продолжала:

– Но если ты хочешь, чтобы мы с Сергием завтра заскочили сюда, чтобы взять твои сапоги и кольчугу для передачи родителям для похорон, я не буду с тобой спорить и все исправлю, как ты требуешь.

– ?

– Ты когда-нибудь слышал, чтобы слово "оборотень" употребляли в значении "заслуживающий доверия"?

– Н-нет, а что?

– Вот и я – нет. Подумай на досуге об этом. А теперь – спокойной ночи. Позаботься о себе хорошо, немаленький ребенок. Завтра после восхода солнца будь на западной окраине деревни – мы тебя подберем. И привет тебе от моего братца...

Образ ведьмы в огне стал бледнеть.

– Постой! Постой! А как же Евсей?! Он же не может оставаться таким на всю жизнь?! – метнулся к печке царевич.

– Заклинание рассеется к обеду, – донесся слабый голос издалека. – Но при необходимости я всегда смогу найти денек-другой, чтобы восстановить его, на этот раз – навсегда, так и передай своему... другу...

* * *

Первым в зависшее над печной трубой корыто запрыгнул Серый, потом втянул Ивана. Отчаянно шелкнули в воздухе мощные челюсти, и одним сапогом в гардеробе царевича стало меньше.

– Готовы? – обернулась Ярославна.

– Поехали! – махнул рукой отрок.

Иванушка перегнулся через край своего воздушного судна и глянул вниз. В бледнеющем свете полной луны белели клыками ощеренные пасти и горели дьявольским зеленым огнем глаза. Еще один громадный волк, изогнувшись, выпрыгнул из стаи. Иван отшатнулся. Он только сейчас понял, чего избег по счастливой случайности по имени Сергей, и тошнота подступила к горлу. Он закрыл глаза, хотел сглотнуть, но шершавый язык на пару размеров больше обычного поворачивался с трудом, а во рту было сухо, как в пустыне Самум.

Ярославна взяла курс на запад, но не раньше, чем сделала прощальный круг над евсеевой избой, вокруг которой, казалось, собрались все оборотни округи. Тающая под лучами невидимого пока еще солнца темнота буквально кишела серыми спинами и зелеными точками. Ведьма буркнула себе под нос нечто невнятное и жестом сеятеля со знаменитой картины кинула что-то в самую гущу завывающих злобных тварей.

Вой достиг своего пика, прервался, мгновение стояла тишина, и вдруг изо всех нечеловеческих глоток разом вырвался оглушительный рев, тут же сменившийся кровожадными воплями и пронзительными визгами боли.

– Что случилось? – силясь перекричать поднявшуюся какофонию, царевич припал почти к самому уху друга. – Кого это они?...

Тот лишь пожал плечами.

Летающий караван не спеша удалялся с места загадочного побоища.

Задремавший на тюках в грузовом корыте Иванушка проспал до самого привала, но сон его был неровным, со стонами, вскриками, метаниями, и мог он воздушное свое путешествие закончить раньше времени на земле, если бы не верный Серый. Снился усталому витязю Лукоморья бедолага Евсей, так и не пришедший в себя после учиненного ему славной Ярославной нервного потрясения, неожиданное появление отрока Сергия, бой с невесть откуда взявшимися оборотнями, разлетающиеся в щепы ставни, отчаянное бегство на крышу, и Ярославна, с торжествующей усмешкой пролетающая мимо: "Я же тебе говорила!!!" На этом моменте он отчаянно прыгал ей во след, промахивался мимо ступы, и вверх тормашками летел в разверстые пасти волков под декламацию ведьмы: "Сгинь, смрадное исчадие преисподней..."

От толчка при приземлении Иван с облегчением проснулся, и тут же почувствовал себя до крайности разбитым и невыспавшимся. Но засыпать прямо тут же он слегка поостерегся. "Какие сны в том смертном сне приснятся..."

– Сергей, Ярославна, спасибо, что вытащили меня оттуда... – смущенно проговорил царевич. – Наверно, не стоило мне туда с ним ходить, но так все получилось... Я нечаянно подстрелил его, пока он был зайцем, и не мог его бросить на произвол судьбы, одного, беззащитного, в лесу...

– Так это он лишил нас ужина!

– Нет, о том, что я ему помог я не жалею, но мне жаль, что все снова так вышло... нелепо... Ведь если бы ты, Серый, меня не нашел, это была бы последняя ночь в моей жизни... Правда, если бы Ярославна не напугала его так, а пообещала его вылечить, может, он бы и договорился с остальными, и все обошлось бы мирно. Ведь пропустили же они нас, когда я его нес...

– Гадание на кофейной гуще, – фыркнула ведьма.

– Да, конечно... Вот поэтому я и говорю, что с королевичем Елисеем такого случиться не могло, – грустно глядя в землю, снова вздохнул Иван.

– Не кручинься, царевич, утро вечера мудренее, а за битого двух небитых дают, лишь бы урок впрок пошел, – приобнял друга за плечи верный Волк.

– Пошел, – криво улыбнулся Иванушка. – Хоть один, да пошел. Например, я теперь знаю, что такое хворост.

– Ну, тогда Сергей идет на промысел, и через полчаса начинаем готовить завтрак, – подошла к ребятам ведьма.

Иван, уже сделав несколько шагов в чашу, вдруг вспомнил что-то и обернулся:

– Ярославна!

– Что, милый?

– Что ты сделала с оборотнями, когда мы уже улетали?

– Преподнесла небольшой урок, и всего-то. Не ты один в них нуждаешься.

– Почему они там так вопили? Ты их заколдовала?

– Что ты, Иванушка, как я могла!

– А что тогда? Ты же нашептала там что-то?

– Самое безобидное заклинание, какое только можно представить, только слегка усиленное. Ну, или не слегка...

– Какое?

– На хороший аппетит.

– То есть, они друг друга съедят?!

– Нет, что ты, конечно не съедят! Но закусают.

Царевич с огромной охапкой хвороста собирался уже повернуть назад к лагерю, как вдруг услышал, что его кто-то зовет.

– Иван!

– Иван!

– Скорее сюда!

– Мы выступаем!

Голоса были незнакомые. Они то приближались, то отдалялись, звуча со всех сторон одновременно. И хотя угрозы в них не было, Иванушка, еще не успокоившийся после ночных событий, почувствовал себя неуютно.

"Кто бы это мог быть? Я в этих краях никого не знаю, и меня никто... А если это оборотни? Так быстро? Вряд ли они уже успели бы нас догнать. И зачем им меня звать? И куда они выступают? И почему я от этого должен торопиться? Как же, сейчас возьму и приду. Ждите."

Показалось, что очередной выкрик прозвучал совсем рядом, и Ванюша, во избежание чего бы то ни было, исключительно на всякий случай, быстро юркнул под ближайший малиновый куст, прихватив с собой и свою ношу.

– Ой, – отчетливо произнес куст.

Иван застыл.

– Зачем вы толкаетесь? – выразительно поинтересовался куст.

– У меня кинжал, – осторожно соврал Иван.

– А у меня – армия.

И тут только царевич углядел, что справа от него, на корточках, сидит человек в зеленом кафтане и маленькой зеленой круглой шапочке, и лицо у него тоже зеленоватого оттенка. Большие влажные карие глаза выжидательно смотрели на пришельца.

– Так это вас ищут?

– Меня.

– Вы – Иван? Вы – генерал?

– Да, я Иван. Нет, я не генерал. Скорее наоборот.

– Наоборот генерала – это кто?

– Пленный. Заложник. Проводник. Они пришли ко мне домой и сказали, что если я провожу их до Лукоморья, то они за это мне ничего не сделают. Они хотели пройти тайными тропами и напасть на столицу внезапно. Кто-то сказал им, что никто не знает здешних мест лучше меня. И я действительно их не знаю.

– Так они захватили вас в плен?! – королевич Елисей внутри Ивана встрепенулся, как старый конь при звуке боевой трубы. – Я вас спасу. Мы предупредим царя, и наша армия разобьет их в пух и прах! Следуйте за мной, – и он театральным жестом отшвырнул от себя хвост.

– Спасибо, но я бы этого не хотел.

– Чего не хотели?

– Ничего из предложенного вами, молодой человек. Ни следовать, ни разбивать. Они, в общем-то, неплохие ребята, и за год я к ним почти привык, как к родным.

– Поче... Сколько?

– Да, юноша. Вот уже год, как я вожу их тайными тропами вокруг своей деревни. Как давно это началось!... И я даже уже привык, что они называют меня Иваном... А тут вы напомнили мне снова всю эту историю с начала...

– А разве...

– Нет, юноша, я просто ждал настоящего Ивана у него дома, когда за ним пришли валенцы и спросили, не я ли буду Иван. Я сразу заподозрил, что они затевают что-то нехорошее, и пожалел соседа – у него тогда было девять детей, а я – вдовец, и дети у меня уже взрослые, и я сказал, да, это я, я есть Иван, я сделаю вам хорошо, пойдете, куда вас отвести...

– Но тогда же вы – герой!

– Иван!

– Где вы, почтенный? – раздалось совсем близко.

– Ну, мне пора, – поднялся мужичок, поддергивая штаны. – Я не хочу, чтобы они вас так видели, молодой человек. Им еще рано.

– То есть, как? Почему не хотите? Почему рано? Кто вы тогда на самом деле? Из какой вы деревни? – забросал царевич вопросами уходящего проводника. – Как вас зовут? Как вас по-настоящему зовут?...

Уважаемый!... Почтенный!!!... Постойте!... Не слышит...

– Моисей... – вдруг слабо донеслось до него.

* * *

На второй день вечером, абсолютно без приключений прибыв к границе Лукоморья, Ярославна высадила ребят на краю леса, метрах в ста от дороги, и в стольких же – от большого добротного постоялого двора в полукилometре от маленькой деревушки. Подарив на прощанье им обоим амулеты, позволяющие понимать и разговаривать на любом существующем языке, чмокнув брата в макушку, а зардевшегося Ивана – в губы, ведьма вскочила в свою боевую ступу, гикнула, свистнула, и весь порожний теперь караван умчался, дав на прощанье широкий круг над головами наших искателей приключений на определенные части своей анатомии.

На постоялый двор "Козьма Скоробогатый" тяжело груженные друзья ввалились, лоя ноздрями витавшие вокруг ароматы кухни и предвкушая огромный аппетитный ужин.

Результаты превзошли все ожидания. Едва хозяин увидел утомленных и проголодавшихся путешественников, он сорвался с места и мигом подлетел к ним, подхватив из ослабевших рук царевича узлы с багажом.

– Чего изволите, господа хорошие? – изо всех пор его заплывшего жиром лица гостеприимство буквально сочилось, а уголки рта уползли в район ушей, и все еще не остановили свое перемещение. Его более чем округлая фигура не просто говорила, а излагала в мельчайших подробностях фирменное меню заведения, изобилующее жирами, углеводами и пережаренным маслом.

Волк вальяжно ухнул свою часть поклажи на пол, подбоченился, отставив правую ногу, и, прищелкнув пальцами, произнес:

– Все!

– Будет исполнено, – прогнулся хозяин и гаркнул:

– Марьяна! Все, что есть – мечи на стол! Баре ждать не любят!

– Гут, – удовлетворенно кивнул Серый, подмигнул Ивану – мол, учись, как надо. – А теперь веди нас наверх, покажи нам наши комнаты. Самые лучшие!

– Пожалте, господа, пожалте, хорошие, – и хозяин, как мячик, выпущенный из катапульты, помчался вверх по винтовой лестнице, гремя ключами на ходу.

Номера Волка и Ивана были рядом, в самом конце длинного коридора. В обеих комнатах было по большому окну, выходящему во двор, широкой мягкой кровати с балдахином, тумбочке, столу и резному гардеробу необъятных размеров. Стены были оклеены голубыми полосатыми обоями в веселенький желтенький цветочек.

– Гут, – еще раз похвалил Серый, окинув обстановку прищуренным глазом знатока. – А что, хозяин, можно ли купить у тебя коней? Хороших, конечно.

– Можно, можно, господа хорошие, отчего же нельзя, – взмахнул пухлыми ручищам пан Козьма, как он успел представиться. – Есть у меня коники, как специально для вас берегу. Молодые, горячие...

Царевич вздрогнул.

– ...звери, а не коники! Всего за ничего уступлю, сущие пустяки. За таких коников – это вообще даром!...

– Ладно, – важно промолвил Серый. – После ужина посмотрим. Или утром. Да смотри, утром нас не буди, как встанем – так встанем. Но завтрак чтобы горячий был. И побольше.

– Как прикажете, господа хорошие. Ваша воля, пане, – снова раскланялся пан Козьма.

Ужин был хорош. Хозяин собственноручно подкладывал гостям все новые и новые блюда, на все лады живописуя их достоинства. Впрочем, друзей не надо было долго уговаривать. Должное восхитительной, хоть и чересчур пряной кухне "Козьмы Скоробогатого", а также его фирменной сливовой наливке они отдали от всей души, и даже не заметили, как разомлели, как усталость и истома разлились по телу, а глаза начали сами собой закрываться.

Тряхнув головой, Волк вскинулся с усилием:

– Все, хозяин, спасибо твоему дому, а хватит нам откушивать, пора на покой. За ужин завтра рассчитаемся, за все вместе.

– Как изволят пане, – склонил толстый загривок пан Козьма. – А вот давайте только на прощание... перед сном, то есть, попробуйте еще наш паприкашик из зайчика с перечным соусом... Марьяна у нас такая мастерица на энти штучки, чудо-девка...

И тут же крикнул:

– Марьяна, господам в номера водички в кувшинах поставь, а то поди, небось, ночью им попить захочется с твоих перецев-то! Да кружки не забудь, растяпа!

– Почему она у вас все время молчит? – спросил Иван.

– Да немая она от рождения, вот, из милости только взял, душа у меня добрая, от того и страдаю, от доброты своей да доверчивости.

– Взят, да не прогадал, – полупьяно ухмыльнулся Волк. – С такой стряпухой от постояльцев, поди, отбоя нет?

И только тут он заметил, что те немногие крестьяне, что сидели в общем зале с вечера, потягивая наливку, куда-то уже запропали, а за окошками – чернота непроглядная, и только слышно, как где-то во дворе работники задают корм скоту да носят воду.

– Слушай, Сергей, кажется мы немного припозднились, – ткнул Иван его локтем в бок. – Хозяева уже спать хотят, да и нам пора, мне кажется...

– Все, все... Уходим. По коням, Иванушка! Айда за мной, на боковую!

Снилась отроку Сергию пустыня Самум. Палящая жара – снаружи и изнутри. Воды! Воды! Хоть каплю воды! От невыносимого зноя плавился песок и тек по каменному дну золотистыми ручьями. Попробовал Серый отхлебнуть из того ручья – и слезы брызнули из глаз – обжигающий вкус перца опалил ему рот и глотку, и в желудке разгорелся перцовый пожар, мгновенно охвативший все тело...

С душераздирающим стоном Волк сел в кровати.

– Хозяин... Каналья... Чтоб тебя на том свете так потчевали...

И тут он вспомнил про кувшин, который должен находиться где-то тут, в комнате – он ясно помнил, как вчера вечером пан Козьма приказал немой служанке... да, Марьяне... принести и поставить им в комнаты по кувшину с водой. И по кружке. Впрочем, если он доберется до кувшина, то кружка ему не понадобится. В этом он был абсолютно уверен.

Чиркнув спичкой, Серый сразу обнаружил свечку, кувшин и кружку. Все было заботливо расставлено на прикроватной тумбочке – только руку протяни. Подпалив фитилек, Серый с блаженно улыбкой предвкушения ухватил кувшин двумя руками, и вдруг ему почудилось... или нет... что из-за стены, из Ивановой комнаты, доносятся какие-то непонятные звуки. То ли топает кто-то, то ли что-то падает... Кто-то вскрикнул...

Отшвырнув кувшин в угол, одним прыжком очутился он на ногах и, подхватив на ходу свой меч, как был, в одной рубашке, кинулся в коридор. Толкнул дверь номера Ивана – заперто. Изнутри. Как он ему и наказывал.

– Иван! – громким шепотом позвал Волк.

Никто не отозвался. До слуха Серого донеслась какая-то возня, сдавленный хрип, что-то с грохотом упало.

Не раздумывая больше ни секунды, Серый разбежался, и изо всех сил налетел на дверь плечом. И присел.

"Сломал!!! О-у-у-у!!! Больно-то как! Ой-е-е-е!!!"

Дверь даже не дрогнула.

Тогда, перехватив меч в здоровую руку, парнишка сделал то, что надо было делать сразу, подсажи ему это основательно залитые сливянкой мозги.

В считанные секунды дверь и запиравшая ее изнутри щеколда были изрублены в щепы. С мечом наготове, ворвался Серый в комнатку, сделал несколько выпадов, упал, перекатился в угол, вскочил на ноги, выставив меч вперед, и огляделся.

Никого.

Комната была пуста. На полу валялась опрокинутая тумбочка.

При слабо мерцающем огоньке свечи он еще раз внимательно оглядел все вокруг. Ни одной живой души. И ни следа Ивана.

Откуда-то снизу доносился шум и топот – наверно, потревоженный хозяин или работники собирались прибыть на место происшествия. Если тут что-то произошло. Что же здесь произошло? Где царевич?

– Иван! – еще раз позвал Серый, и чуть не взвизгнул.

В голую коленку ему ткнулось что-то холодное и влажное.

– М-ме!

– Ты это сделаешь?

Качание.

В голосе зазвучала сталь.

– Или через минуту ты уходишь из этих мест на все четыре стороны, или через две минуты я отрежу тебе голову. У меня сегодня очень плохое настроение, ей Богу.

Из-под лезвия выступили капельки крови.

– Ты мне веришь?

Энергичный кивок.

– Ты сделаешь, как я тебе сказал?

Два энергичных кивка.

– Гут.

* * *

Пан Козьма оторвался от пересчитывания денег и уставился на робко топтавшуюся в дверях девочку лет четырнадцати-пятнадцати в застиранном сарафане и рубашке, размеров на пять больше, чем их хозяйка. Темно-русые волосы были заплетены в нелепую косичку с мышинный хвостик, перетянутую кожаным ремешком.

– Ну, чего тебе?

В ответ на него глянули широко распахнутые доверчивые серые глаза.

– Вы – пан Козьма?

– Да, я. Что ты хотела?

– Я – четвероюродная сестра вашей прислужницы Марьяны. Я только этим утром пришла в Леопольдовку, чтобы разыскать ее и сообщить одну очень важную новость из дома – ее единственная прабабушка при смерти, и хотела бы повидать свою правнучку перед тем, как навеки закроются ее слепые очи. Я встретила Марьяну, когда она выходила из лавки, и она сразу же, не теряя ни минуты, помчалась в родную деревню.

– Да?

– Да, и очень быстро, она не хотела бы опоздать, чтобы потом навеки корить себя, что была недостаточно тороплива.

– Ну, и?...

– Перед тем, как умчаться прочь, она попросила меня передать вам вот это, – и девочка протянула корзину с товаром толстому трактирщику.

– Попросила?

– Ну, не то, чтобы попросила, а сунула корзину мне в руки и толкнула в направлении вашего хозяйства, – пояснила девочка.

– Я и не знал, что у нее есть родня, – проговорил пан Козьма, перебирая и пристально рассматривая покупки.

– Вот, есть...

– А сдача где?

– Какая сдача? – огромные глаза излучали искренность и непонимание.

Трактирщик внезапно выбросил вперед руку и схватил девочку за запястье.

– Такая сдача. Тридцать копеек. Она ее тебе не передала разве?

– Н-нет...

– Или передала? – изогнувшись всей тушей, пан Козьма впился взглядом в испуганное лицо девчушки.

– Нет, она мне ничего не передавала, честное слово!

– А откуда я знаю, может, ты врешь. Г-гы! Честное слово! – почему-то толстяка это рас-
смешило.

– Нет, дяденька, я правду говорю. Она отдала мне корзину, сказала... ну, объяснила, что
вернется не раньше, чем через две недели, и убежала...

– Вернется, значит, говоришь... А, может, не вернется. А тридцать копеек моих пропадут.
И готовить-стирать-убирать кто мне тут будет? Где я еще возьму такую д... такого делового
работника, а?

– Не знаю, дяденька...

– Не знаю... – ворчливо передразнил ее трактирщик. – А я вот знаю. Раз ты ей родствен-
ница, раз по твоей милости я ее лишился на две недели, и тридцати копеек тоже, вот и будешь
ты за нее это время отрабатывать. И тридцать копеек.

– Так ведь, дяденька... – девчонка испуганно рванулась.

– И, к тому же, ты же не хочешь, чтобы я уволил Марьяну, и на ее место взял другую,
а, девушка?

– Нет, но я...

– Ты же любишь свою тр... шес... пя... четвероюродную сестру?

– Да...

– Вот и прекрасно. А сейчас ступай, приготовь нам завтрак, а потом накорми скотину,
почисти стойла, наноси воды. Приедет мясник с помощником за скотом – проводи их сюда, ко
мне. Сразу подай чаю с сахаром. И сама на кухне можешь попить. Я ведь добрый и заботливый
хозяин, если все делается по-моему, и не задаются лишние вопросы, – с этими словами пан
Козьма с силой стиснул руку девчужки так, что на глазах ее выступили слезы. – Понятно?

– Да...

– И называй меня "хозяин".

– Да... хозяин...

– Хорошая девочка. Кухня вон там, направо.

Она повернулась, чтобы пойти, но он окликнул ее.

– А как звать-то тебя, девица?

Прекрасные серые глаза, полные слез, доверчиво взглянули на него.

– Аленушка...

Коровы были на пастбище. Лошади ели сено. Овцы ели сено. Свины сено почему-то не
ели. Оставались козы – и все.

Серый бросил в загородку с козами пару охапок сена, потом, подумав, еще одну. Вертля-
вое настырное стадо бросилось к завтраку, отталкивая друг друга, и он с облегчением вздох-
нул. Оказывается, что отсутствием аппетита страдали только свины. Хоть животные и при-
надлежали этому гнусному Козьме, Волк, в глубине души был добрым человеком, и не хотел
морить голодом ни в чем не повинную скотину.

Он уже хотел уйти, как вдруг его внимание привлек снежно-белый козленок, привязан-
ный в глубине загородки. Он не мог приблизиться к кормушке – веревка была слишком корот-
кой – и не стремился к этому. Он лежал по собачьи, на животе, вытянув передние ножки и
положив на них голову, и из выразительных серых глаз медленно катились крупные слезы.

Острая жалость как шилом кольнула сердце Серого, и он одним махом перескочил через
заборчик и оказался в загоне.

Первым делом он отвязал с шеи козленка веревку. Животное приподнялось, коротко
глянуло на него мутными от слез глазами, и снова безжизненно опустило голову.

– Ну, иди, поешь, бедолага, не расстраивайся, все будет хорошо, – неуклюже-ласково
погладил по рогатому лбу животину Волк. И явно не ожидал такой реакции на свои неловкие
утешения.

Козленок мгновенно вскочил на ноги, дико оглянулся, затем уставился прямо ему в лицо, мотая башкой, как будто для того, чтобы согнать слезы, а потом внезапно ухватил зубами торчащие концы Сергиева Аленушкиного Серапеинового платка и изо всех сил дернул, да так, что сорвал его с головы своего утешителя.

Из горла козленка вырвалось торжествующе-счастливое "М-ме!!!", и от переполнявшей его маленькую козлинную душу радости перекувыркнулся он через голову три раза, и растянулся среди сена, перепуганных коз и неубранного навоза перед остолбеневшим Серым Иван-царевич собственной человеческой персоной.

– Иван! Иванушка! Чтоб я сдох – Иванушка!!!

Сильные руки подхватили царевича, поставили на ноги и облапили так, что ребра захрустели.

– Иван! Иванко! Ну и напугал же ты меня, черт полосатый! Я же думал, с ума сойду! Был человек – и нет человека!

– Сергей! Как я рад тебя видеть! Я думал, что бросил ты меня, или убили тебя, или заколдовали тоже...

– Что ты такое городишь, царский сын! Как я тебя могу бросить?! Разве не друзья мы? Разве я не обещал, что буду с тобой, пока мы твою птичку не добудем? Разве не говорил, что пойду за тебя в огонь и в воду?

– Вообще-то, нет...

– Но подразумевал.

– А-а...

– А что вообще случилось-то, Иванушка? Одну минуту тут козленок на привязи, другую – ты носом навоз роешь. И куда ты подевался тогда, ночью? Чую я, что змеюка эта трактирщик тут лапу свою нечистую волосатую приложил, а понять, в чем дело – не могу. Я ведь волшебников за версту чую, с закрытыми глазами в толпе узнаю, а тут – ничего. Нет у него дара. И у работников его нет. Не мог он тебя вот просто так заколдовать!

– Не мог бы – не заколдовал, – хмуро возразил Иван. – А как – я и сам толком не понял. Помню, как по комнатам мы с тобой разошлись. Помню, как ночью с Марьяниной стряпни пить захотел – страсть. Зажег свечку, прихлебнул из кувшина, и... – царевича передернуло.

– Что случилось?

– Я даже не понял, как все и произошло. Вот как ты сказал – одну минуту человек, другую – маленький такой, на четвереньках, и слово сказать не могу – как ни силюсь, а все какое-то меканье получается. Хочешь, смейся надо мной, Сергей, а только мне так страшно никогда еще в жизни не было. Сообразил я, что задвижку открыть надо, тебя разбудить, а не могу никак – рук-то нет, копыта... Заметался я тогда...

Волк схватил Иванушку за плечи, заглянул в лицо, и облапил пуще прежнего.

– Это ты, царевич, надо мной, дураком полупьяным, смейся... Ты ведь своими прыжками тогда, может, мне жизнь спас. Может, если бы не ты – неизвестно, что со мной бы было. Я ведь также от жажды проснулся, только попить захотел – да твои скачки услышал...

Серый осекся, Иван вырвался из его объятий, и глаза их встретились.

– Вода! – выдохнули они в один голос.

– Но откуда? Как? – недоуменно взмахнул руками Волк. – Наговорить на воду, конечно, можно, но ведь такое мощное заклинание не каждый волшебник сможет осилить, а тут – трактирщик сиволапый! Ну не мог он этого сделать, не мог, чем хочешь поклянись!

– Постой, – ухватил его за запястье Иванушка. – Конечно, это ерунда, сказки детские...

– Говори.

– Да нет, глупости конечно... Но я слышал от своей няньки в детстве, что в ее родной деревне жила одна старуха, сестра подруги которой знала одного ямщика, который однажды вез

человека, который был знаком с одним... Короче, нечто похожее однажды случилось с одной девочкой оттого, что она попила воды из следа, оставленного то ли свиньей, то ли медведем...

– Из следа?... Воды попила?...

– Ну да... Я же говорю – чепуха какая-то, просто к слову пришлось, вспомнилось... Вот была бы здесь Ярославна – она бы быстро во всем разобралась.

– Если бы сеструха моя была здесь – такого вообще бы не случилось, – угрюмо изрек Волк. – А насчет следа – возможно, в этом что-то и есть... Знаешь, есть у меня одна мыслишка... Посиди-ка ты пока здесь, а я все хозяйство евойное хорошенько обойду. Да смотри, отсюда – ни шагу, – Серый повязал заново платочек и двинулся к загородке.

– Стой! – вдруг ухватил его за сарафан Иван. – Какой же я низкий эгоист!

– Да? – обернулся Волк.

– Да. Самое-то главное я забыл. Ты знаешь, что он так поступает с каждым богатым путником, который у него останавливается?

– Что-о?!

– Все козы, овцы, коровы, свиньи здесь – это все когда-то были люди. Он их всех заколдовал – кого раньше, кого позже. Чем дольше человек находится в зверином облике, тем больше становится похожим на самое обыкновенное животное, и потом уже сам не может вспомнить, что раньше он был кем-то другим.

– А ты откуда знаешь?

– Видишь – вон там, в загоне напротив, баран на нас смотрит?

Серый оглянулся – действительно, черный баран, приподнявшись на задние ноги, неотрывно следил за ними, беззвучно раскрывая рот и, казалось, хотел что-то сказать.

– Это лукоморский купец, Демьян Епифанов, их торговый дом – один из самых богатых у нас. Его превратили около недели назад. Он и его приказчики ехали домой из Вамаяси с товаром. Их Козьма сделал жеребцами, вон они, буланый и соловой, там, подальше, видишь?

– А хороши...

Царевич метнул на друга гневный взгляд.

– Шучу, – пожал плечами Волк.

– Они уже стали забывать, что еще неделю назад они были людьми, видишь? Они на нас не реагируют. Демьян сказал, что они сразу впали в отчаяние, и полное превращение закончилось быстрее. А он сопротивлялся, поэтому смог пока сохранить в себе человеческое. Был еще возчик, ему показалось, что его превратили в быка, но после той ночи он его больше не видел.

– Ну, трактирщик... Козьма, значит. Скоробогатый, – в голосе отрока Сергия зазвучали нехорошие нотки; нотки, которые обычно слышатся в звоне острой стали и предсмертных хрипах. – Ну, держись, лапик, рассердил ты меня теперь по-настоящему. Я, конечно, и сам не подарок, но тут дело другое. Ты знаешь, что он потом этих людей на мясо продает?

– Не может быть! – Иван задохнулся от ярости. – Ну, подлюга, берегись, – и вихрем, одним прыжком, перемахнул через ограду, сорвав на лету со стены топор.

– Стой, Иванко, не торопись, – ухватила его за плечо железная рука Серого.

Посетителей в трактире не было, и хозяин с двумя шкафоподобными работникам уселись обедать прямо в общем зале. Аленушка с поклоном принесла им похлебку, нарезала горку хлеба на столе.

– Что, мясник еще не приезжал?

– Нет, хозяин, не было...

"И не будет," – с мрачным удовлетворением договорил про себя Серый. После того, как у мясников, перехваченных метрах в ста от трактирщицкого имения, многозначительно помахали под носом топором, вряд ли они еще когда-нибудь вернуться в эту деревню. И не пожалеют.

– Аленка, вина неси.

– Извольте.

Через секунду девчушка вернулась, неся на подносе два оловянных кубка и один золотой, доверху наполненных крепкой сливовицей.

Козьма Скоробогатый повел над ней носом, зажмурился от удовольствия, прищелкнул языком.

– Эх, хороша, родимая!

– Хороша, – согласно закивали работники.

– Ну, робятушки, будем!

Мужики чокнулись и залпом выпили.

Иванушка едва успел отскочить от двери, в замочную скважину которой он подглядывал – нахлестываемые Серым хворостиной, пулей вылетели на дорогу с сумасшедшим визгом два огромных борова, а следом за ними – нечто невообразимое, что ни в сказке сказать, ни в кошмаре не увидеть: свиная голова с коровьими рогами, овечьё туловище на кривых козьих ногах и поджатый конский хвост крючком. Издаваемые при этом существом звуки описанию не поддавались. Да и вряд ли они того стоили.

Серый пронзительно засвистел, вытянул уродца вдоль жирной спины хворостиной, и весь табунок помчался к лесу, поднимая за собой тучи пыли.

– Геть, геть, геть!!! Ату их, ату!!! – заливался Волк на пороге.

Царевич впервые пожалел, что обучение свисту в два пальца не входит в программу подготовки молодого правителя в Лукоморье.

– Иванко, ты – гений! – уже в который раз за день заключил Серый в свои медвежьи объятия царевича.

– След?...

– Да, след, вернее, следы, – и он махнул рукой в сторону убегающего стада. – Сам увидишь. На заднем дворе, в низинке, в отдельном сарайчике – я покажу тебе потом. Там из земли сочится вода – видать, место влажное, да особенное какое-нибудь. Или водичка такая... Ярославна бы разобралась. Оказалось, достаточно всего по одной ложке в питье добавить.

– Не ожидал я, честно говоря, что ты их вот так...

– Пожалел? – хохотнул Сергей.

– Да Господь с тобой! – взмахнул руками Иван. – Просто я бы их с удовольствием в капусту изрубил, глазом не моргнул.

– Да я сначала так и хотел сделать, – усмехнулся Волк, – а потом подумал – а пусть-ка они на своих шкурах свою придумку испытают. Это для них похуже смерти будет, помяни мое слово.

– Особенно достопочтенному пану Козьме.

– Что посеешь – то и аукнется, – сурово отозвался Волк.

Иванушка и Серый грустно сидели при свете свечи в трактире, без аппетита пережевывая овощное рагу – от всякого мяса в этом проклятом месте они, не сговариваясь, решили воздержаться. От посетителей они отгородились объявлением с загадочными словами "Процедура банкротства" по предложению царевича – в какой-то книге он прочел, что это – волшебные слова, если ты хочешь отпугнуть незваных посетителей. Пока магия, казалось, срабатывала. По крайней мере, время от времени было слышно, как, едва подойдя, клиенты поспешно уходили.

Несмотря на сильный ветер, Серый не боялся, что волшебную бумажку Ивана сорвет – он тщательно ее прикрепил, вогнав в дверь почти по топорнице самый большой топор пана Козьмы.

– Не знаю, что еще можно придумать, – вздохнул Иван. – Даже известие о том, что лиходеи наказаны, не сработало. Даже на купце, а ведь он был ближе всех к человеку...

– У тебя это как-то лихо вышло, – согласился Волк. – Я думал, что и с остальными будет где-то так же... Ну, хотя бы с половиной, с самыми свежими хотя бы...

– А Ярославна смогла бы их расколдовать?

– Наверное, смогла бы. Но ты представляешь, как мы с тобой вдвоем погоним к ней это стадо на шестьдесят голов разной животины через весь Медвежий лес? Это же недели две пути, да и Медвежьем он называется не просто так.

– А что ты предлагаешь?

И впервые, за все время их знакомства, Иван услышал, как его друг сказал "Не знаю".

Спать друзья разошлись далеко за полночь, хмурые. Было решено, как только выспятся, начать паковать те сокровища и товары, которые они обнаружили в подвалах постоялого двора, а на следующее утро погрузить и навьючить все это на имеющихся жертв магии (несмотря на решительный протест царевича) и выступить со всем стадом (коллективом) по направлению к жилищу Ярославны. О продолжении пути в Мюхенвальд придется забыть в лучшем случае на месяц, но оба они не сказали ни слова об этом. Волку было все равно, а Ивана, похоже, мучил один вопрос, обсудить который с Серым он постеснялся: а так ли поступил бы королевич Елисей – ведь перегонять скот – и, тем более, бывших людей – дело совсем не богатырское, и во всем пятнадцатикилограммовом томе не упоминалось даже ничего похожего. С мечом и копьем в руках разить темные силы зла, защищая несчастных зачарованных – сколько угодно. Но вот что с ними делать после того, как они были защищены...

Так, беспорядочно размышляя то об этом, то о возможных методах расколдовывания товарищей по несчастью, Иванушка медленно уплывал в сон, как внезапно, на последней грани бодрствования, за мгновение перед тем, как соскользнуть в сладкие (или как придется) грезы, его осенило. Так просто! Как они не догадались об этом раньше!?! Весь сон тут же как рукой сняло и, наспех натянув штаны, царевич помчался в комнату к Сергию.

Тот, похоже, уже давно спал, но как только Иванушка приблизился, острие кинжала уперлось ему в грудь.

– Ткткой? – пробормотал Волк и открыл глаза.

– Я придумал!!!

Неровный свет двух факелов озарял изнутри маленький тесный сарайчик.

– Подержи, пожалуйста, – Иванушка передал свой факел Серому, а сам стал тщательно разравнивать землю граблями, уничтожая все отпечатки копыт животных на земляном полу. В три минуты все было готово.

– Сапоги сними, – заметил Волк.

– А, ну да, – от волнения царевич долго прыгал на одной ноге, стаскивая ставший вдруг сразу слишком тесным сапог. Потом Серый ловко запрыгнул ему на плечи.

– Пошел!

И Иван пошел.

– Готово!

Волк спрыгнул, поднес факелы поближе к земле, и оба друга буквально впились глазами в истоптанную грязь.

На влажной земле четко и ясно отпечатались многочисленные следы босых человеческих ног. И почти сразу же они стали медленно, но верно заполняться водой.

– Давай, набирай!

– Нет, пусть немножко так побудет, на всякий случай...

Когда взошло солнце, лукоморский витязь и лукоморский разбойник, растирая кулаками затекшие спины, вышли наружу. Красные от бессонницы и дыма глаза слипались. Испачканные и прожженные рубахи липли к потным телам. Догорали остатки факелов, шипя и чадя. Но в руке у все еще босого царевича был большой тяжелый кувшин.

Единогласно, первым, на ком было решено опробовать "лекарство", стал столичный купец первой гильдии Демьян Епифанов. Под морду лица ему была подсунута глубокая тарелка с почти прозрачной водой.

– Тем ложки на рыло хватило, – еще раз повторил Серый, макая недоумевающего парнокопытного мордой в чье-то фамильное серебро.

– Ну, Демьян, пей же! – умоляюще заглянул Иван в карие бараньи глаза.

Баран тяжело вздохнул, мекнул и одним глотком опустошил посудину.

Превращение произошло мгновенно. Одну секунду в стойле был баран, другую – бело-брысый мордатый купчина растянулся на соломе во весь рост, уткнувшись физиономией в посудину.

– Получилось!!! – как один взревели друзья и стиснули друг друга в объятьях.

– Батюшки! Благодетели!! Родимые!!! – заголосил Демьян, обхватив Ивановы коленки огромными волосатыми ручищами. – Спасители!!! До смерти не забуду!!! Век буду помнить!... – голос его сорвался, и из горла вырвалось рыдание.

– Ну, что ты, Демьян Ерофеевич, будет тебе, полно... Ведь все хорошо же кончилось, не плачь! – Иванушка, присев на корточки рядом с купцом, обнял его неловко.

Тем временем Серый вытащил за шкуру из стойла второго барана, налил ему из ведра в тарелку воды и добавил ложку из заветного кувшина.

– Пей, морда рогатая, – посоветовал он ему.

Через минуту их человеческого полку прибыло еще на одного купца – из Переельского царства. На этот раз Волк на корню пресек всякие изъявления благодарности, отправив Ивана в трактир за тарелками, а купцов – на колодец за водой.

Спасательная операция продолжалась до обеда. По ее окончании число постояльцев "Козьмы Скоробогатого" составило 60 человек (по внешним признакам). По всем остальным – 10, вместе с Серым и Иваном. Оставшиеся – скорее кони, коровы, овцы и прочая домашняя живность, уже не помнящая, что делать с непонятными отростками на передних копытах.

Иван-царевич этого и боялся, и ожидал.

Посоветовавшись с остальными братьями по разуму, решили, что поскольку постоянный двор находится на территории Лукоморского царства, конфисковать его в казну за преступления, совершенные владельцем, и передать в управление купцу Епифанову, при условии, что тот будет кормить, содержать и приводить к образу человеческого тех несчастных, которые пробыли в чужой шкуре слишком долго. Договорились, ударили было по рукам, да тут отозвал Серый Иванушку в сторонку и шепнул:

– Не обессудь, Иванушка, но хитрая морда твоего купчишки доверия мне не внушает.

– Да он же купец первой гильдии, известный человек в столице!

– Известный своей честностью?

– Ну...

– Попроси с него бумажку, пусть распишется.

Сказано – сделано.

Заглянув в бумажку, Серый спросил:

– А если он их хлебом да водой кормить будет?

Так на свет появилась вторая расписка, чуть подлиннее.

– А если он их, до ума не доведя, выпроводит?

Была написана третья, почти на страницу.

– А если деньги кончатся?

Четвертая.

– А если пожар? Или разбойники?

Пятая, уже на две страницы.

– А если скажут, что ты права с ним договариваться вообще не имел?

– А если...

– А если...

К вечеру был при свидетелях подписан уговор на десяти страницах в двух экземплярах, начинающийся словами "От имени и по поручению государя нашего императора милостиво повелеть соизволили", и кончающийся "Стороны договариваются о признании юридической силы документов, полученных с голубиной почтой".

– Ну, силен твой советник, батюшка Иван-царевич, – уважительно покачал головой купец, пряча уговор в сумку. – Такой уговор дороже денег. Приказчикам своим покажу дома – пусть учатся. Ежели когда расстаться с ним надумаешь, всегда готов его к себе в общество принять. Так ему и передай с нашим почтением. Вот.

– Да что ты, Демьян Ерофеевич, он и грамоте-то едва учен, не то что в коммерции смыс- лить. – Иванушка засмеялся, замахал руками. – Он больше по... м-м... военной части проходит.

Купец ему почему-то не поверил.

– Как скажешь, батюшка, наше дело – предложить...

* * *

Через два дня, набив переметные сумы деньгами, и сторговав у сельчан лошадей, Иван и Сергей съехали со злополучного постоялого двора и двинулись по направлению к реке Бугр. Там, за Бугром, начинался Вондерланд, конечная цель их путешествия.

– Ты знаешь, Сергей, чем знаменита эта река? – задал вопрос Иванушка, когда они про- езжали по мосту.

– Нет. Чем?

– Раньше в этой реке жило громадное чудовище Овир – многорукий, многоротый, мно- гоглазый, а некоторый даже утверждают, что у него были еще и длинные щупальца с когтями и присосками. И оно пожирало каждого, кто пытался перебраться на другой берег. Ну или почти каждого. Редкому счастливчику удавалось пробраться мимо него живым. Но никогда – невредимым.

– И что с ним стало? Тоже пал жертвой легендарного Елисея?

Иван неодобрительно покосился на друга, но, вовремя вспомнив, что слово "ирония" в лексиконе Серого сроду не обитало, продолжил:

– Нет. Этого подвига среди приключений королевича Елисея не было. Возможно, потому, что он не успел до него добраться.

– А кто успел?

– Никто. Оно издохло само.

– От чего же? – по-настоящему заинтересовался Серый, наверняка не без задней прак- тической мысли.

– Во время последней религиозной войны в Вондерланде целые толпы беженцев устре- мились во всех направлениях, в том числе, и в Лукоморье...

– Понятно. Оно обожралось.

– Ну, можно назвать это и так.

– А как еще? – хмыкнул Волк. – А из-за чего была война?

– Ну, как всегда – из-за дискуссии по важному теологическому вопросу, способному оказать долгосрочное влияние на всю общественно-политическую...

– А короче?

– Еще короче?

– Если можно.

– Да, конечно... Видишь ли, в Священной Книге Памфамира-Памфалона было сказано, что во время Стодневной проповеди на нем была синяя туника.

– Ну и что? По-моему, все предельно ясно. Не вижу тут повода даже для мало-мальской драки, не говоря уже о войне.

– Это тебе ясно. Но дело в том, что вондерландцы – народ крайне приверженный моде, и вообще всему красивому, яркому, нарядному, и как следствие этого, например, в их языке имеется тридцать два отдельных слова только для обозначения оттенков синего. Понимаешь?

Волк ненадолго задумался, кивнул.

– Теперь понимаю. Если бы оттенков синего в вондерландском было хотя бы двадцать, Овир остался бы жив.

– Ну, в общем-то, да.

– И кто победил?

– Маджента.

– А-а... Э-э-э... М-м-м...

– Да, к синему это имеет весьма отдаленное отношение, но это были еретики, про которых в пылу сражений правоверные забыли, а, по-видимому, когда вспомнили – было уже поздно. Если, конечно, еще было кому вспоминать.

– И какие же далеко идущие последствия имела их победа для Вондерланда?

– Теперь балахон их первосвященника цвета маджента.

– И все?!

– И Овир сдох. В жутких конвульсиях.

– Стоило оно того... – фыркнул Серый. – Я о балахоне.

Царевич пожал плечами.

– Лично мне больше симпатичен подход к проблеме религиозных войн в Вамаяси.

– Какой?

– Ты знаешь, в Вамаяси вот уже пятьсот лет не было ни одной религиозной войны. Но вовсе не из-за похвального единогласия их духовенства в вопросах богослужения. Нет. Просто один вамаясский правитель когда-то повелел запирать всех дискутирующих богословов в одном монастыре – Бао-Линь, по-моему, без пищи и воды, и не выпускать до тех пор, пока они не придут к консенсусу.

– Они же запертые, как они туда прийти должны? – недопонял Серый.

– В смысле, к единому мнению.

– А-а.

– И твердо следовал своему принятому однажды решению. И поэтому у богословов было несколько вариантов – или умереть от голода и жажды, или найти общий язык, или...

– Перебить противника?

– Именно. Причем голыми руками, или при помощи подручных средств – книг, книжных полок, масляных светильников, циновок, и тому подобного, так как перед заходом их тщательно обыскивали и отбирали все, что могло хоть отдаленно сойти за оружие.

– Почему? – искренне удивился Волк. – Ведь так было бы проще?

– Ну, наверное, потому, что правители всегда надеялись, что вопрос будет все-таки решен мирным путем...

– И решался хоть раз?

– Судя по тому, что теперь любой монах может голыми руками, ну или при помощи мухобойки, уложить на месте за две минуты до двадцати вооруженных человек, в богословии не искушенных...

– М-да... Религия – страшная сила...

Из-за трофейного золота в первый же день после победы над мерзавцем-трактирщиком между друзьями чуть было не вышел разлад. Царевич настаивал, чтобы все, что спасенные купцы не признали за свое, было оставлено еще не пришедшим в себя людям, а остатки розданы бедным (королевич Елисей непременно одобрил бы такое решение), в то время, как Волк,

ничтоже сомнешся и Иванушки не спрошашся, слупил с каждого каравана по десять процентов золотом за помощь, с прибылью загнал походный багаж Ивана, да еще и присвоил все то, что удалось отстоять у ушлых торговцев. Спор продолжался бы еще долгие недели, если бы разбойник не спросил царевича, задумывался ли тот о том, как он собирается получить свою драгоценную (в прямом смысле слова) птицу.

– Я мог бы ее для тебя украсть, – предложил он, зная, какой услышит ответ. Иногда, чтобы достигнуть своего, надо высказать лишь абсолютно противоположное предложение, и тогда тебя просто заставят поступить по-твоему. Серый это хорошо знал и часто беззастенчиво этим пользовался.

– Никогда! – Иванушка подпрыгнул, как укушенный. – Во-первых, воровать нехорошо, что бы ты не говорил. Во-вторых, это надо мне, и я не позволю тебе из-за меня рисковать жизнью. В смысле, опять. А в-третьих, вообще-то, Шарлемань давно уже ведет войну с Шантону, и ему наверняка нужны деньги, так что, с одной стороны, может, ты в чем-то и прав. Хотя, с другой стороны, жар-птица – это его фамильная ценность, единственная в мире, и обменять ее на золото... Я бы на его месте не согласился, например.

– От таких денег, какие у нас тут, не сможет отказаться даже такой напыщенный болван, как он, – презрительно хмыкнул Волк.

– Откуда ты знаешь, что он – напыщенный? И к тому же болван?

В ответе Волк ограничился туманным "все они такие", и Иванушке оставалось только пожать плечами на это и согласиться со всем остальным.

О том, как он будет добывать жар-птицу, он, конечно, задумывался неоднократно. Каждый день. Но все способы, предлагаемые "Приключениями Лукоморских витязей" противоречили либо его убеждениям, либо Уголовному кодексу, а чаще и тому, и другому одновременно. И это решение, хоть и основывалось на несправедливо нажитом богатстве одного из самых омерзительных преступников Лукоморья, стало первым и единственным вариантом, принятым царевичем к рассмотрению и не отвергнутым сию же секунду.

Видя Ивановы колебания, Серый заверил его, что как только у них появится лучшая идея, они незамедлительно раздадут весь свой золото-валютный запас тем бездельникам и лентяям, которых царевич именуется бедными. На том и согласились.

И еще одну проблему пришлось им решать перед отъездом. Пока в маленьком темном сарайчике просачивалась из-под земли колдовская вода, всегда мог найтись второй пан Козьма, и это лишало спокойного сна как царевича, так и разбойника. Второго по причине того, что в силу временной скученности постояльцев "Ивана-царевича и Волка" (да-да, в честь них) им приходилось теперь спать в одной комнате, на одной кровати, и мучительная бессонница одного автоматически приводила к отвратительному настроению по утрам у другого.

Выход, в конце концов предложенный Серым в перерывах между зеваниями, страдал отсутствием стиля и дурно пах, но ничего более изящного друзья придумать так и не смогли.

И когда они отправлялись в путь, новая просторная пятыв... то есть, пятичковая уборная на заднем дворе в низинке уже использовалась вовсю.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*В чужой монастырь со своим самоваром.
Шарлемань Семнадцатый*

Вечером четвертого дня Иван, Сергей, два коня и четыре куля золота торжественно въехали (по крайней мере, шестеро из них) в древний славный город Мюхенвальд, столицу Вондерланда, родину сосисок с капустой, песенки про некоего Августина и блицкрига.

Окруженный со всех сторон многометровыми (в трех измерениях) крепостными стенами, рвом (если бы в Диснеланде его видели, они никогда не назвали бы свое ущелье Великим) и валом, похожим больше на горный хребет, этот город был построен, чтобы выстоять многотысячные штурмы и многомесячные осады многочисленных врагов. Вондерландские короли всегда славились своей воинственностью, склочным нравом и нетерпимостью, что не всегда положительно сказывалось на отношениях с соседями, близкими и дальними родственниками и просто прохожими кочевыми племенами, каковые, выведенные из себя всякие границы переходящим поведением очередного мюхенвальдского монарха, частенько навевались незваными гостями под самые стены стольного города. Случалось это с настораживающей частотой еще и потому, что когда раздавали дальновидность, полководческий талант и здравый смысл, королевская фамилия, судя по всему, находилась где-то на другом конце света.

Серый исподволь, оценивая, осмотрел крепостные укрепления и стражу на воротах. На вопросительный взгляд царевича пожал плечами:

– Нет-нет, ничего, просто интересно.

Иван глаз не отвел.

– Ты никогда ничего не делаешь просто так, Сергей.

Волк хитро ухмыльнулся.

– Не перехвали, Иванушка.

Иван невольно ухмыльнулся тоже.

– Сергей, я, конечно, очень ценю и даже восхищаюсь твоей предприимчивостью, отвагой и проворством, НО, КЛЯНУСЬ ТЕБЕ, ЧТО ЭТОТ ГОРОД МЫ БУДЕМ ПОКИДАТЬ СПОКОЙНЫМ ШАГОМ И С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ. По крайней мере, я, так как на счет твоей совести, не в обиду никому-нибудь сказано, я еще к однозначному выводу не пришел.

Это развеселило разбойника еще больше, он что-то хотел ответить, но в этот момент их внимание привлек какой-то шум, доносящийся из боковой улочки из-за угла. Проезжая мимо, они оба, как по команде, повернули в ту сторону головы.

Если по улице, по которой они ехали, еще передвигались аборигены, то в этом переулке не было ни одной живой души. Иногда просто диву даешься, с какой скоростью все неприсоединившиеся стороны могут покинуть маленький переулок, если в нем разгорается потасовка.

– Драка, – лениво махнул рукой Серый, отвернулся и поехал дальше.

На взгляд царевича это, скорее, была не драка, а избиение. Пятеро хорошо одетых молодых людей, судя по пристегнутым мечам, дворян, увлеченно мутузили шестого, который, похоже, уже даже не старался вырваться, а только неловко закрывался от тычков и кряхтел.

– Оставьте его немедленно! – Иван, ударив пятками своего коня, заставил его развернуться и направил в переулок, прямо на дерущихся.

"Пошел вон" через плечо – вот и все, чего он удостоился.

Как среагировал бы на такое обращение королевич Елисей, страшно было даже представить.

– Отпустите его, трусы! – меч Иванушки как будто по собственной воле вырвался из ножен и плашмя опустился на ближайшую спину.

– Впятером! Избивать! Одного! Безоружного! Негодяи! – град ударов обрушился на слегка опешивших от неожиданного заступничества высокородных хулиганов, они выпустили объект своего внимания, и тот, более ничем не поддерживаемый, кулем рухнул на землю.

К несчастью, замешательство мюхенвальдских дворян продолжалось крайне недолго. Запела сталь обнажаемых мечей, и доблестному царевичу пришлось теперь отбиваться от пятых противников, настроенных, к тому же, почему-то, чрезвычайно серьезно. Если бы не уроки фехтования, преподносимые Волком каждый вечер с единственным перерывом на протяжении всего их знакомства, повествование наше оборвалось бы на этой странице.

От одного, двух, или даже, может быть, трех (хотя, конечно, уже вряд ли) Иван бы еще отбил, но пятеро – для начинающего бойца, пусть даже способного, это было слишком. Даже то, что он уложил ловким ударом меча плашмя по темечку нахала в красном плаще, диспозиции сил не помогло. Скорее наоборот – оставшиеся дворяне накинулись на него как оголтелые.

Его стали окружать.

Мысль спрыгнуть с коня пришла Иванушке слишком поздно. Неудачный – или удачный – выпад юнца в малиновом камзоле – и жеребец, хрипя, рухнул с полуметром стали в груди.

Оказалось, в древнем гостеприимном Мюхенвальде мостят даже маленькие переулки в бедных пригородных кварталах. Век живи – век учишься, дураком от такой ерунды и помрешь...

– ...откуда тут взялся этот мужлан?...

– ...надо преподнести ему хороший урок...

– ...ублюдок...

– ...давайте отрежем ему уши...

– ...пропусти меня, Гейнц...

– ...нет, я сам перережу глотку этому быдлу...

О ком это они?.. Они – это кто?.. Непонятно... Единственное, в чем Иван был уверен, это что его голова раскололась на несколько частей. Если бы каким-то чудом он смог поднять руку, он даже показал бы, на какие именно. Перед глазами в алом тумане плавали-кружились золотые искры, и все звуки доносились неизвестно откуда, может быть – из соседнего измерения. Кто-то хочет кого-то зарезать... Зачем... Не надо...

– Зачем? Не надо.

Знакомый голос...

– Если вы заплатите за убитую лошадь и тихо уберетесь отсюда по домам, я дам вам уйти.

Волк?

– А, вообще-то, вы еще должны помочь моему другу и отнести его до ближайшего постоялого двора.

Волк!

Ухмыляясь, как идиот, Иванушка спокойно провалился в беспамятство.

Очнулся он только когда его вытаскивали из-под коня, и сразу схватился за голову. К его бесконечному удивлению она была все еще на плечах, одним куском, хотя и с большущей гулей на затылке.

– Ну, вот, опять живой, – ласково поставил его на ноги Волк и прислонил к стене.

– Ни одно доброе дело не должно остаться безнаказанным, – нежно ощупывая шишку, сделал попытку улыбнуться Иван.

– Теперь королевич Елисей был бы доволен? – полюбопытствовал Серый, навьючивая переметные сумы с мертвого коня на свою лошадь.

– Я не просил тебя спасти меня, – насупил царевич.

– А если бы был в состоянии?

Вовремя спохватившись, что слова "ирония" в лексиконе Сергия нет, и никогда не было (не правда ли?), и что, если бы не тот, таинственным незнакомцем, которого хотели зарезать благородные бандиты, наверняка стал бы он, Ивану стало слегка стыдно. Но извиниться он постеснялся, и поэтому решил перевести разговор в другое русло.

Осторожно повернув голову из стороны в сторону, он спросил:

– А где... эти...

– Какие эти? Ах, эти... Убежали. Латать свои шкуры и кафтаны, я полагаю. Я же обещал их отпустить, если они заплатят за коня.

– ?!?!?!

Волк небрежно кивнул на свой потяжелевший на пять кошельков пояс.

– А куда они денутся?

Ивану оставалось только покачать головой, о чем он тут же и пожалел – его свежеприобретенная шишка таких гимнастических номеров не прощала.

Смеркалось. На главной улице зажигали фонари. В переулке все по-прежнему было тихо и пустынно.

– Что, Иванушка, идти сможешь? – Сергей закончил приторачивать к седлу последний трофейный меч.

– Естественно. Это так, ерунда, синяк. К утру пройдет.

"Дней через десять," – добавил он про себя.

– Вот и славненько. А то ведь нам еще постоялый двор искать сколько придется. Ты тут, нечаянно, раньше не был?

– Я вас п-провожу, – и из темноты, нетвердо ступая, вслед за голосом вышел человек. С первого взгляда царевич узнал в нем беднягу, за которого он заступился.

– Пошли, – пожал плечами Серый, и они двинулись к свету, на центральную улицу.

– Поз-звольте поблагодарить вас... ик... с-сам-м-моутверж... сам-моотверж-ж-ж.. с-сам-моотвержд... Великодушных господ, я хочу сказать, за мое сп-пасение из лап... ик... этих п-презренных н-н-негодяйцев и п-представиться. Хотя, м-может, вы уже с-слышали м-мое имя, – незнакомец попытался горделиво вскинуть голову, но, ойкнув, сморщился, снова икнул и схватился за затылок. Царевич невольно почувствовал к нему симпатию.

– Я – Гарри. М-меннинзингер, – продолжил он с не меньшим апломбом, но с более ограниченной жестикуляцией. – Ваш покорный с-слуга, – и человек, дохнув на них алкоголем, поклонился. А, может, просто посмотрел на свои коленки.

Волк украдкой наклонился к царевичу и шепотом переспросил:

– Кто-кто он?

И Иванушка также шепотом пояснил:

– Это от вондерландского "мини", что значит "маленький", и "сингер", что значит "певец".

Сергий еще раз покосился на нового знакомого, более внимательно.

– А ты ничего не путаешь?

Минисингер был толст и немывт. Желтые, до плеч, грязные спутанные кудри постоянно лезли ему в глаза, и тогда он смахивал их назад рукой жестом лорда, отгоняющего козявку. Черная с желтыми разводами (или желтая с черными пятнами?) куртка без единой пуговицы расходилась на животе, открывая для обозрения замызганную серую сорочку (была ли она раньше черной или белой, оставалось только догадываться). Половина лица, обращенная к Волку, уже начинала потихоньку синеть и распухать.

Босые, в одних дырявых чулках, ноги мягко шлепали по мостовой, перемещая своего хозяина одновременно в четырех измерениях. По всем признакам, без сомнения, Гарри был человеком творчества.

– Кто это тебя так взъерошил? – для поддержания разговора вежливо поинтересовался Серый.

Минисингер метнул на Волка убийственный взгляд, но того он даже не задел.

– Вы знаете этих мерзавцев? – рука царевич потянулась к мечу, и Серому даже показалось, что назови мини-сингер своих обидчиков, его друг бросится на их поиски, забыв про все на свете. Гарри, по-видимому, это показалось тоже, он решил, что его самолюбие в безопасности, и притушил свой пламенный взор.

– Не знаю, – промолвил он, явно покривив душой, – Их было ч-численное п-преимущество, и они заставили меня в-в-врасплох. Ик. Если бы не это, й-я бы им п-пок-ик-казал! – и он угрожающе взмахнул кулаком, снова ойкнул, но схватился на этот раз за плечо.

– Что? – поинтересовался Серый.

Если бы взглядом можно было ожечь, на месте Серого сейчас лежала бы кучка пепла. Очень маленькая кучка, если быть точным.

– Куда ты нас ведешь?

– К-к одному своему д-другу.

– Он содержатель постоялого двора?

– П-постоялый д-двор! – презрительно фыркнул Гарри, обдав друзей душепробирающим амбре сивушных масел, одновременно стараясь не делать резких движений. – У него – целый ик... д-дом, ик... два ик-тажа... и ик... красильня! И он – меценат. Ик.

– Что это значит? – шепотом спросил Волк.

– Это значит – покровитель искусств.

– И мини-сингеров тоже?

– В первую очередь.

– Понятно. Он сдерет с нас двойную цену за свое гостеприимство, чтобы потом отдать наши деньги этому пьянчужке.

Непонятно, почему, но Иванушку это задело за живое.

– Сергей, ты не прав. Нельзя судить о человеке, особенно о человеке искусства, по первому впечатлению. У них – нежные творческие натуры. Состояние натянутого обнаженного нерва – их каждодневная жизнь, они воспринимают мир не так, как все, а как бы полнее, объемнее, они видят и чувствуют то, что не замечает обычный человек, проходя мимо, погруженный в свои сиюминутные заботы, и не сознавая, что под ногами у него – вечность. Поэты пропускают вселенную через себя, испытывая...

– И ты тоже?

– Что?... – экспресс красноречия Ивана налетел на непрошибаемую бетонную стену с надписью "Отрок Сергей".

– Я хотел сказать – и ты тоже был когда-то... мини-сингером?

Иванушка на мгновение задумался.

– Нет.

Волк сделал вид, что поверил.

– Ну, смотри, как хочешь, – пожал плечами он. – Но я бы на твоём месте не связывался с ним, хоть он и пропускает во всю вселенную... Что бы это ни значило. Или именно поэтому.

Царевич упрямо, но чрезвычайно осторожно мотнул головой.

– Ну посмотри же, Иванушка, этот твой Гарри – законченная пьянь, мини-сингер или нет. А пьяницы хороши только в одном случае – им проще выворачивать карманы.

– Сергей! – буквально взвился Иван.

– Но ведь так оно и есть! Я же не придумываю! Если бы срезать кошельки было бы удобней у трезвых, я бы ведь так и сказал, что мне за интерес врать?

– Я не о том! Воровать – дурно!

– Дурно воровать – дурно. А хорошо...

- Сергей! Воровать – это гнусно! Брать чужое – преступление, и нет ему оправдания!
- Оправдание всему можно найти.
- Это силлогизм!
- Так силлогизм или преступление?
- Нет, я не это имел ввиду...
- Так зачем говорить то, что не имеешь ввиду? Это называется "врать". А разве врать – это не дурно?

Иванушка остановил на друге выразительный взгляд и промолвил:

- Дурно врать – дурно. А хорошо...

Вечерние улицы Мюхенвальда огласило громовое лукоморское ржание. Мини-сингер подпрыгнул, ойкнул, схватился за наболевшие места и с укоризной в нетрезвом взоре обернулся к своим спасителям.

- Вы, наверное, издалек-ик-а?

– Да, издалека, и у вас тут на краю света впервые. А что? – весьма определенное выражение лица Волка заставило совершить обратное путешествие слова Гарри, уже готовые вырваться наружу.

– Ах, да, мы же не представились, – спохватился царевич. – Прошу простить нас великодушно, но несколько нестандартные обстоятельства нашего знакомства не позволили сделать это сразу же, но я полагаю, это можно исправить прямо сейчас. Это – мой друг, Сергей Волк, рейнджер, а я – царевич Иван. И мы прибыли из Лукоморья. Только сегодня вечером, несколько часов назад, если быть точными. И намереваемся пробить в вашем великолепном городе некоторое время, уладить свои дела, и, конечно же, осмотреть достопримечательности, так сказать, исторические и архитектурные памятники, знаменитый дворцовый комплекс и прочие интересные места.

- Очень приятно, – рот Гарри растянулся в натужной улыбке.

– Да, и мы тоже очень рады встрече с вами, – даже при свете масляных фонарей искренность царевича была видна невооруженным глазом.

– Ты за себя, за себя говори, – из уголка губ пробормотал Серый. – И кто тут из нас ренжер, мы тоже потом разберемся. А сейчас я в толк взять не могу – чего ты так радуешься что мы его встретили? Подумаешь, шшастье какое!

– Если он действительно мини-сингер, ты не представляешь, как нам повезло! В нашем современном практичном и чересчур реальном мире их же осталось один на миллион! Это несказанная удача! Королевич Елисей за все время своих странствий – и то повстречал их меньше десятка – на страницах девяносто пять, сто двадцать, четыреста пятьдесят девять, пятьсот шестьдесят семь, семьсот сорок один, тысяча двести девяносто девять и три тысячи девятьсот девяносто пятой, в самой последней главе! Ты подумай только! Живой мини-сингер! Ты вообрази, что если это правда, и нам действительно так несказанно посчастливилось, то, статья, мы услышим настоящие баллады, может быть только что сочиненные, еще животрепещущие, пронизанные духом приключений, прикоснемся к романтическому миру отважных героев, славных подвигов, доблестных походов, прекрасных дам, вдохнем полной грудью пьянящий ветер дальних странствий...

Серый вдохнул полной грудью, мысленно поклялся никогда и ни за что больше в жизни не давать повода Ивану говорить о мини-сингерах и балладах, а королевичу Елисею при встрече вообще устроить веселенькую жизнь, и погрузился в рассматривание неторопливо проплывающего мимо городского пейзажа – прелестей и чудес большого города.

* * *

Примерно через полчаса знаменитые красильни предстали перед взором героев. Это подтверждала вывеска над дверью. "Красильня «Веселая Радуга» – вопреки невзрачной цветовой гамме гордо провозглашала она.

На первом этаже, в маленькой комнатке, судя по всему – приемной, их встретил невысокий белобрысый парнишка со стрижкой "под горшок", с виду немногим старше Ивана.

– Санчес, – с картинным полупоклоном, отставив ногу и помахав рукой в области коленок, представил его Гарри. – Наш редактор, ценитель и кормилец.

Санчес смущенно улыбнулся и покраснел.

– А это – приезжие иностранцы, принц Джон и странствующий рыцарь сэра Вульф из Лукоморья. Мы имели счастье, или несчастье, или, так сказать, не было бы счастья, да несчастье помогло – познакомиться сегодня в переулке Башмачников. Они пришли мне на помощь в некой весьма щекотливой ситуации, незваные, но желанные, я бы сказал. И они будут жить у нас.

– Друзья Гарри – мои друзья! – не прекращая улыбаться, молвил красильщик. – Пойдемте, я покажу вам ваши комнаты! Правда, у нас тут немножко не прибрано, богемная жизнь, понимаете сами, но зато все свои. У вас багаж?

– Да, с вашего позволения. Не могли бы вы помочь донести? Но если вам тяжело, мы сами... – царевич двинулся на улицу, Серый и Санчес – за ним.

– Ого, – крикнул хозяин, взвалив на плечо мешок. – Что у вас там – чугун?

– Золото, – отозвался Иван из-под другого мешка.

Рыцарь Вульф скривился, как от зубной боли.

Санчес споткнулся на ровном месте.

– Шутка, гы-гы, – сказал Серый, делая царевичу страшные глаза.

– Гы-гы, – старательно выговорил Иванушка.

– Гы-гы, – задумчиво повторил Гарри с крыльца.

Красильщик оказался словоохотлив, и пока мешки несли до второго этажа до гостевых комнат, успел поведать новым знакомым, что красильня раньше принадлежала его отцу, что когда тот умер и завещал предприятие ему, он, Санчес, учился в гуманитарной гимназии, какую ему и пришлось покинуть в связи со вступлением в наследство, тем более, что не покинь он ее, его бы все равно, скорее всего, к весне бы выгнали за хроническую неуспеваемость, нарушение режима и непочтение к преподавателям, несмотря на все неплохие отцовские денежки, которые тот платил за образование своего единственного отпрыска. Рассказал он, но скорее, не как о факте, а как о забавном недоразумении, что дела в красильне со смерти отца идут неважно, что сколько бы он ни старался (а не старался он нисколько) – клиенты и работники разбегаются, и оставленные родителем капиталы тают не по дням, а по часам.

– И что ты будешь делать, если разоришься?

Санчес ухмыльнулся и скинул мешок на пол в одной из комнат.

– Не ЕСЛИ разорюсь, а КОГДА разорюсь. Это вопрос времени, чувствую я... Не выходит из меня красильщика. Что делать буду? Стану трубадуром, буду бродить по свету с Гарри, играть на тамбурине, петь его песни...

– А он действительно мини-сингер? – глаза Иванушки вспыхнули с новой силой.

– Да, конечно! Самый лучший, какой только есть на свете – а мне их немало приходилось повстречать на своем веку – в гимназии, и за время знакомства с Гарри. Вы слышали, наверно, баллады "Король и шут", "Рыцарь и чудовище", "Чиль Ойленшпигель"?

– Нет, – как замороженный, царевич покачал головой.

– А "Птица и костер"?

– Нет.

– А "Королева тепла"? "Малиновый король"? "Когда окончен будет бал, и вновь взойдет луна..." – вывел Санчес, дирижируя себе рукой.

– Нет...

– Ну, да ничего страшного. Мы это быстро исправим. Скоро должен начать народ собираться – Эндрю, Джек Перкин, Юджин, Непогода, Мальш... Даже этот урод Кит придет. Не люблю я его, но он – друг Гарри... Кстати, вот это – ваша комната. Замок на дверях есть, но это не проблема – к нему любой ключ подходит. Живите, сколько надо. Постельного белья, правда, нет. Туалет на первом этаже, рядом с конторой, где приемная...

– В смысле, туалет в доме, что ли? – не понял Волк.

– Ну да. Не как у нас, в Лукоморье. Я читал – это из-за гигиены, – авторитетно пояснил царевич.

– А я и не знал, что она заходит так далеко на восток.

Теперь настал черед удивляться Иванушки.

– Так она... это... везде действует... вроде...

– Разве? Тогда надо быть осторожной.

– ?!

– С гигиеной шутки плохи. Когда она одна – еще можно справиться, а вот несколько – это, говорят, хуже медведя.

В голову Ивану закралось определенное подозрение.

– Сергей, извини, конечно, но ты уверен, что ничего не... э... не путаешь? Гигиена – это когда руки моют каждый день... или тараканов морят до того, как они начинают объединяться с клопами... или подметание пола, пока его еще видно... А гиена – это такой веселый компанейский зверек. Еще устойчивое словосочетание есть – смех гиены. И они собираются вместе, когда кому-то плохо.

Рыцарь Вульф застыл, как громом пораженный.

– Каждый день?!.. Тараканов?!.. Подметать?!.. М-да... Пожалуй, лучше встретиться с ги... гиеной...

Санчес с интересом стоял и наблюдал за рождением истины, с уважением глядя на Ивана.

– Приятно встретить образованного человека, – от души пожал он царственную руку. – Если что потребуется – говорите, не стесняйтесь. Всегда к вашим услугам. А сейчас пойдем в столовую – народ там собирается.

– Сколько с нас за комнаты? – спросил Иван.

Санчес обиделся.

– Друзья Гарри – мои друзья. Не говорите глупостей.

"Народ" на кухне уже собрался. Вокруг коренастого дубового стола, в окружении закопченных стен и давно не чищенных котлов сидела разношерстная компания: каждый второй – мини-сингер, каждый первый – поэт, определил уже наметанным глазом Серый, скользнув по живописным одеяниям и целой коллекции лютей, глиняных кувшинов с вином и девушек на коленях. Из еды на столе стояло маленькое блюдце с орехами.

Серый деликатно ткнул локтем Санчеса под ребра:

– Одни орехи на ужин – это тоже ваш варварский обычай, типа ги... гигиены, или я чего-то не понял?

Хозяин смущенно улыбнулся в ответ:

– Это в трактире дают бесплатно к вину...

– А-а... – удовлетворенно кивнул Волк. – А трактир отсюда далеко?

– Да нет, минутах в пяти.

– Пойдем, прогуляемся, пока они тут глотки дерут.

Через полчаса Санчес, Волк, трое слуг трактирщика и пять большущих корзин со всевозможной снедью вернулись в "Веселую Радугу" под одобрительные возгласы собравшихся.

– Налетай! – по-барски взмахнул рукой отрок.

Гости и хозяин не заставили себя долго уговаривать.

– Санчес, где можно взять кружку? – спросил Волк, проглатывая подвернувшуюся под руку сосиску.

– Вон там, на разделочном столе посмотри.

– Ага, гут.

– Что ты берешь?!

– Кружку.

– Так это же кружка из-под мусора!

– Ну, тогда возьму эту.

– Эта – из-под бульона!

– А эта?

– Ну-ка, дай посмотреть... Эта – из-под молока.

Сэр Вульф бессильно опустил руки.

– Слушай, хозяин, у тебя есть не кружка из-под чего-нибудь, а просто кружка?

Санчес озадаченно почесал в затылке.

– Ты знаешь – нет... Но я сейчас помою... – он схватил, не глядя, одну из посуды и быстро побулькал ее в огромном глиняном чане, черная матовая вода которого если и не была колыбелью жизни на Земле, то имела все шансы стать таковой после ближайшей глобальной катастрофы.

Серый плюхнулся на скамью рядом с царевичем. Пение, если оно и начиналось в его отсутствие, на время, по вполне понятным причинам, прекратилось, и друзья воспользовались недолгим перерывом, чтобы тоже перекусить.

Волк выудил из кучи угощений нечто гладкое, продолговатое и коричневое, с недоумением повертел в руках, но попробовать не решился.

– Что это? – осторожно осведомился он у Ивана.

– Где? – повернулся царевич. – А, это... Это – банан в шоколаде.

– Чего? – подозрительно переспросил Сергей.

– Фрукт такой, в... э... ну, короче, это вкусно. Попробуй. Тебе должно понравиться.

Серый с видом патриция над чашей цикуты откусил крошечный кусочек и со страдальческим видом принялся жевать. Проглотил. Потом еще. И еще...

– Надо же!.. Банан в шоколаде... – блаженная улыбка заняла все доступное пространство на лице странствующего рыцаря. – Ешеньки-моешеньки!... Чтоб я так жил!... Банан в шоколаде!... А ну, давай еще, – и он с решительным видом принялся ворошить ближнюю к нему грудку продуктов.

Внезапно все вокруг смолкло. Это Гарри взял лютню.

– Ну-с, начнем, – полупьяно поблескивая раскосыми зелеными глазами, молвил он, и все разом вдруг загомонили, стараясь перекричать друг друга:

– "Ты мой родник"!

– "Я выпью вина"!

– "Маятник"!

– "Рыцаря и менестреля"!

– "Шарманщика", Гарри, "Шарманщика"!

Полные губы минисингера удовлетворенно покривились.

– Все споем, не спешите, наше время впереди, – мягко проговорил он. – Но начать я хочу с песни, которую я сегодня бы посвятил моим друзьям, принцу Джону и сэру Вульфу.

И в полной тишине поплыли первые аккорды.

...Смерть надо мной —
Как солдат на боевом посту.
Но я от нее уйду
По границе миража —
Ей меня не удержать
В гибельных местах —
Я давно забыл,
Что значит страх.
Ведь золото – прах.
В дальних мирах
Оно не дороже свинца...
Слава и власть —
Дьявола пасть,
А мне бы в огне не пропасть...
А мне бы дойти до конца...
Я в пути...

Когда певец закончил, царевич рыдал – то ли от счастья, то ли от полноты чувств, то ли от выпитого вина.

– Сергей, ты понимаешь, это – гениально! Он – гений! Гений!.. – только и повторял он.
А тем временем Гарри вновь ударил по струнам.

Берег не встреченный, остров ненайденный,
Призрачной пристани девственный рай,
Грезы огарок, у неба украденный —
Все, что имею – твое.
Выбирай...

Некоторые музыканты стали перебирать струны своих инструментов, и их голоса бархатной нитью вплетались в песню Гарриной лютни. Девушки, закрыв глаза, покачиваясь, как в экстазе, безмолвно шевелили губами, повторяя слова, навечно врезанные в скрижали их душ огненными буквами истинной любви. Иван, раскрыв рот, вытянул шею по направлению к минисингеру и забыл дышать. Даже Серый перестал жевать и склонил по-собачьи голову набок, серьезно вслушиваясь в колдовские звуки баллады. Гениально или пошло – он в этом мало разобрался. Знал он только одно – совершенно неожиданно ему это нравилось.

Песни и разговоры продолжались далеко за полночь. Когда гости расходились по домам, гостевым комнатам и просто тюфякам на полу, часы на городской башне пробили четыре.

Царевич и Волк неровным шагом, в обнимку прошествовали в свою комнату. Серый в отуманенном усталостью и вином мозгу лелеял перспективу поспать завтра (в смысле, сегодня) подольше (в смысле, до завтра). В широко раскрытых же очах Иванушки горела одна, но пламенная страсть – увидеть завтра (в смысле, опять сегодня) в два часа дня своими глазами настоящий рыцарский турнир, проводимый Шарлеманем, о котором ему весьма опрометчиво, по мнению Серого, в недобрый час брякнул Санчес. Победитель турнира получит в супруги прекрасную Валькирию – единственную дочь короля.

– Ну-ну, посмотрим, чья возьмет, – грозно бормотал Волк, заваливаясь на свою кровать, хотя в глубине души что-то маленькое, гнусно хихикающее, подсказывало ему чья же все-таки возьмет.

* * *

Злой, не выпавшийся Серый вот уже полчаса пытался найти в толпе разряженных зевак Ивана. Санчеса и Гарри они потеряли почти сразу, оттертые беспорядочно двигавшимися горожанами, солдатами, минисингерами и продавцами сосисок, пирожков и бананов в шоколаде. Потом они купили Иванушке зеленую бархатную тунику и оранжевую атласную рубашку – отчасти потому, что такие же были на рисунке на странице четыреста восемь «Приключений Лукоморских витязей» на королевиче Елисее, побеждающем на турнире в Шленниберге Безумного Кабальеро, а главным образом потому, что Серому надоело, что на его друга (а, точнее, на его белый кафтан, скроенный по последнему всхлипу лукоморской моды) все вондерландцы показывали пальцами.

Отпустив вульгарным невежам десяток-другой затрещин, на третьем десятке Серый сдался и затащил царевича в ближайшую лавку готового платья, невесть откуда взявшуюся за городскими стенами, где и приобрел Ивану, презрев его отчаянные протесты, то, что ближе к выходу висело. Царевич поклялся, что скорее умрет, чем наденет на себя ЭТО, но Волк прошептал волшебные слова "Пока ты тут рядишься, мы там на турнир опоздаем", и тот обреченно согласился. Воспоминания о том, что нечто похожее он уже видел раньше в Книге, слабо утешили его. Что хорошо смотрится на королевиче Елисее...

Оставлять свой кафтан в лавке, равно как и таскать его везде за собой в руках, Иванушка не захотел, и тогда, не мудрствуя лукаво, Волк натянул попку прямо поверх его лукоморской одежды. Возражения царевича были успешно пресечены быстрым замечанием продавца, что в таком виде благородный дворянин похож на настоящего рыцаря, и кто не знает – ни за что не догадается, что под туникой у него не гора мышц. Compliment был сомнительного рода, но сэр Вульф не дал царевичу задуматься, а невежливо дернул его за атласный рукав и снова сказал, что они опаздывают. Это спасло положение.

И вот теперь, покупая парочку бананов, Волк упустил из виду своего друга, который, как ненормальный, бросался то туда, то сюда, стараясь увидеть, понять и впитать все то, о чем раньше ему приходилось только читать и мечтать – огромное огороженное ристалище, высокие трибуны для знати, богатые шатры рыцарей-участников турнира, безумное буйство цвета на вымпелах и штандартах, грозные гербы, ржание исполинских боевых коней, звон смертоносного металла, пронзительные вскрики фанфар, объявляющих о появлении очередной великородной фамилии и пьянящие запахи лошадей, оружия, тысяч человеческих тел и рыцарской славы.

Серый, яростно крутя больной головой по сторонам и изредка подпрыгивая, без особой, впрочем, пользы, вскоре обнаружил, что толпа вокруг значительно поредела, а сам он оказался в роще, среди каких-то пестрых островерхих палаток, вокруг которых деловито сновали слуги и стояли большущие лошади. Продолжая внимательно вглядываться в лица прохожих, он двинулся дальше.

У самой дальней палатки, черной, не как остальные, он и обнаружил своего друга. Иван стоял зеленой бархатной спиной к нему и затягивал подругу чьего-то коня.

Серый вдруг разозлился. Ты тут встаешь в двенадцать часов утра, прешься пешком через целый город, натыкаешься на каждом шагу на толстых вонючих бургеров (или бюргеров, как там они называются?), а он не может подождать, пока его бедный страдающий друг не купит себе на завтрак (он еще и голодный вышел!) пару бананчиков в шоколаде!

– Ну и свинья же ты, царевич! – с сердцем произнес он в затылок Ивану.

Тот недоуменно повернулся, ненароком задев Волка локтем. И только тут он понял, что говорил не с затылком, а с лопатками...

– В смысле? – удивился незнакомец.

Если бы этой фразой он и ограничился, может быть, все кончилось бы для него хорошо. Но он имел неосторожность презрительно посмотреть на Серого сверху вниз. Или просто посмотреть сверху вниз – вариантов у него не было. Все остальное дорисовало раздраженное воображение Волка.

За ноги затащил Серый бесчувственное тело подальше в кусты около черной палатки, поправил примятую траву и, пожав плечами и заложив руки в карманы, вразвалочку направился дальше, чувствуя себя все лучше и лучше с каждым шагом.

– Он меня толкнул, – сообщил он спешащему куда-то шуту.

– Он меня толкнул, – пожаловался встречному дворянину.

– Он меня толкнул! – воззвал он к справедливости гончей под кустом.

И довольно улыбнулся.

Солнце вновь светило ярко и приятно припекало.

Небо снова обрело синеву.

Люди вокруг опять стали дружелюбными и милыми.

Нет, все-таки, пока на свете есть наглые жлобы, которые считают, что они могут смотреть на тебя сверху вниз только потому, что они выше ростом, и которым можно надрать задницу – жизнь не такая уж и мрачная штука.

Иван потерялся почти сразу же, и то, что он некоторое время находился недалеко от Серого, вплоть до того момента, когда тот остановился у лотка разносчика чтобы купить себе завтрак, было чистой случайностью – царевич был уже потерян для этого мира, всерьез и надолго. Окружающий его мир мальчишеских грез, мир, оживающий на страницах по желтевших фолиантов и в песнях бродячих менестрелей и трубадуров, романтический мир доблести, чести и отваги, мир, где прекрасные дамы томились в темницах у драконов, а рыцари без страха и упрека, презирая смерть, шли на все ради шелеста тонкой вуали, этот блистающий ослепительный головокружительный мир был рядом с ним! Могло ли быть счастье большее, чем прикоснуться к нему, вдохнуть пыль его дорог, услышать рев турнирных рогов, призывающих лучших из лучших на ратные подвиги!..

Как броуновская молекула, отталкивался он от одних и перелетал к другим, стараясь уловить ненасытными ушами малейший подробности, не пропустить самой незначительной детали.

– Вы слышали, говорят, сегодня опять появится Черный Рыцарь!

– Не может быть!!!

– Да! И он будет сражаться за руку и сердце принцессы!

– Генри, не отставай, потеряешься...

– А вы знаете, я слышала, будто он – сын Лотранского короля...

– Кевин Франк?!..

– Да нет же! Это невозможно, милый!

– Сосиски! Горячие сосиски!

– Еще как возможно, Люсиль!

– Шарлемань его ненавидит!

– Что булочник может понимать в политике!..

– От сапожника слышу!

– Но он-то любит принцессу Валькирию и жить без нее не может!

– Я тебе потом объясню, сынок...

– Ах, как это романтично, друг мой!..

– Да-да, в этом-то все и дело!

– Парочку сюда, мальчик...

– Я совершенно точно знаю, что именно поэтому король боится, что к вечеру он получит Кевина Франка в зятя.

– Сам-то он хочет выдать ее за генерала Айса!..

– Горячие сосиски!

– Так вот почему тот остался здесь, в то время, как вся армия ушла на запад сражаться с Шантоныцами!

– Конечно! А вы как считали, любезнейший!

– Генри, Генри, иди сюда, проказник!..

– Ну уж против Айса ему не выстоять, будь ты хоть сам Карл Великий!

– Да... Боюсь, ты прав, Эгон...

– Но есть еще Георг фон Ривин, и сэр Ганн...

– Эй, ты, с сосисками!..

– А Алекс де Жадан и...

– Да сэр Вильям Фрей...

– Ах, как это романтично, друг мой!..

– Сосиски! Сосиски!!!

– Черный Рыцарь...

– Генри! Вот вернемся только домой!..

Обрывки разговоров на одну и ту же тему доносились со всех сторон до Ивана – принцесса Валькирия, Айс, Черный Рыцарь, Шантонь, Шарлемань... И сосиски.

Ошалевшего царевича толпа вынесла на край леса, туда, где раскинулись шатры участников турнира – претендентов на руку благородной Валькирии. Там и тут, среди деревьев расхаживали оруженосцы, герольды, слуги, а иногда через откиннутый полог шатра удавалось поймать краем глаза священнодействие – облачения рыцаря в боевые доспехи.

Иванушка сам не заметил, как оказался у самого крайнего шатра, черного, наполовину скрытого в густых кустах. Боевой конь стоял рядом, полог был отогнут, и ни вокруг, ни внутри никого не было.

В голове взялась из ниоткуда и угнездилась прочно шальная безумная мысль.

С рассеяно-безразличным видом царевич прошелся пару раз мимо – никто не обращал на него абсолютно никакого внимания. Никого просто не было вокруг. И тогда он набрался смелости, севшим от волнения голосом пискнул: "Можно войти" и, не дождавшись ответа, бочком просочился внутрь.

Там, на богатом пушистом ковре, лежали разложенные доспехи. Черные, как безлунная полночь, они матово поблескивали под случайным лучом солнца, упавшим сквозь откиннутый полог и, казалось, жили своей, отдельной жизнью. Иванушка буквально мог слышать властный тихий зов вороненого металла, приказ, повеление, противиться которому он более был не в силах. И он поднял с земли остроклювый шлем с черным пером и дрожащими руками опустил себе на голову...

Ничего не случилось. Не разразилась гроза среди ясного неба, и мстительный удар молнии не покарал святотатца. Едва слыша гомон толпы вдалеке из-за шума крови в ушах, он взялся за панцирь...

– Ваше высочество!!!

– Мы нашли вас!!!

В шатер ворвались двое слуг, и мгновенно набросились на пойманного на месте преступления Ивана, парализованного смущением и стыдом.

Но что такое? Вместо того, чтобы вырвать у него из рук чужие доспехи и вытолкать его вон из поспешища всему честному народу, они принялись надевать на него все оставшееся! Что происходит? Как это понимать? Они – сумасшедшие? Или они над ним издеваются? Или...

Иванушку бросило в холодный пот, потом – в горячий, потом вогнало в ступор.

Они приняли его за Черного Рыцаря – этого лотранского принца Кевина Франка!
Нервная болтовня слуг подтвердила худшие опасения.

– Где же вы пропадали, ваше высочество!

– Мы уж вас по всему лесу обыскались!

– Думали – происки Шарлеманя...

– Или сыночка его мерзкого – Сержио...

– На счастье принцессы Валькирии им наплевать, злыдням!..

Они приняли его за Черного Рыцаря. Кевина Франка, принца Лотранского. И теперь они снаряжают его, чтобы он принял участие в турнире и победил. Победил этого Ганна, Ривина, Фрея, и кого там еще, сколько их... И получил руку и сердце принцессы Валькирии, которую он ни разу в жизни и видеть не видел. Хотя, нет. Не он. Принц Кевин. Пропавший принц Кевин. Что случилось с ним – одному Всемогущему ведомо. Пал ли он жертвой коварства и злобы Шарлеманя, заплутал ли в лесу, или приключилось с ним еще что-нибудь столь же ужасное и плачевное – кто знает. И если он сейчас скажет, что он вовсе не принц Кевин, несчастная Валькирия должна будет выйти замуж за немилого, постылого. Принц, если он жив, когда найдется, иссохнет от сердечной тоски, потому что будет уже поздно. А его самого выставят на всеобщее посмеяние с позором, как вора и самозванца.

Последний аргумент, к бесчестию, а, может, и к чести царевича, оказался решающим, и воздух, уже набранный в легкие для отчаянного крика: "Не виноватый я, я просто так зашел!" с тихим шипением вышел сквозь стиснутые зубы.

Водруженный на коня, царевич впервые в новом качестве получил возможность прислушаться к своим ощущениям.

Если бы эти доспехи были гостиничным номером, они были бы президентским "люксом".

Они были огромны, и если бы сначала не слуги, а теперь – не конь, новоиспеченный рыцарь лотранский лежал бы на земле бесформенной грудой металлолома, не в силах устоять на ногах под их весом. Когда ему в одну руку дали щит, он думал, что еще пара минут – и он рухнет с левого бока прямо под ноги своему скакуну. Но потом в правую руку ему дали копьё, по весу равное, и вопрос, с какого же все-таки бока ему падать, стал не таким легким, как казался в начале, и Иванушка был вынужден временно оставаться в седле и получил возможность задуматься над тем, что же его ждет через несколько минут. Будет просто чудо, если он не свалится с коня когда тот тронется с места. И будет чудо вдвойне, если он вообще останется в живых после того, как падет под ударом первого же соперника. И тогда прекрасной Валькирии придется оплакивать уже двоих. А, может, пока не поздно... Нет. Королевич Елисей никогда бы так не поступил!

И Иванушка гордо вскинул голову, не в последнюю очередь потому, что это была одна из немногих частей тела, которой он еще мог пошевелить.

Вчерашняя шишка, полученная на поприще защиты униженных и оскорбленных, все еще была на месте.

Перед глазами все поплыло, и трубный глас – как в железной бочке – возвестил прочувствованно: "У-у-у-у!!!..".

Иван не сразу понял, что это был он сам, а понявши, тут же закусил губу – привлечь к себе внимание раньше времени не хотелось. Он осторожно покрутил головой, чтобы увидеть, не смотрит ли кто на него, но все, что он разглядел, была внутренняя стенка шлема.

И тут кто-то осторожно к нему постучал.

– Войдите, – рассеяно проговорил царевич.

– Да нет, я лучше здесь постою.

– Сергей!!! Милый!!! Как ты меня нашел?! А я тут в такое влип... – вырвался против ивановой воли крик сконфуженной и напуганной души.

– Лешего с два я бы тебя нашел, в такой личине-то, если бы не Ярославнина волшебная приспособа, – проворчал Волк. – А что касается "влип", то извини, конечно, но...

– Ладно, потом об этом поговорим, – быстро встал царевич.

– Что ты там вообще делаешь? – Серый был заинтересован всерьез.

– Долгая история, я тебе это тоже расскажу потом. А сейчас мне надо будет сразиться с целой толпой рыцарей, чтобы получить руку и сердце принцессы Валькирии.

– Когда ты успел с ней познакомиться?

– Я не знаком с ней. Но так получилось, что мне приходится...

– Иван-царевич!!! Ты гений!!! Я бы ни за что до этого не додумался!!! Молодчина!!!

– Чево? – недопонял Иванушка.

– Я говорю, что я бы ни за что не додумался жениться на этой Вальке, чтобы жар-птицу за просто так получить, и кучу золота сэкономить! Ну, ты дока!!! Не ожидал я от тебя такой прыти! И доспех чей-то успел спереть! Ай, да царский сын!

– Сергей!!! – взвыл в бессильном отчаянии Иванушка. – Я не хочу замуж ни за каких принцесс! Я – смертник!!! Первый же противник прошьет меня копьём насквозь – они занимают этим всю жизнь, а я сейчас-то с трудом в седле держусь!

– Ну так пошли отсюда, они еще минут через тридцать только начнут – у них еще пока будет это... Ну, как его... Ну, с лошадьми связано...

– Скачки?

– Да нет...

– Выездка?

– Да нет же!

– Бега?..

– Какие бега, царевич! Ты что, издеваешься? Это что-то про кобыл...

– ?

– Или про жеребцов....

– ???

– А, вспомнил! Жеребьевка!

Иван тихонько заржал.

– Это с жеребцами не имеет ни малейшей связи, Сергей. Это значит – они будут узнавать, кто с кем сражается. Ну, чтобы не все со всеми, а время сэкономить...

– Игра на вылет?

– Вот, точно! Только мне-то от этого...

– Так мы идем или нет? – уточнил Волк.

Иван вздохнул, сглотнул непрошенную слезу от жалости к себе, и твердо сказал:

– Нет.

– Ты с ума сошел? – заботливо поинтересовался Сергей.

– Нет, Серый, понимаешь, дело не в этом. Я не сошел с ума. И мне очень страшно. Но дело в том, что Черный Рыцарь пропал, а он должен был во что бы то ни стало получить в жены принцессу Валькирию, они любят друг друга больше жизни, а он пропал, и... Короче, ее отец и брат хотят выдать Валькирию за генерала Айса. А если Кевин Франк жив... Влюбленные этого не переживут.

– Как и ты, – заметил Волк.

– Это не важно. Важно то, что я погибну, сражаясь за самое прекрасное и возвышенное, что есть в мире, за то, что минисингеры воспевали...

– Понятно, – быстро обрубил Волк. – Короче, придется опять тебя из чего-то вытаскивать.

– Это не сможешь сделать даже ты... Знать бы, куда подевался сам Кевин Франк – Черный Рыцарь... – вздохнул царевич.

– Черный, говоришь... – задумчиво молвил Волк.

– Ну, да!

– Из черной палатки у самого леса?

– Да, да!!! Ты его видел?!

– Нет. Не припоминаю, – более чем искренне пожал плечами Серый. – Убей, не помню.

– Ну, ладно... – меланхолично произнес Иванушка. – Значит, когда я... То есть, когда меня... Ты родителям...

– Ваше высочество! Ваше высочество! – к царевичу бежал запыхавшийся оруженосец. – Жеребьевка! Подъезжайте скорей к королевской ложе!

Иван по мере возможности оглянулся, успел ли отрок Сергей отойти и не попасться на глаза слуге лотранского принца, но никого вокруг него уже не было и близко. Царевич вздохнул, преисполнился сурового мужества, и скорбно тронул коня.

Хроника столь знаменательного и судьбоносного для четырех держав дня сохранилась в мюхенвальдских летописях, и теперь историки, студенты и просто любопытствующие могут с разрешения главного архивариуса заглянуть в них и прикоснуться к событиям того славного турнира.

"... Первый поединок Черного Рыцаря прошел с сэром Ингваром, графом Корринским. Тот разогнал коня как ураган, и копьё его было нацелено прямо в сердце противнику, но за мгновение до того, как поразить Черного Рыцаря насмерть, он отвернулся, чтобы посмотреть неизвестно куда, взмахнул рукой со щитом – и удар сэра Кевина, принца Лотранского (ибо кто же еще это мог быть, сражаясь как лев за руку и сердце прекрасной Валькирии, обещанные победителю отцом ее, королем Шарлеманем) выбил его из седла, едва не проткнув сэра Ингвара вместе с доспехами его и конем его...

... Второй поединок Черный Рыцарь провел с сэром Якобом, эрлом Эстрандии. От могучего удара сэра Кевина противник его вылетел из седла, не успев опомниться...

... Третий поединок Черный Рыцарь должен был иметь с сэром Джулсом, бароном Шварценвальдским, но едва взяв разбег, скакун сэра Джулса взбесился и понес, и поймать его смогли лишь через четыре часа, на границе с Лотранией...

... После этого на ристалище вышли менестрели и воспели во многих балладах благородство и мужество отважных рыцарей, мудрость и величие короля, храбрость и ум кронпринца Сержио и очарование и скромность принцессы Валькирии...

... Последний, решающий поединок должен был состояться с непобедимым генералом Айсом, опорой и надеждой обороны королевства, доблестным всеокрушающим воителем, равных который не знал себе с отроческих лет. ... Но едва прозвучал сигнал боевого рога, дающий начало завершающему поединку, как генерал пришпорил что было силы коня своего, и все подумали, что не замедлит он обрушиться всей мощью оружия своего на злосчастного противника, чья недобрая звезда привела его сегодня на этот турнир на верную погибель. Но случилось невероятное, объяснения чему нет и не будет никогда – генерал Айс, герцог Стефанбергский, быстрее пушенной стрелы пронесся мимо Черного Рыцаря, даже не сделав попытки поразить его, и в мгновение ока скрылся из виду. Это оставило счастливым победителем и женихом принцессы Валькирии сэра Кевина, принца Лотранского...

... Король сделал ему знак подъехать к монаршей ложе и спешиться, но едва сэр Кевин сделал попытку соскочить с коня, как покачнулся и упал, с силой ударившись оземь. Видно, он был ранен во время одной из схваток, хотя какой – того не ведаем мы...

... И тогда добросердечная принцесса, вне себя от горя, кинулась на ристалище, сжала суженного своего в объятиях, подняла на руки и понесла на окраину леса, к его шатру..."

– Нет, ваше высочество, просто бинтов, за которыми ушел оруженосец, не достаточно. Ему нужен самый лучший лекарь, а кто может быть лучше придворного лейб-медика!

– Нет, я не отойду от него, пока не увижу, что жизнь его вне опасности! – сквозь рыдания воскликнула Валькирия, заламывая руки.

– Если вы не отойдете от него, вы можете увидеть его преждевременную кончину в страшных муках! Поверьте мне, раны, что не сразу видны – самые ужасные!

– О, нет!

– О, да!

– Тогда я бегу, но вы должны мне поклясться, что не покинете этого доблестного рыцаря ни на секунду!

– Его? Да ни за что! Клянусь! Ну, быстрее же!!!

Раскрасневшаяся зареванная принцесса пулей вылетела из шатра.

Пара десятков точных ударов острым ножом – и доспехи, больше не удерживаемые кожаными ремнями, как яичная скорлупа слезли с героя.

– Быстро на ноги и дуй отсюда, пока опять кто-нибудь не приперся! – сквозь зубы прошипел Волк. – Жди меня у городских ворот!

– Сергей!!! Я не знаю, как ты это сделал, но я у тебя в долгу по гроб жизни!!! Ты невероятен!!! Ты – чудо!!!

– Снимай с головы этот чугунок! Благодарности потом!!! – и он выскочил наружу.

Через минуту он вернулся, волоча за ноги бесчувственное тело.

– Ты еще здесь?!

Иван к тому времени уже смог подняться на колени.

– Кто это?

– Конь в пальто! – сострил Серый. Царевич не обратил внимания.

– Это – Черный Рыцарь? Где ты его нашел?! Что с ним?!

Серый почему-то предпочел не отвечать на такие простые вопросы, а сразу заявил:

– Щас примчатся прислужники, лекари, принцессы – они его быстро в чувства приведут. А что было – до свадьбы заживет. Все. Сматываемся. Или ты хочешь, чтобы тебя тут застукали?

– Нет, конечно, но ведь...

Не дожидаясь конца тирады, Серый дернул нетвердо еще стоящего на ногах Иванушку за рукав и выволок его на свет божий.

– Пошли. Бодрым шагом. Головой не крути. Вон, уже кто-то бежит, башками вертит, со львами на пузах – спальничьи-постельничьи королевские, наверное, принца твоего обихаживать. Дорогу уступи, витязь.

Объяснения Серого, к великому отчаянию Ивана, были кратки.

– Исчезновение принца Кевина – твоя работа?

– Он меня толкнул.

– А турнир?

– Пришлось поломать голову...

– А что ты сделал с сэром Ингваром?

– Солнечный зайчик.

– А сэр Якоб?

– Ты бы знал, сколько масла ему на седло пришлось вылить...

– А третий?

– На него ушло всего пол-банки горчицы.

– То есть? Он ее всю съел?

– Не он, а его кобыла. И не то, чтобы съела...

– Ну а генерал Айс? Тоже горчица?

– Хм. Тут все немножко сложнее. Когда ты сказал, что в последнем поединке тебе наверняка придется сразиться с Айсом, я подумал, что в конце так близко к нему подобраться не удастся, и поэтому, не теряя времени даром, быстренько нашел в ихнем лесочке одну хорошую

травку, благо она тут растет, заварил, и под видом торговца освежительными напитками сплил ее ему. Правда, на то, чтобы она сработала, было нужно время, и пришлось уговорить Гарри и Санчеса, чтобы они его немножко потянули... Чтобы в самый раз пришлось.

– Ну, и?..

– Ну и получилось. Сам же видел.

– Но что за травка?

– Хорошая травка. Слабительная. Только, боюсь, перестарался я, тройную дозу ему втюхал... Зато дней пять у него будет на одну проблему меньше. Или больше. Как посмотреть.

Первой реакцией царевича было сказать, что на рыцарских турнирах все должно быть честно – и победа, и поражение, и жизнь, и смерть – этим, вроде, и знамениты они, и королевич Елисей, например, отвернулся бы от него на всю оставшуюся жизнь за такие штучки, но тут кто-то внутри него, язвительный и ворчливый, шепнул, почему-то голосом Серого, что поражение и смерть честны тогда, когда они чужие, а некоторым молодым идиотам надо завести привычку хоть иногда думать перед тем, как куда-нибудь влазить, а Волк только спасал его никчемную шкуру, за что ему в очередной раз большой спасибо и низкий поклон, а не твои душевительные беседы. Иван слегка оторопел, потом почему-то решил, что это – голос его совести, и не стал возражать. И только потом пришло ему в голову, что, может быть, совесть, выговорившись раньше, молчала, а к микрофону прорвался ее заклятый друг – здравый смысл. Но кто из них прав – Иванушка так и понял. Ведь не может же быть так, что правы двое? Или не прав никто?

* * *

Этим вечером дружеские посиделки в «Веселой Радуге» повторились один-в-один, лишь с той разницей, что все угощение было за счет Гарри, а вина – раза в два больше. Никто не задавал ему вопрос, откуда у минисингера деньги – все и так поняли, что выступление перед королевской семьей и придворными совсем неплохо оплачивается.

Когда гости насытились и зазвучали первые аккорды, Гарри, выдержав театральную паузу, ошастливил всех известием, что, возвращаясь с турнира, он сочинил новую песню о дамах, менестрелях и рыцарях, каковую и не замедлил исполнить под шквал всеобщих восторгов.

Среди собравшихся легкомысленных певцов и веселых музыкантов, как черный каравай на подносе с пирожными, выделялся человек в кирасе и с мечом на перевязи из дорогой кожи. Его не было в прошлый раз, но поскольку никто не тыкал в него пальцем и не спрашивал, что господин офицер делает в этом вертепе муз, Иван решил последовать всеобщему примеру, и обращать на странного незнакомца не больше внимания, чем он того заслуживал. Хотя, наверное, в этом была какая-то тайна, и уж королевич-то Елисей ни за что не прошел бы мимо...

Гарри нетрезво подмигнул Иванушке раскосым зеленым глазом, кивнув кудрявой головой в сторону загадочного гостя.

– Это – майор Мур. И он – начальник городской стражи. Вы не поверите, но у него голубые глаза, он играет на мандолине и пишет стихи. И он вам посоветует, как можно получить аудиенцию у Шарлеманя. Вам повезло, что сегодня майор смог посетить нас. Лучше него никто из нас не смог бы рассказать о дворцовых порядках, об этикете двора, о привычках короля... Эй, Мур, будь так любезен, пересядь, пожалуйста, к нам – наши гости хотели бы с тобой поговорить...

– Ну, так как, Сергей – ты со мной? – задал невинный с виду вопрос царевич на следующее утро.

– Разумеется, – отрок метнул на Ивана настороженный взгляд – похоже было, что его почти звериное чутье шепнуло ему о чум-то нехорошем.

– А ты помнишь, что говорил вчера Мур?

– Это ты на что намекаешь? – на всякий случай обиделся Волк.

– Да нет, ты что, я вовсе не об этом... – смутился Иванушка от этой малости. Да и, честно говоря, чтобы его смутить, многого и не требовалось.

Волк смягчился, но напряжение его не покинуло.

– Так о чем это ты?

– Ты, кажется, очень привязан к этой бесформенной рубахе?

– Это – элегантная мешковатость, – парировал Серый.

– К этим стоптанным сапогам?

– Они почти новые. Ты же сам мне их пожаловал в день нашей встречи.

– К этому нелепому ремешку на голове?

– Санчес сказал, что это называется хайратник, и что у них в школе это было очень модно.

– Сергей, Мур сказал, что аудиенцию у Шарлеманя могут получить только высокородные дворяне, а чтобы сойти за такого, тебя нужно разодеть по последней мюхенвальдской моде, – мстительно напомнил Иван, с особым смаком выговорив "разодеть".

Он все еще не мог простить Волку своего вчерашнего переодевания.

Во время турнира Серый сполна навиделся моделей придворного платья летнего сезона, и поэтому предложение друга произвело на него такой предсказуемый эффект.

– Ты хочешь, чтобы я выглядел как какое-нибудь вондерландское чучело?!

– Почему – "чучело"?

– Ты что, не видел, что они носят?!

– Видел. Вполне приличные наряды.

– Приличные?! Ты что – издеваешься?!

– Нет, что ты, что ты, я же как лучше стараюсь...

– Лучше?! Терпеть не могу всякие дурацкие тряпки!

– Это не дурацкие тряпки. Это – образец тонкого вкуса.

– Я не собираюсь их есть! А наряжаться вообще ненавижу! Ты можешь представить меня в этом?!.. Да я лучше свою рубашку лишней раз выстираю! Ты видел, какого цвета у них поддевки?!

– Что?

– Ну, это... – разбойник беспомощно взмахнул руками около своей персоны. Иван, кажется, понял, что имелось в виду.

– Это не поддевки...

– Тем более! Это уже даже не поддевки! А что они носят вместо нормальных штанов?! А что у них на шее? Я на себя ЭТО не надену!!! За кого ты меня принимаешь?! Только слепые идиоты могут носить такое!!!

Иванушка слушал негодующие вопли Волка и торжествующе ухмылялся, чувствуя себя наконец-то отомщенным.

– Хотя, ладно, – поток негодования Серого вдруг иссяк, и он хитро прищурился на Ивана. – Надену, если и ты в таком пойдешь.

Тут и наступил звездный час царевича.

– А мне зачем, – демонстративно-недоумевающе хмыкнул он. – У меня мое лукоморское платье вполне ко двору пригодное. А ты вот на...

Не успел он договорить, как Серого будто ветром сдуло – только по лестнице дробно затоптали подкованные каблуки.

Иванушка непонимающе оглянулся, пожал плечами, и решил вернуться в свою комнату, чтобы закончить умывание.

Коварство Сергия он раскусил лишь тогда, когда тот на его глазах со сладкой улыбкой вылил на кафтан Ивана полную кружку чего-то, что по виду вполне могло быть минуту назад частью содержимого одного из самых зловонных красильных баков Санчеса. Или, не приведи Господь, чана для мытья посуды.

– !!!!!!!!!!!!! – набрал царевич полную грудь воздуха.

– Ну, так я не понял – мы идем за вондерландскими костюмами, или нет? – недоумевающе захлопал невинными глазами разбойник.

– Как прикажете доложить о вас королю?

– Иван, царевич Лукоморский, и... Сергей, князь Ярославский. По важному делу.

– Слушаюсь-с, – и главный церемониймейстер с поклоном растворился.

Теперь оставалось только ждать, и Иван мог не торопясь рассмотреть огромный зал с витражами в длинных стрельчатых окнах и сводчатым потолком, исчезающим где-то в полумраке высоко над головой – знаменитый Конвент-Холл, о котором рассказывал им Мур.

Потолок был расписной, говорил он, и эта роспись была одной из величайших тайн королевского дворца Шарлеманей. Каждый, кто смотрел на нее, видел что-то свое, и объяснение этому искали лучшие умы королевства вот уже двести пятьдесят лет – и не находили.

Легенда гласила, что дворец был сооружен прославленным зодчим Куллиганом в период увлечения его экзотическими травами, что отразилось на проекте – говорили, что Конвент-Холл был построен в форме листа одной из них. После, великий Коло дель Градо – друг и последователь Куллигана – провел под этим потолком, не спускаясь, десять лет своей жизни, украшая каждый миллиметр каменной поверхности тончайшей росписью, по его словам, не имевшей равных во всем свете.

По его словам – потому, что никто после того, как сам гениальный живописец спустился с лесов и сжег их за собой, так и не смог больше подняться туда, а снизу разглядеть что-либо было практически невозможно, кроме того, что сам потолок, скорее всего, существует. Но, поскольку весть о том, что сам Маэстро расписывал эту деталь архитектуры, разнеслась по городам и весям, благороднейшие из рыцарей и прекраснейшие из дам проделывали немалый путь, чтобы хоть одним глазком взглянуть на его бессмертное творение, и рассказывать потом об этом свои детям, внукам и менее удачливым соотечественникам. И, конечно же, по возвращении домой, когда дети, внуки и вышеупомянутые соотечественники начинали расспрашивать паломников, что же те видели, они получали описание в полном объеме – вплоть до последнего когтя, кирпичика, травинки, складочки, буквы и наконечника стрелы.

И все шло замечательно, когда вдруг совершенно случайно выяснилось, что двух одинаковых свидетельств очевидцев не было – как не бывает двух одинаковых снежинок. И все поняли, что это или магия, или чудо, и это породило четыре религиозные войны, девять университетов, пятнадцать школ предсказателей будущего и двадцать династий толкователей Вещих Картин Конвент-Холла. Один человек, предложивший соорудить длинную лестницу, избежал публичного сожжения на площади только потому, что был растоптан толпой до этого.

И вот теперь Иванушка, задрав голову и прижав к макушке берет, во все глаза пялился ввысь, вспоминая повествование Мура. Удивительно, что профессиональный солдат мог так любить свой город – в его рассказах он волшебным образом оживал, превращаясь из нагромождения серых каменных стен, каким привыкли его воспринимать люди, в увлекательнейшую книжку с яркими картинками, и царевич, мысленно составляя список, что бы он хотел увидеть в Мюхенвальде, пришел к выводу, что проще будет выписать на маленький клочок бумаги то, что он увидеть здесь не захочет.

Серого же предания старины глубокой, похоже, ничуть не задела, и он с высокомерно-скучающим видом, приличествующим своему костюму, разглядывал придворных равнодушно. Как голодный волк овечье стадо. И не один обрывок разговора не пролетал мимо его чисто вымытых ушей.

– Кристина, милая, вы не знаете – принц Сержио будет сегодня участвовать в аудиенциях вместе с его величеством?

– Боюсь, что нет, Жизель – говорят, что он еще не оправился от раны, полученной им от этих бандитов.

– Ах, он такой отважный, такой безрассудный – броситься на защиту какого-то бедного незнакомца против целой шайки грабителей!

"Еще один ненормальный, вроде нашего Ивана. Не дай Бог, встретятся – тогда хоть стой, хоть вешайся будет", – про себя хмыкнул Волк, и стал прислушиваться дальше.

– ...пятеро!

– Нет, восемь!

– Да нет же, я совершенно точно знаю, что их было четырнадцать человек!

– Ах!

– И он успел уложить семерых, перед тем, как ему нанесли этот предательский удар сзади!

– Ах!

– Нет, десятерых!

– Нет, пятнадцать!..

– Ах, принц Сержио!

– Его усы сводят Катарину с ума, ха-ха.

– Не одну меня, Гретхен, не одну меня, если ты знаешь, что я имею ввиду...

Едва заметный поворот головы...

– Риана, ты обратила внимание на платье принцессы, которая была на ней во время турнира? Клянусь, это была настоящая шатт-аль-шейхская парча! А рельеф передней полочки выходил из проймы!

– Генриетт, у меня будет такое же сегодня к вечеру.

– Как и у меня, Рианна. Не думай, что ты одна такая быстрая.

– С начала шантоньской войны это только второе изменение фасона...

– А ведь уже третий месяц идет...

– Поражение Айса в битве при Шлессе не прошло бесследно.

– Совершенно верно – эти купцы дерут теперь за парчу втридорога!

– Они говорят, что эти чертовы шантоньцы перекрыли наши торговые пути и берут теперь с них свою пошлину.

– Чем-то еще закончится сражение при Гранте...

– М-да... Если Шарлеманю придется снаряжать еще одно войско, он останется голым.

– А что, у меня на примете как раз есть пара подходящих портных!..

Еще поворот...

– ...оплатить снаряжение армии Айса.

– Не может быть!

– Да, и теперь клетка не золотая, а просто позолоченная, и вместо драгоценных камней – цветные стекла!

– Тс-с-с! Если кто-нибудь услышит!..

– Ладно, на балу вечером поговорим...

Небрежно поправим перо на берете и повернемся еще в пол-оборота...

– ...должно было состояться дней пять назад. Со дня на день должен прибыть гонец – надеюсь, с вестью о победе.

– А Айс как раз вчера вечером отправился к своей армии. В карете. Говорят, верхом ему не позволила ехать рана, полученная на турнире... – фраза завершилась взрывом хохота.

Серый не сдержал ухмылки и поспешно отвернулся. Он почти не сомневался, что парадругая зорких глаз следит за ними из укромного местечка, и вовсе не хотел, чтобы вдумчивый наблюдатель пришел вдруг к каким-нибудь неожиданным выводам.

Но порассматривать витражи ему не удалось.

– Великий король Шарлемань Семнадцатый примет принца Лукоморского Ивана и князя Ярославского Сергия! – прокатилось под сводами Конвент-Холла.

– Когда пойдем – молчи. Говорить буду я. У тебя нет дипломатического таланта, – шепнул Иванушка последнее напутствие другу, и шагнул вперед.

– О, это и есть принц Иван Лукоморский? – поднялся с трона король, не успели они переступить порог тронного зала. – Как же, как же! Знакомы с твоим батюшкой! Воевали лет пятнадцать тому назад! Ха-ха-ха! Славная была кампания! Если бы не зима – ни за что бы не помирились! Да хватит вам кланяться – свои же люди, можно сказать, почти родня. Ха-ха!

Повинуясь монаршему слову, Волк поднял глаза и впервые получил возможность разглядеть Шарлеманя. Услышать он его уже наслушался.

Король был довольно высокого роста, дородный, с маленькой круглой краснолицей головой на широких плечах. За выдающимся носом прятались крошечные подвижные глазки неопределенного цвета и выражения. Массивная золотая корона была надвинута на низкий лоб подобно берету придворного щеголя, а невероятное количество золотых цепей, подвесок и кулонов всех размеров, форм и цветов на алой атласной груди и зеленых шелковых рукавах скептически настроенного наблюдателя заставило бы сомневаться в их подлинности.

– Да вы, молодые люди, проходите, садитесь, – сделал шаг монарх им навстречу. – Раньше сядешь – раньше выйдешь, – и раскаты громоподобного смеха сотрясли пыль на портьерах и знаменах.

– Разрешите с вами не согласиться, ваше величество – мы не достойны сидеть в присутствии такого великого правителя, – поклонился царевич – дипломат с дипломом.

– Ну, что ж ты – в чужой монастырь со своим самоваром! Как говорится – не плюй в колодец – вылетит, не поймаешь! Что у трезвого на уме, то не вырубишь топором! Ха-ха! Лукоморская народная мудрость! – и Шарлемань метнул цепкий взгляд из-под кустистых бровей, чтобы проверить, какое впечатление на иностранных гостей произвела его эрудиция. Впечатление было нормальное – в открытый рот Ивана воробей залететь-то уж мог бы точно. В широко распахнутых глазах князя отразилось и застыло страдальческое удивление. Увиденное короля, судя по всему, удовлетворило, и он продолжил:

– Как видите, не только вы хорошо говорите по-вондерландски. Я тоже большой любитель лукоморской культуры! Я даже прочел книгу вашего известного писателя, правда, я уже не помню, как его звали, и какую. Но это замечательная книга! Все говорят. А в молодости я изучал вашу великую страну. Ваши пословицы и поговорки – это кладезь мудрости! Я заучивал их наизусть ночами! Мои предки всегда говорили – язык врага надо знать! Ха-ха! Волков бояться – ни одного не поймаешь! Лукоморская народная мудрость!

Тут к Иванушке вернулся утраченный было дар речи.

– Извините, ваше величество, но эта пословица...ооууй! – несколько преждевременно и неожиданно закончил царевич фразу. И зачем-то запрыгал на одной ноге.

– Что-что? – недопонял король.

– Его высочество хотели сказать, что эта пословица заставила вспомнить его о цели нашего визита.

– А что же он сам это не сказал? – в искреннем непонимании наморщил Шарлемань узкий лоб.

– О, ваше величество, вы знаете, царевич Иван такой стеснительный, он так легко смущается, теряет нить разговора, так сказать, и даже нервный тик с ним от волнения приключается. Эпилепсия. Особенно в присутствии такого харизматичного финтралопа, немцената и орнитолога, как ваше непревзойденное величество. И он перед тем, как войти сюда, попросил меня об одном одолжении – чтоб я сам, как его доверенное лицо, корпус реликта, так сказать, донес до вашего величества нашу нижайшую просьбу. Как говорится, одна голова хорошо, да

жестко спать. Лукоморская народная мудрость, – И Серый расшаркался и сделал паузу, чтобы убедиться, что до Шарлеманя все дошло, впиталось и осело.

Казалось, было слышно, как скрипят королевские мозги. Орнитолог и финтралоп явно запали правителю в душу.

С Иваном, похоже, тоже случился один из приступов, про которые князь так предусмотрительно упомянул.

Прошла минута.

– Да-да, конечно, – наконец обрадовано закивал король. – В тихом омуте не без уroda.

Сергий Ярославский Волк ободряюще улыбнулся.

– Так вот, видите ли, дело в том, что скоро у царицы-матушки, да преумножатся ее годы, случится день рождения, юбилейная дата, так сказать, восемнадцать – баба ягодка опять. Ха-ха.

– Ха-ха, – заговорщицки подмигнул вондерландец.

– И ваш покорный слуга, юный царевич Иван, будучи примерным сыном и благородным витязем, решил подарить матушке в этот знаменательный день нечто такое, что запомнилось бы не только ей на всю жизнь, но и о чем говорили бы десять поколений после него, что-то обычное для зарубежных стран, но диковинное для Лукоморья.

– Та-ак? – заинтересовано склонил голову Шарлемань.

– И его выбор пал на позолоченного павлина, что, как говорят, живет в чудесном саду Мюхенвальда, – и видя, как начинает багроветь лицо короля, и как в легкие уже набирается воздух для решительного отказа, Волк быстро договорил:

– ...И предлагает вашему величеству за него полмешка золота.

Король на секунду замер – сработал арифмометр в его лысеющей голове. Дебет-кредит, победа-поражение, войско-свадьба... двор-развлечения... турниры-фасоны... Щелк-щелк, щелк-щелк, щелк-щелк... Щелк.

Решение созрело.

– Нет, на это я согласиться не могу, – как и ожидал Серый, Шарлемань замотал головой, но далеко не так решительно, как собирался в начале – в ней уже накрепко засело видение большой кучи такого необходимого ему сейчас металла пятьсот восемьдесят пятой пробы.

Иван тоже почувствовал это, и решил внести свою лепту в разговор.

– Князь хотел сказать – ч...ауууй!

– Что? – не расслышал Шарлемань.

– Его высочество великодушно соглашаются на мешок, – разъяснил князь.

– А почему он опять прыгает на одной ноге?

– Это он от смущения, – расплылся в умильной улыбке поверенный царевича.

– Какая прелесть! – заулыбался король. – Семь мешков.

– Чрезвычайно милый мальчик, – согласился с ним князь. – Полтора.

– Зол... Жар-птица – это символ нации. Шесть с половиной.

– Символ нации – это ее монарх, – глубокий поклон. – Два.

– Другой такой вы не найдете нигде. Шесть.

– А если найдем? Два с половиной.

– Пожалуйста, ищите. Это ведь не я к вам пришел, требуя продать семейную реликвию. Пять с половиной.

– Продать – не подарить. Три.

– Если бы вы знали, как она смотрится вечером в верхнем саду! Пять.

– Может, еще узнаем. Три с половиной.

– Нет, я просто обязан рассказать, как она нам досталась! Сколько благородных рыцарей сложило свои удалые головы! Четыре с половиной!

– Это ваши проблемы, как она вам досталась. Мы предчувствуем, как она достанется нам. Четыре.

– ...

– И это наше последнее слово. Смотрите, ваше величество, мы ведь можем и в другом месте поискать. А ведь что с возу упало – на то напоролись! Лукоморская народная мудрость. Король согласно кивнул.

– По рукам, золотые вы мои мальчики!

– Но ваше величество!..

И только тут в первый раз наши герои заметили, что они с Шарлеманем в зале аудиенций были не одни. За тронем, сливаясь с бордовыми портьерами, все это время стоял невысокий бледный человечек в бордовом балахоне и круглой серой шапочке. И теперь он выступил из тени и яростно зашептал в монаршьё ухо что-то неприятное, судя по тому, как опять налилась кровью физиономия Шарлеманя и насупились мохнатые брови.

– Кто это? – украдкой спросил Серый.

– Я думаю, Кардинал Маджента – ну, помнишь, когда границу переезжали, мы их историю вспоминали? Интересно, что он может ему говорить? Не нравится мне все это...

– И мне тоже. Слишком легко все прошло. А говорит он ему, чтобы тот не давал окончательного ответа, пока не получит известий об исходе сражения.

– Ну и слух у тебя...

– И слух тоже.

– Серый, ты молодец, только можно я выскажу пожелание, пока не забыл? Хотя, такое не забывается.

– Валяй, – милостиво согласился князь.

– В следующий раз, когда будешь говорить про... ну, про немцената и харизматичного финтралопа... ты меня заранее предупреждай, пожалуйста, ладно? А то ведь тут действительно заикой остаться можно...

– Я должен больше читать?

– Или наоборот, меньше. Третьего лучше не надо.

* * *

Припекало июньское солнышко. Теплую кожистую листву дуба нехотя шевелил слабый ветерок. Внизу, под холмом, на сколько хватало глаз, во все стороны простиралась поля – зеленая равнина. И петляла-вилась дорога.

На дубу сидел Серый и от скуки свистел. Иногда он слезал и останавливал проезжих и прохожих, чтобы узнать у них новости с линии фронта. А заодно помочь им расстаться с продуктами, если таковые случайно оказывались при них.

Скучно же ему было потому, что сидел он тут уже третий день, а прохожих и даже проезжих, по сравнению с первым днем, почему-то стало гораздо меньше. Может, сказывалась всеобщая международная напряженность. А, может, добрая (или недобрая) слава Волка слишком быстро разбежалась по окрестностям.

Как он и ожидал, проклятый кардинал уговорил короля подождать, пока не будут получены известия об исходе сражения с шантоньями – ведь в случае победы необходимость срочно собирать новое войско отпадала, и Вондерланду можно было не продавать жар-птицу. Конечно, если бы Иван не был таким щепетильным и омерзительно честным, можно было бы уже давно как-нибудь ночью пробраться во дворец и свистнуть это чудо природы. Конечно,

выбраться потом с ней из города было бы сложно, но не невозможно, и дней через двадцать героический царевич взирал бы свысока на своих менее удачливых братьевъев, но...

На горизонте наконец-то показалось пыльное облако. А не слишком ли оно быстро движется для какой-нибудь груженной телеги? А не тот ли это, кого мы ждем? А не надо ли нам начать собираться?

Волк быстро натянул длинную кольчугу, черные сапоги с заклепками, нахлобучил блестящий в некоторых местах шлем, перекинул через плечо перевязь с коротким мечом – и стал неотличим от первого встречного городского стражника. Оставшаяся после похода к королю половина дня была не напрасно потрачена на раскопки в лавках старьевщиков по всему городу.

Разбойник оглядел себя с ног до головы в маленькое круглое зеркальце и самодовольно ухмыльнулся. Хорош. Теперь – вперед.

– Именем короля я приказываю тебе остановиться!

Серый постарался, чтобы его было видно и слышно издалека. Он не хотел несчастных случаев в самый неподходящий момент. Гонец – если это был он – должен был еще сказать, чья армия заняла первое место.

Всадник поднял коня на дыбы, яростно выругался, но остановился.

– Ты – из армии Айса? – кинулся к нему Волк.

– Нет, из бардака на Красной!

– Кто победил?

– Мы, черт тебя раздери! Неужели эти жабы дети шантоныцы! – и он гордо двинул могучим кулаком себя в грудь. Зазвенели медали.

Разбойник мысленно вздохнул. Самые худшие его опасения оправдывались. И храброго вояку было жалко. Почему-то и вдруг. Видать, общение с гуманитарием Иваном (или гуманистом? или гуманоидом? каких ведь только словей не нахвататься от интеллигенции, вот уж действительно – с кем поведешься...) влияло на него не лучшим образом... Но времени на удивление не было. Он привык действовать, как Бог на душу положит, и идти поперек этого правила не собирался и сейчас.

– Как тебя зовут? – с подозрительным прищуром он сделал вид, что внимательно вглядывается в лицо гонца.

– Капрал Шрам!

– А не был ли ты в известном заведении на Красной перед выходом полка в поход? – пустил пробный шар Серый.

– В "Черной Лилии"? Был, приходил к Кокетте, как всегда – непонимающе сдвинул брови капрал. – Слушай, а какое твое собачье дело?

– Ага! Я так и знал! Десять золотых крон – мои! Хо-хо!

– Что за чушь ты несешь, крыса тыловая?

Капрал не понял, каким образом он вдруг очутился на земле, и откуда на груди у него, с обнаженным клинком у глотки, оказался нахальный молокосос-стражник.

Из какой-то подслушанной где-то и когда-то ученой беседы Серый почерпнул, что если человеку нажать на горле острым лезвием все равно чего в определенной зоне, то он резко теряет всякую сообразительность и способность к логическому мышлению. Сумели ли в конце концов умные люди дать на это хоть сколько-нибудь удовлетворительное объяснение, он не помнил, но от данного феномена зависела сейчас жизнь злополучного Шрама.

– За твою голову майор Мур объявил награду в десять золотых! Это ты убил Кокетту из "Черной Лилии"! – выкрикнул Серый и чуть-чуть надавил.

– Я никогда никого не убивал! – совершенно искренне прохрипел вояка.

"Ага, правильная зона!" – тихо порадовался Волк.

– Тебя там видели!

– Я не виноват!

- Все улики против!
- Клянусь тебе, я не убивал!
- Я тебе не верю.
- Чем угодно поклянусь – меня даже рядом там не было!
- Майор Мур обещал...
- Я сам дам тебе десять золотых! Отпусти меня!
- Есть свидетели.
- Двенадцать! Это все, что у меня с собой есть!
- Хм, а может, ты и не врешь... Но если ты вернешься в город, тебя задержит первый же...
- Я не вернусь в город!
- Ну, хорошо. Снимай доспехи, давай деньги и дуй отсюда. Пока я добрый.

Задумчиво поглядев вслед удирающему со всех ног капралу, Серый уронил кирасу, поножи и наручи на дорогу, пару минут попрыгал на них, попытался разрубить шлем мечом – не получилось. Все равно довольный результатом, он быстро облачился во все это, порезал в нескольких местах рубаху и штаны, бросил в лицо несколько горстей пыли. Под дубом, в сумке, у него оставалось еще немного томатного соуса – в ход пошел и он. Закончив переодевание и макияж, Волк снова заглянул в зеркальце.

Из маленького кружка посеребренного с одной стороны стекла на него глянуло изможденное, покрытое коркой грязи, пыли и засохшей крови, лицо воина, узнавшего недавно и не понаслышке, что такое поражение, унижение и смерть.

– Гут, – удовлетворенно кивнул он сам себе, соорудил скорбно-мужественную рожу зеркала и подозвал коня.

Его харизматичное величество Шарлемань Семнадцатый прогуливались по саду, любуясь жар-птицей в лучах заходящего солнца, когда из-под куста папайи, раздавив ананас, несмело выступил капитан городского гарнизона. Его испуганный бледный вид говорил яснее всяких слов о том, что случилось то, для доклада которого королю предполагаемые вестники тянут спички, и что этот гонец вытянул короткую.

Все благодушие, если оно когда-либо и посещало Шарлеманя, улетучилось с пшиком, как Снегурочка над костром.

– Ну, что опять случилось? – задал он ненужный вопрос.

– Прибыл солдат из войска Айса, ваше величество, – выдавил из сухого шершавого горла капитан.

– Ну, и? – цвет лица короля медленно побагровел.

– Они сражались, как ль...

Тяжелый, как плита фамильного склепа, взгляд монарха парализовал речевые навыки офицера.

– Ну, и? – недобро повторил король.

– Полный разгром, – пискнул посланник и зажмурился, моля всемогущего Памфамира-Памфалона только об одной милости – провалиться сквозь землю прежде, чем разразится над его головой (и головами еще многих и многих, в то время как тела их будут находиться неподалеку) монархическая гроза.

– Гонца повесили? – прогремел первый раскат. Закат окрасился кровью.

– Так точно, ваше величество, – соврал офицер своему королю. Конечно, врать нехорошо, это внушали ему с детства, но ложь во спасение – это как бы и не ложь, а суровая необходимость, и к тому же они ведь действительно хотели повесить этого злосчастного солдата, но он куда-то необъяснимым образом подевался в самый ответственный момент, а занять его место раньше времени капитану вовсе не желалось, и поэтому как-то само собой добавилось:

– С особой жестокостью. Отрубив предварительно голову.

– Хорошо. А вы что здесь делаете, рядовой? Позовите сюда кардинала Мадженту, быстро! По дороге к дворцовому палачу.

Набирающее силу утреннее солнышко пронзило своими лучами старые ставни, легкий сквознячок доносил до гостевых комнат неповторимый букет из красильни, а чисто вымытый, разомлевший со сна князь Ярославский лениво внимал из-под одеяла отчету Иванушки о том, как он провел три дня в его отсутствие.

– ...ей-Богу, Сергей, вместо своей прогулки верхом тебе надо было остаться с нами и посмотреть город. Ты столько потерял! Даже я, уж на что много чего читал о Мюхенвальде... Да и вечерами тут ого-го чего бывало – Гарри швырялся деньгами направо и налево! Я предлагал заплатить – но он ни в какую! Говорит, что мы спасли ему жизнь, что мы – его гости... Даже неудобно... Надо будет его как-нибудь отблагодарить... А еще он вчера сводил меня в музей одной картины. Ты представляешь, огромный зал, а на стене висит загрунтованный холст в золоченой раме. Я сначала ничего не понял, а это оказалось самое знаменитое произведение Теодоруса – "Белый Квадрат"! Чуть не выставил себя посмешищем перед всей публикой – а ты же знаешь, что когда на тебе еще и эти вондерландские костюмы, то кажется, что все смотрят только на тебя... Ну, вот – этот шедевр – абсолютно белый квадрат на абсолютно белом фоне, и непросвещенному дилетанту кажется, что на полотне вообще ничего нет, но истинные ценители говорят, что если вы смотрите на картину Теодоруса и видите только белое полотно – вы смотрите не на картину Теодоруса. Во всем мире существуют только две авторские копии...

– А ты видел?

– Что?

– Ну, квадрат-то сам, что же еще.

– Да, естественно, хотя с первого раза редко кому это удается. Когда на нее смотришь под определенным, постепенно меняющимся углом, при определенном освещении, закрыв один глаз и прищурив другой, и быстро приближаясь-отдаляясь...

– ...ты налетаешь на эту картину с размаху...

– ...и тогда тебе начина... А ты откуда знаешь?! – ухватился за лоб Иван.

– Я что-то угадал?

– Д-да нет... – смущенно пожал плечами царевич. – Гм. Так о чем это я?

– Об угле.

– А, ну да. Так вот. Вондерланд – страна, углем небогатая, и поэтому все запасы этого топлива ей приходится закупать в Лотрании. Но, благо, зимы здесь короткие и не слишком холодные...

За окном из общего шума большого города – грохота копыт и колес по булыжной мостовой, криков возниц, мерного топота городской стражи, зазывного речитатива бродячих торговцев, певцов и проповедников – выделился один – подъехавшей и остановившейся большой повозки, запряженной как минимум парой лошадей. Открылась дверца, откинулась лестница, вышел человек – один – и зашел в контору красильни.

– ...башня была построена самим Джеронимо Куллиганом, она необычна даже для архитектуры нашего времени, а уж тогда и впрямь была чудом – злые языки говорят, что во время ее открытия, когда покрывало было сдернуто, вся она обрушилась, а остались лишь не убранные еще строительные леса, но архитектор сумел убедить тогдашнего Шарлеманя, что это леса были из камня, а сама башня так и была задумана – из металлических конструкций, и король подумал, и решил, что каменных башен в любом городе мира в изобилии, а...

Краеведческо-следопытческий доклад Иванушки был прерван нетерпеливым стуком в дверь, перемежающимся прерывистым дыханием.

– Войдите! – сразу же отозвался Волк.

– Это я, – влетел в апартаменты Санчес. – Там из дворца приехал барон фон Свиттер и хочет вас срочно видеть! По делу государственной важности! Срочно!

– Царевич, сходи, спустись к нему – я сейчас оденусь и тоже приду. Чтобы не заставлять его баронскую светлость ждать. Ладно?

Глаза Иванушки загорелись сумасшедшей надеждой.

– А если он получил известия от армии? Я имею ввиду – если армия разгромлена... То есть, я совсем не хочу сказать, что я рад этому, напротив, но, с другой стороны, и шантонец мне ничего не сделали плохого, то есть, я и им поражения не желаю, просто...

– Просто спустись к этому Фуфайкину и заговори ему зубы, пока я не приду, а?

– Иду! – и Иван, чуть не сбив хозяина с ног, бросился бежать. Едва отдышавшийся Санчес последовал за ним.

Через пять минут князь Ярославский при полном параде вальяжно вплыл в контору Санчеса, где он в лучшие для красильни времена принимал клиентов, и куда, за неимением более пригодного для обозрения посторонним человеком помещения, был препровожден барон фон Свиттер.

Отвесив куртуазный поклон – и где только успел научиться, пройдоха! – он поприветствовал вельможу.

– О, доброе утро, сэръ Вульф, – с широкой улыбкой и крепким рукопожатием высокий сухопарый старичок-барон подошел к Волку. – Рад познакомиться с другом такого выдающегося человека, как принц Джон Лукомольский!

– Лукоморский, вы хотели сказать, – покраснев, вежливо поправил его принц Джон.

– Да-да, Лукомольский, я это и имел ввиду, – ослепительно улыбнулся им фон Свиттер из-под седых усов.

– Лукоморский будет правильнее, – предпринял вторую попытку Иван.

– Ах, да, извините, Мукомольский, прошу меня простить, эти иностранные слова так трудно всегда запоминаются...

– Не Мукомольский, а Лукоморский!

– Я и говорю – Мухоморский.

– Не...

– Не суть важно. – поклонился друг принца Мухоморского Иванушке с ухмылкой от уха до уха. – Ну, вот мы все и в сборе, и теперь можем выслушать посланца его величества, – отвесил еще один поклон сэръ Вульф. Было похоже, что эта вондерландская гимнастика его просто забавляла.

– Да, конечно же, – изящно вернул поклон старик.

Иван нехотя и неуклюже сделал то же самое. Он кланяться не любил. И не в последнюю очередь потому, что считал это дело не достойным истинного мух... то есть, лукоморского витязя.

– Речь пойдет, как, наверное, уже догадалось его высочество принц Мухоловский, о продаже Жар-Птицы...

Пока друзья поднимались к своим комнатам, Иванушка болтал без умолку, не закрывая ни на мгновение рта – если королевич Елисей услышал бы его хоть краем уха, он бы пришел в отчаяние.

– Просто удивительно, Сергей, как быстро и просто все кончилось. Нет, не так уж быстро, вернее, да и приключений у нас... у меня, вернее, тебе-то это, наверное, так, пустяки, повседневная рутина, а мне хватало, еще долго будет что вспомнить, и, может быть, даже найдутся такие, о которых и перед братьями похвастаться не стыдно будет, только на ум сейчас что-то ничего не приходит, но ничего, должно же хоть что-нибудь быть, как говорится, переход количества в качество, нет, просто я имею ввиду, вот как забавно – во всех книгах успеха добивается именно третий и младший сын царя, и я еще об этом подумал, когда только отправился в путь, нет, конечно, я хочу сказать, что, если бы, к примеру, у старшего или среднего сына царя был такой попутчик, как ты, то у хоть какого распоследнего и премладшего не было бы

ни единого шанса – как классно, Волк, что я тебя встретил!!! Вот подожди – только приедем домой – ведь ты поедешь ко мне в гости – а если захочешь – ты и жить у нас остаться сможешь, правда-правда... Только, Сергей, знаешь что? Одно меня смущает – ни в одной книге, которую я прочитал, или о которой хотя бы слышал, ты знаешь, "достать" и "купить" ни разу не были эквивалентны, то есть, "достать" – это означало все, что угодно – украсть, выиграть в азартные игры, выманить, выменять, отобрать... Только не "честно купить за свои деньги". Нет, я, безусловно, помню, что ты предлагал, и, как вот сейчас думаю, я все равно никогда бы не смог пойти ни на что такое даже ради Жар-Птицы... Наверное, из меня, в конце концов, витязь никудышный...

Серый, ковырнув зубочисткой в санчесовском универсальном замке, открыл их дверь и нырнул под свою кровать за мешками. Два – под его, два – под Ивановой.

– ...То есть, я хочу сказать, что все кончилось хорошо, и я рад этому, честное слово, но как-то не очень героично. Ну, наверное, каков витязь, таковы и приключения – уж с королевичем Елисеем случилось бы такое, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Ты же знаешь, какой он...

– Урод!!!

– Что?!?!?!

– Я убью его!!!

– Елисея?! Но он же...

– Какого, к лешему драному, Елисея, черти его гоняй по сковородке!!! Гарри!!! Где этот змеиный ублюдок?! Я ему!.. Я его!.. А потом!.. – Волк выхватил из ножен меч.

– Что? Что случилось, Серый?! – наконец, вышел из розового блаженства и обеспокоился Иван.

– Деньги! – с плеча рубанул он постель.

– Что – деньги? Какие?

– Твои деньги, турист несчастный! Твои! Птичьи! Деньги! Которые! Он! Спер! У тебя! Из-под носа! На баб! И вино! И теперь ты честно сможешь украсть, выиграть в азартные игры, выманить, выменять или отобрать свою золотую ворону – потому что у тебя осталось только три мешка!

– Пустых?

– Полных. Но три. И где ты возьмешь здесь еще один – я не знаю. Я знаю, где бы взял я, но так ты же честенький! А-а-а-а, скотина!!! – и Волк, зарывав, пулей вылетел из комнаты.

После него в пыльном воздухе остались плавать пух, перья, клочки ваты и ниток. И почему-то царевичем овладела уверенность, что через пять, самое позднее, через семь минут, одним мини-сингером в мире станет меньше.

– Нет! Серый! Не надо! Не трогай его! Это же ГАРРИ!!! – Иван выскочил в коридор, пинком прикрыл дверь (зачем?) и попытался по звуку понять, куда побежал Волк.

Очень скоро снизу, со стороны красилен, до второго этажа долетели душераздирающие вопли отчаяния, смешивавшиеся с проклятиями и грохотом разрушаемой мебели и роняемых инструментов.

"Кричит," – облегченно вздохнул царевич и взял низкий старт. – "Значит, жив."

На чей счет это "жив" относилось, думаю, сомнений не возникало.

Когда царевич появился на пороге мастерской, глазам его предстала безрадостная картина разрухи и опустошения. Краска, высыпавшаяся из прорезанных мешков, ровным разноцветным ковром устилала пол. На полках не осталось ни одной целой реторты, бутылки или пробирки по той простой причине, что целых полок не осталось тоже. В дальнем темном углу испуганной кучкой жались мастеровые. Отрезанные от спасительного угла делали успешные попытки выскочить через разбитое окно. Судя по всему, страшное самосудилице приближалось к развязке. Мини-сингер был загнан на кучу тюков неокрашенной ткани в ближнем углу

и прижат к стене. Тюки, и так сваленные как попало, под весом ваганта норовили вообще раскатиться, и тот балансировал на них как акробат, стараясь удержаться наверху. В значительной степени этой задаче мешала лютня, надетая на шею подобно щегольскому воротнику "от кутюр". На ушах подрагивали струны.

– Иди сюда, гад, я тебе нос отрежу, – уворачиваясь от катившейся ему под ноги ткани, уговаривал мини-сингера спуститься Волк.

– Уберите от меня этого психа! – выделявал вслепую кренделя ногами кургузный певец, стараясь сохранить равновесие.

– Сергей, прошу тебя, не трогай его! – Иван кинулся к другу.

Гарри увидел, что идет его спасение.

– Принц Джон, пожалуйста! Я раскаиваюсь! Моя душа рыдает и терзается! – простер он руки к мягкосердечному Иванушке. – Я не хотел!

Серый, видя, что его законная добыча вот-вот от него ускользнет, решил форсировать события, и кинулся на штурм высоты.

Нечистый на руку менестрель, напуганный (если можно было напутать его еще больше) таким ходом событий, шарахнулся к стене, покачнулся, из-под ног его, подобно горной лавине, заскользили тюки, и он беспомощно и неумолимо покатился вместе с ними вниз.

Тюки наткнулись на край ближайшего чана и неохотно остановились.

Гарри остановился бы очень охотно.

Раздался короткий вскрик, в воздухе мелькнули ноги в дырявых носках сомнительного цвета, и темные воды (или химикалии?) чана с плотоядным плеском сомкнулись над многострадальной головой лукавого трубадура.

Как говорил в таком случае автор "Приключений лукоморских витязей", если в начале повести на заднем плане есть чан с краской, то в конце он должен обязательно булькнуть.

Потрясенный происшедшим, Иван долго бы стоял и смотрел на место последнего упокоения гениального поэта, если бы с другого конца мастерской опять не донеслись недобрые крики.

Царевич зыркнул вокруг.

– Это не я, – пожал плечами князь Ярославский.

– Это голос Санчеса! С ним что-то неладно! – и, не дожидаясь реакции Серого, Иванушка бросился бежать по направлению к шуму. Разбойник последовал за ним.

– Верни мне мои деньги! – потрясая маленького красильщика за грудки, орал разряженный толстомордый усатый бургер (или, все таки, бюргер?), по одежде и манерам похожий на купца или лавочника, не в обиду никому из представителей этих достойнейших профессий будет сказано. – Я знать не хочу, что у тебя их нет! Я подам на тебя в суд самому королю! Халтурщик! Бездельник! Шарлатан!

Серый, молча наблюдавший эту сцену неподалеку, криво ухмыльнулся Ивану.

– Тебе это ничего не напоминает?

Иван нахмурился и шагнул вперед.

– Извините, уважаемый господин. Я – Лукоморский царевич Иван, и являюсь на данный момент гостем этого благородного мастерского. Могу ли я узнать, чем вызван ваш гнев, ибо наблюдаемая картина заставляет меня тревожиться за здоровье и самочувствие нашего доброго хозяина.

Человек, застигнутый врасплох, выпустил из рук Санчеса и удивленно повернулся к Иванушке.

– Весьма удивлен, ваше высочество, что при вашем титуле и положении вы не нашли в нашем городе более достойного места для проживания. Меня зовут Александер Иогансен, и я имею несчастье быть клиентом этого жалкого тряпкомарателя. Я имею ввиду, что на протяжении долгих лет работал с его почтенным отцом, да будет земля ему пухом, и всегда наша

компания была удовлетворена качеством работы "Веселой Радуги", но это ничтожество... – и он снова от души потрянул белобрысого парнишку так, что у того зубы застучали. – Это ничтожество уже который раз подряд умудряется испортить целые партии дорогой ткани, и если раньше я пытался усюветить его по-хорошему, то сейчас мое терпение лопнуло и, слава Памфамир-Памфалону, срок нашего контракта истекает через две недели – иначе я или разорился бы, или убил бы это чудовище.

– А в чем его вина? – полюбопытствовал Серый. Легкомысленный красильщик всегда нравился ему, и несмотря на то, что он был другом и собутыльником усопшего менестреля, он бы не желал Санчесу никаких неприятностей.

– Мои покупатели – портные – угрожают мне судом и разрывом контрактов! – отчаянно возопил Иоганнес. – Мало того, что из-за этой дурацкой войны фасоны и так меняются чуть ли не раз в месяц – они еще и получают претензии от своих клиентов, что вещи, сшитые из тканей, окрашенных этим дармоедом, то быстро рвутся, то пачкают владельцев краской, то линяют уже после второй стирки и их приходится отдавать прислуге! – обреченно взмахнул руками несчастный купец, позабыв при этом выпустить из огромного мохнатого кулака Санчеса. – Они требуют от меня возмещения убытков, а я всего лишь хочу получить свои деньги за последнюю партию с этого позорища славного ремесла красильщиков!

– Хм, видите ли, многоуважаемый господин Иоганнес, – зацепившись большими пальцами за проймы жилета, мягко проговорил Сергей. – Ваше сообщение о том, что вещи линяют после второй стирки меня чрезвычайно обрадовало.

Изумление, отразившееся на лице купца, по экспрессии могло соперничать только с выражением физиономии Санчеса.

– Дело в том, что я являюсь представителем Ярославского товарищества, и привез в этот раз господину Санчесу новую партию особых химикатов. Он поведал нам о существующей проблеме сбыта, и мы, получив от его мастерской хорошую предоплату, разработали этой проблеме решение.

Кулак Иоганнеса разжался, и господин Санчес в изнеможении брякнулся на пол.

– Какое решение? – недоверчиво склонил голову купец.

– Простое, как все гениальное. Поскольку вещи после второй стирки становятся непригодными для носки, их владельцам ничего не остается, как идти к портному и заказывать новые. А те их к этому времени будут ждать с новыми фасонами, и таким образом, если все красильни города будут использовать нашу находку...

На купца снизошло озарение.

– Батюшки! Так ведь это же – золотое дно!!! – выпучив глаза, выдохнул он.

На разбойника снизошло озарение тоже.

– Вот именно, золотое, и, поскольку наш опыт прошел успешно и послужит решением такой крупной проблемы, я предлагаю возместить нашему хозяину часть стоимости технологии в золото-валютном эквиваленте.

Иоганнес безоговорочно отвязал от пояса кошелек и вложил его в несопротивляющуюся руку ошарашенного красильщика, откуда его очень быстро извлекла и спрятала подальше другая ловкая рука, пальцы которой мимоходом успели сложиться в выразительную фигуру.

С поклонами и заверениями в вечной дружбе и сотрудничестве купца выпроводили.

– Сергей! Как ты сейчас говорил!!! – только и сумел вымолвить Иванушка, все переговоры простоявший с неприлично открытым ртом. – Когда ты успел научиться так?!..

Серый в кои-то веки выглядел растерянным.

– Ты знаешь, царевич, это очень долго надо объяснять, но, короче говоря, как сказала Ярославна, это – что-то вроде магии, хоть и не магия в чистом виде. Когда я говорю – именно говорю – с каким-нибудь человеком, я могу улавливать... как бы это сказать... – он замялся, – ну, вроде очертаний его мыслей, или отпечаток разума... Я его чувствую, я на него настраиваю...

юсь, или подстраиваюсь под него... Короче, это все довольно сложно растолковать... Тем более, что я и сам не совсем понимаю, что это и как происходит... Или, точнее, совсем не понимаю.

– Н-ну, я вижу... В общем...

– Короче, если захочу, я могу говорить с любым человеком на одном с ним языке. В переносном смысле, конечно. Как только разговор прерван – если я не знал таких слов до этого – я могу вспомнить лишь общую мысль беседы. И все. Такой вот чудной дар... – смущенно улыбнулся Волк. – Теперь ты знаешь мой маленький секрет... Вот.

– А...

– Нет, мысли я читать не умею.

– Ну, Сергей... – обалдело покачал головой царевич. – С тобой век живи – век учись... Дураком и помрешь.

* * *

Вернувшись из дворца, они снова оставили лошадей на соседнем постоялом дворе и пошли по городу, куда глаза глядят. Говорить ни тому, ни другому не хотелось. Шарлемань со скрипом согласился дать отсрочку максимум на неделю, и откуда через неделю они возьмут еще мешок золота, его не волновало. «Красная девица сидит в темнице, сама не ест, и другим не дает,» – сказал он им на прощание загадочную фразу, и обедать не пригласил. «Без труда ворон ворону глаз не выклюет,» – сообщил ему в ответ Иванушка, вдруг проникнувшись духом беседы, и они откланялись.

И сейчас они мерно шагали по булыжной мостовой Мюхенвальда, и подкованные каблукки обреченно выбивали один из шедевров покойного Гарри:

Мой взгляд

– цок, цок, цок, цок.

Скользит вперед и назад

– цок, цок, цок, цок.

Передо мной Мюхенвальд, и я ша-га-ю-у

Вдоль по Главному проспекту

Как по паркету.

Я и-ду-у, а денег нету,

Ну нету, и не надо, и я следуя взгляду

Иду

– цок, цок, цок, цок...

Таким печальным Серый не видел царевича со дня их знакомства. Чудеса и красоты незнакомого города не трогали его боле – мимо проплывали широкие площади с вычурными фонтанами, высоченные дома с лепными фронтонами, колоннами и башенками, золоченые кареты, празднующая толпа в нарядах, по сравнению с которыми меркли тесты Роршаха, а он шел, низко опустив голову на кружевную лимонную грудь своего камзола, ссутулившись и глубоко засунув руки в карманы фиолетово-розовых штанов неопишуемого фасона.

Дома, в Лукоморье, человек в таких штанах собирал бы на ярмарках полные балаганы. Здесь они притягивали восхищенные взоры половины прохожих. Вторая половина завидовала, не подавая вида – это было видно по их лицам. У самого Волка были такие же, только малиновые, в мелкую зеленую клеточку, и выбросить их ему не позволяла только сумма, уплаченная за них хозяину лавки мод. Но все равно – даже если продать их, и полностью их придвор-

ные костюмы, и даже лошадей – мешок не наберется. Далеко. Конечно, всегда можно попозже вечером завернуть в пару приличных домов, и вежливо попросить хозяев одолжить им с полмешка денег, а если их дома не окажется, так им же проще, но Иван... Да в конце концов, что она, ему нужна, что ли, эта ворона крашеная, пусть у царевича про то голова болит, если он такой... приц... принпи... прицни... приципни... правильный. Он, Серый, и так уже сделал немало, и если бы не ротозейство друга, они бы уже были на пути к дому... Как говорится, в гостях хорошо, даже если у них тут жар-птицы всякие, дома в три этажа, телеги с крышами и... "И бананы в шоколаде," – вдруг ненавязчиво вклинился во внутренний монолог желудок, намекая, что, как сказал бы Шарлемань, голод не тетка, не вырубишь топором, и вообще мы со вчерашнего дня еще не жрамши...

Это свое соображение князь Ярославский высказал вслух.

– И правда, – рассеяно отозвался Иванушка и снова умолк.

– Естественно, правда, – буркнул Серый, окидывая голодным взглядом улицу. – Вон там, впереди, какая-то забегаловка. Пойдем, отравимся.

– Пойдем, – откуда-то из прострации донесся голос царевича. – Только я ничего не хочу, а ты поешь...

– Посмотрим, – пообещал Волк и, подцепив Иванушку под несопротивляющуюся руку, зарулил в двери трактира. Заходя, он машинально поднял голову и прочитал название. "Березка" – гласила обшарпанная деревянная вывеска над входом.

"Гы-гы," – подумал отрок.

Внутреннее содержание полностью соответствовало названию. На стенах висели бала-лайки, лапти, мягковские подносы и оренбрукские платки. Полки бара украшали разнокалиберные бутылки с любовно выведенной корявой надписью "Hte Votka". Стойку оккупировал промышленных размеров самовар, взятый в окружение матрешками. В углу стояла чахлая береза в кадучке. На столах красовались скатерти с петухами.

– Блин!!! – выразил свое искреннее изумление Волк.

– С икрой, с грибами, с бужениной? – из-за стойки недоверчиво выглянул мужик. Именно мужик, не бургер, не бюргер, и уж тем более не фон и не сэр, потому что ни один сэр не надел бы косоворотку такого застиранного цвета.

– Чево? – недопонял Иванушка, очнувшись от самосозерцания, самоосознания и самобичевания.

Мужик поник.

– Звиняйте, господа хорошие, я обшибся видать, подумал...

– У тебя есть БЛИНЫ?! – округлил глаза и вытянул шею князь Ярославский.

– Блины... – эхом повторил царевич. – БЛИНЫ!!!

Теперь настал черед трактирщика удивляться.

– Ну не хамбургеры же!

Судя по тому отращению, с которым он произнес название любимого блюда вондерландцев, ожидать тут чизбургеров, кукурузных хлопьев и грейпфрутового сока тоже не приходилось.

И слава Богу!

– Браток, ты не наш ли часом будешь, не из Лукоморья ли?

– А вы... Батюшки-светы... Земляки! Наши! Наши пришли!!! Груша, мечи все на стол – наши в городе!

– А пироги...

– Есть!

– А пельмени...

– Есть!

– А окрошка...

– Есть!

– А...

– Все, все есть, родные вы мои! Дождался, наконец-то!!! Груня, шевелись давай, клуша вондерландская! К столу милости прошу, гости дорогие!

В зал вплыла с подносом, прогибавшимся от шедевров лукоморской кухни необъятная, как Родина, Груша, хотя ее наряд и внешность наводили на подозрение, уж не Гретхен ли она на самом деле.

Пока Иванушка и Сергей сметали со стола грушину стряпню, хозяин – его звали Ерминок – поведал свою немудрящую историю.

Был ратником его царского величества, во время последней войны попал в плен. К тому времени, как остальные разбежались, он успел жениться на Груше-Грете и получить в наследство от ее родителей трактир. Дома его никто не ждал, поэтому он и согласился осесть здесь, в чужой непонятной стране. Поначалу дела шли неплохо, но потом, когда тоска по Лукоморью стала мужичка заедать, а Груня наотрез отказывалась уезжать, он и завел все эти шка-тулки-матрешки, самовары-березки и пельмени-пирожки. На сердце полегче стало – как дома побывал. А дела наперекосяк пошли. Не жрет проклятый бюргер (или бургер?) холодец, а от крошки его и вовсе выворачивает. Захирело заведение, денег только что разве на собственный прокорм хватать стало, а все по-старому Ерминок делать ни в какую не хочет – загадочная лукоморская душа, значит. Вот так и живут – ни шатко, ни валко. В харчевне напротив скатерти от пятен отстирывают, а у него – от пыли...

– М-да... – зачесал в затылке царевич. – А как же пельмени, блины, расстегаи?.. Ведь это же объективно вкусно, лукоморец ты или вондерландец!

– Так ить штоб попробовать-то, зайтить надоть, а их после грибов моих маринованных сюдыть на варкане не затянешь, только наши купцы и приходят, когда в Мухенвальде бывають.

"Один-один," – злорадно отметил Иванушка "Мухенвальд", а в слух сказал:

– А что с грибами-то вышло?

– Да ничего особенного... – пожал плечами мужичок. – Поперву послал я Груню одну грибы собирать, потом научил, как солить-мариновать их – да сам-то и не посмотрел – неколды было – ремонт тут делал как раз... Кто ж знал, что она все мухоморы в округе соберет, да еще и в деревне прикупит... Ну, померло их тут потом человек тридцать-сорок, так ить это ж мухомор, не рыжик же, они чего хотели?

– М-да, в самом деле... А заманить сюда как-нибудь потом вы их не пробовали? – царевич неожиданно для себя принял близко к сердцу злоключения несчастного Ерминка – лукоморской диаспоры Вондерланда.

– Дак как их ить заманишь... Не овечки ить... За руки на схватишь...

И тут Ивана осенило – овечки, заманить, плутовство Сергея в красильне, "Hte Vodka" – все смешалось в голове его на мгновение, и в следующую секунду родилась уже идея.

– Я знаю. Я знаю, как их можно заманить. Доставка заначку, начинай готовить. Посетители тебе будут, – решительно хлопнул он ладонями по столу. Глаза его заблестели. – Слухай сюды, хозяин.

Весть о том, что в трактире "Березка" каждый пятый стакан лукоморского сидра дается бесплатно, а каждому, заказавшему какой-то расстегай – чизбургер в придачу, распространилась среди публики Конторского района как пожар в лесу – непонятно откуда взялась и моментально расползлась во все стороны, побуждая затронутых горожан к неотложным действиям. Мало помалу, к "Березке" начал стекаться народ. Нет, не для того, чтобы попробовать – хватит, напробовались поганок под маринадом – а просто для того, чтобы убедиться, правда ли это – ведь невиданно-неслыханно такое чудо в цивилизованном мире – чтоб трактирщики в здравом уме и твердой памяти свой товар за просто так всем желающим раздавали. А раз уж зашли,

то почему бы ни пропустить стаканчик-другой... третий-четвертый... пятый... Просто так, без задней мысли... А хозяин и в самом деле оказался душа-человек – пятый бесплатно наливает, никого не обижает, да еще и рассказывает, как эту "Hte Votku" пить правильно надо – с огурчиком солененьким – не бойтесь, не отравитесь! – с пирогами, с осетринкой – ничего, что по серебряному талеру за порцию – она того стоит, с пельмешками – ух, хорошо пошла, вернуться не обещала!.. А с заливным-то как оно понеслось!.. Только дух захватывает! А грибочки-то маринованные да соленые с картошечкой жаренной – они ведь и вправду вполне ничего! Наливай, хозяин, десятый за счет заведения!.. Под такое и помереть не жалко!..

Сиротливо засыхали на стойке три подсадных гамбургера.

Всеобщее веселье бальзамом проливалось на душевные раны Ерминка и его жены и золотом – на финансовые.

В лексику вондерландцев ненавязчиво вошло, да там и осталось "Еще", "Чуть-чуть" и "До дна".

А "Березка", как выяснилось, оказывала посетителям еще одну услугу – выпивших пятнадцать рюмок водки домой отвозили бесплатно. Только до заветной цифры редкий мюхенвальдец дотягивал. Что ведь лукоморцу хорошо...

Сбились с ног два молодых официанта – принеси-унеси-налей-проводи – голова кругом пойдет.

И окрестным мальчишкам работа нашлась – загружать подгулявших гостей в тачки и развозить по домам. "Развезло – развезем!" – выкрикивали они, описывая круги вокруг и без того нетвердо стоящего на ногах бургера, пока у того не начиналась морская болезнь. "До дому – медяк, в кутузку – за так!"

В окне безлюдного трактира напротив маячила завистливая физиономия конкурента.

Закрылась "Березка" далеко за полночь. Отгрузив последних, самых стойких или позже всех пришедших клиентов, Иван, Серый и Груша в изнеможении опустили на скамью. Ерминок за стойкой с подкашивающимися от усталости и волнения ногами и чувством глубокого удовлетворения подсчитывал прибыль.

– Ну, как оно, хозяин? – крикнул Иванушка.

– За последние пять лет я меньше выручил! Благодетели вы мои! – вывалившись из-за стойки, трактирщик брякнулся Ивану в ноги. – Скажите, как звать вас – величать, кого в молитвах мне поминать?

Иванушка хотел что-то ответить, но Серый его опередил.

– Я – Сергей, князь Ярославский, а это – Иван, царевич Лукоморский.

– Батюшка! Кормилец! – Ерминок с размаху бухнулся лбом об иванов сапог.

– Ой! – прочувствованно выговорил Иван.

– А ты, Аграфена, чево расселась, как король на именинах – кланяйся милостивцу нашему, царевичу – ясну солнышку! – дернул трактирщик жену за подол.

– Да что вы, не надо, и Сергию не надо было вообще говорить про титул мой – я же просто так это сделал, из сочувствия, от души, как лукоморец – лукоморцу... – смущенный покрасневший Иванушка не знал, куда девать ноги, руки и горящие щеки цвета перезрелого помидора.

– Просто, просто, – подтвердил Волк. – Абсолютно бесплатно. Через неделю. А пока изволь, хозяин, каждый день нам две трети прибыли откладывать – на важное государственное дело. Мы тебя выручили, теперь ты нам помоги. А через неделю – вольному воля.

– Да хоть все забирайте! – Ерминок рванул на груди рубаху. – Я за батюшку Ивана-царевича – в огонь и в воду пойду!

– В огонь не надо, а две трети – вынь и положь. Прямо сейчас.

– Сергей, ну зачем ты это сделал, – выговаривал другу Иванушка по дороге в краильню. – Что у нас, денег нет? Все равно ведь за неделю там мешка не наберется, а меньше

– все равно, что ничего. Нет, Сергей, проиграл я тут, невезучий я, что здесь и говорить, королевич Елисей на моем месте... – затянул было старую литанию царевич, но Волк рывком остановил его и схватил за плечи.

– Царский ты сын! Ты хоть понимаешь, что ты придумал?! Ты хоть сам-то понял, что ты придумал, принц ты Мухоморский?

– Что? – испугался Иван.

– А то! Я не знаю пока, как это можно назвать, но если мы к концу недели не наберем мешка золота, я буду не я, а дохлая кошка!

– Да ты что, бредишь, Сергей, или с ума сошел? Что я придумал? Какая кошка? Какое золото? Кто его тебе даст?

– Все. Еще будут в очередь стоять. Вот увидишь. А сейчас пошли быстрее – добраться надо до дому да спать завалиться – утро вечера мудренее.

– А что утром?..

– А утром, принц, нас ждут великие дела.

Иван долго не мог заснуть – переживал дневные события – столько всего и сразу давненько на него уже не обрушивалось. Дня три. Согласие Шарлеманя, пропажа денег, гибель мини-сингера, встреча с соотечественником и прочая, прочая, прочая – все это роилось в мозгу, крутилось перед глазами и не давало усталому телу отключиться для заслуженного отдыха.

Было слышно, как в соседней комнате их апартаментов за перегородкой ворочался на полу Волк, кряхтя и бормоча что-то себе под нос – то ли во сне, то ли наяву замышляя что-то удивительное и непредсказуемое, каким он и его идеи были всегда. Ах, Серый, Серый, что бы я без тебя делал – хоть и приключения, и опасности, и весь мир предо мной раскинулся, а только за тобой – как за каменной стеной, и все беды – как понарошку – все равно в глубине души знаю, что все закончится хорошо, пока ты со мной... Вот только ладно ли это? Ведь сбежал-то из дому, жажда взрослости, самостоятельности, а тут получается – как у маменьки в садочке... Что-то в этом не так... Вот королевич Елисей, например, всегда сам служил защитником и советчиком другим, как на странице сто четыре, когда на Слоновье королевство напали орды бодуинов, и никто ничего не мог поделаться с ними, и тогда королева Мбанга Манга объявила, что тот, кто победит дикарей и спасет страну, получит... получит ее... в жены ее получит...

Спать...

Утром, едва забрезжил свет в окошке, Иванушку разбудил уже полностью одетый и умытый Серый.

– Кто рано встает, тому Бог дает, – пояснил он недоумевающему взгляду царевича.

– Ты что-нибудь придумал?

– Ну, кое-что, – уклончиво повел плечом Волк. – Спускайся вниз, во двор – я там буду, с Санчесом пока пообщаюсь.

Когда Иван был готов, во дворе своих друзей он не нашел. Не нашел он их и на кухне, и в гостиной... Долго бы он еще ломал голову над тем, куда бы они могли с утра пораньше запропасться, если бы, проходя мимо конторы, не услышал доносящиеся оттуда незнакомые голоса. Пока он стоял под дверью и думал, будет прилично заглянуть внутрь, или нет, его чуть не пришибли дверью выходящие от Санчеса посетители. Их было трое, все они с виду были похожи на торговцев, и причем торговцев очень довольных.

– Доброе утро, – поздоровался он.

– Доброе утро, ваше высочество, – дружно закланялись они. – Рады видеть вас самолично, очень рады. Спасибо вам большое, ваше высочество, вы просто спасли нас, это чудо, наша искренняя благодарность не будет знать границ в известных пределах.

– Пожалуйста, – ошарашено выдавил царевич, но выяснить ничего не успел, так как следом за ними из конторы вышли Волк и Санчес.

По части отвисшей челюсти и вытаращенных глаз хозяин мог с легкостью поспорить со своим гостем.

– Они?! Завалили?! Меня?! Заказами?! – кажется, более он не был в силах сказать ничего.

– И ты их принял?

– Ну конечно!

– Но ведь ты же не хотел быть красильщиком, ты же хотел уйти с бродячими музыкантами?

– Ну, это было раньше, а теперь, когда все вот так обернулось благодаря Вульффу, я, пожалуй, подожду уходить, – ухмыльнулся он.

– Да ладно, не стоит благодарности, – хлопнул Волк его по плечу. – Две трети, как договорились, в течении недели – и мы в расчете. А кто будет жульничать, тот получит по белой репе. Сомнения есть?

– Да, ну что ты... – вдруг засмутился красильщик.

– Гут, – подытожил Серый. И – Иванушке: – Пошли, царевич. На завтрак – и вперед.

Завтракали они как всегда, на соседнем постоялом дворе, где оставляли своих лошадей. Правда, блинов-разносолов Ерминка тут ожидать не приходилось, зато на свинину с капустой и бананы в шоколаде рассчитывать было можно всегда.

Взглядом профессионала окинув помещение, Серый убедился, что народу и тут было не густо.

– А что, хозяин, как у тебя идут дела? – отодвигая пустую тарелку, поинтересовался он.

Мастер Варас неохотно обвел рукой зал. Четверо стражников завтракали за столом в углу. У стойки с кружкой пива сидел человек помятой наружности – то ли рано встал, то ли еще не ложился. Больше не было никого.

– Наверху так же.

– А что так? – подключился Иван.

– Да много нас тут развелось, кажется. Да и от ворот далековато – приедем на пути до меня встречаются двора три-четыре, да и с войной с этой народу стало в столицу меньше ездить, не как раньше... Хотя, какое там раньше – постоянно то с одними воюем, то с другими... Только от трактира какой-никакой доход и имею. Хотя, скорее никакой, чем какой...

– А если поможем мы тебе, постояльцев обеспечим, что скажешь ты нам на это?

– А сколько хотите? – хозяин оказался не из тех, кто ходит вокруг да около.

– Две трети ежедневного дохода. Золотом. В течение недели.

Мастер Варас недоверчиво поглядел на Волка, потом перевел взгляд на Ивана, потом пожал плечами:

– Ну, если сможете такое повернуть – тогда по рукам.

Серый выскользнул из-за стола, подошел к уже собиравшимся уходить стражникам, о чем-то недолго с ними посоветовался, и с довольным видом вернулся назад.

– Грамотный есть в доме, хозяин?

– Все сыны грамоте ученые.

– Неси тогда бумагу, да зови их. Сейчас Иван диктовать будет, а они пусть записывают, да без ошибок. А ты пока готовься. Через неделю сочтемся, – и, ласково заглянув в глаза хозяина, добавил: – И, кстати, я забыл сказать, что верю в твою честность.

В этих серых очах было что-то такое, что мастер Варас, неожиданно для самого себя, сам поверил в нее.

Караул у Лотранских ворот сменился – на дежурство заступили уже знакомые нам трое рядовых и сержант. Тот, кто привык к тому, что стража сидит в своей будке и режется в карты, не обращая на прохожих и проезжих ровно никакого внимания, пока их настойчиво не позовут, увидев их сейчас, был бы бесконечно удивлен.

Тактически грамотно выбрав наиболее выгодные позиции, охрана с новым, хищным интересом стала буквально ощупывать взглядом каждого стремящегося приобщиться к столичным радостям.

– Господин будет гостем столицы? – ржавая пика преградила путь какому-то дворянину.

– Да, а в чем дело?

Сержант, с мукой в глазах выпалил, как "Здравжелаю!" на параде, свежезаученные слова:

– Только сегодня только для вас у постоялого двора безумный весть специально предложение! – и вручил напуганному всаднику исписанный листок желтоватой бумаги.

– Изысканный стол... Стильная опстановка ретро... Нинавящивый сервис... Астанавившимся у нас гарантированно предоставляется чистое билье, на катором до вас спало не более пяти человек... Хм... – забормотал дворянин. – Чиска адежды и обуви – бесплатно... Хм... Интересно... Улица Красильная, дом сто... А далеко это отсюда? – явно заинтересовался он.

– Совсем рядом. Шесть кварталов прямо, один направо, сэр.

– Благодарю вас, господа! – пришпорил он коня.

За его спиной охрана переглянулась, ухмыльнулась и дала друг другу по игривому тумаку.

– Два медяка есть!

– Раскошеливайся, хозяин!

– Хо-хо!

– Как же мы сами раньше не догадались!

– Тихо, вон еще идут!

– Товьсь!

Ржавые пики опустились.

– Господин...

– Господин будет...

– Господин будет гостем... Тьфу, какой ты господин! Вот тебе бумажка – по этому адресу ты будешь жить. Вечером приду – проверю. Понял? Все. Вали.

– Господин будет гостем столицы?...

Конвейер пошел.

Мастер Варас был в смятении. Он не успевал принимать постояльцев. Сначала один, другой, а потом и вовсе потоком потянулись посетители со знакомыми листочками в руках в поисках «стильной ретро-опстановки» и «нинавящивого сервиса мирового уровня». Особенно пристальное внимание почему-то все вошедшие оказывали столам. Что бы это значило, мастер Варас не знал, но всем приходящим предлагал комнаты и еду, и этого, как правило, оказывалось достаточно. Листовки, как и договаривались, он накалывал на бивни кабаньей голове, висевшей над камином, для расчета вечером со стражниками. Справа – конный – два медяка. Слева – пеший – один. Ребята справлялись со своей работой выше всяких похвал. Но когда пару перепуганных, не смеющих проронить ни слова крестьян они пригнали в трактир, подталкивая пиками, дар речи временно пропал и у него.

– Вот, принимай, хозяин. Хотели уйти к "Золотому Трубадуру".

– Да мы всего-то на полдня в город пришли! – слабо пискнула жена фермера.

– Кто вас спрашивать будет. Сказано – остановитесь здесь – значит, здесь! У-у, вот мы вам! – и они, погрозив беднякам железными кулаками, с нескрываемым удовольствием лично насадили два листка на жуткие бивни.

После того, как был заселен чердак, голубятня, каморка конюха во дворе, большая часть конюшни и три стола в зале*^[1], а под деньги пришлось принести второй котел, мастер Варас, с трудом улучив свободную минутку, с большим кошельем и старшим сыном сбегал до «Золотого Трубадура». Вернулся он владельцем еще одного постоялого двора. По дороге трактирщик заскочил к своему соседу – старику-художнику – и заказал у него еще одну вывеску с

названием «Безумный вепрь» – было проще переписать одну вывеску, чем сотню листовок. Пока же придется перевесить на бывшего «Трубадура» свою.

Вечером, перед уходом на ужин, Серый и Иван встретились в своей штаб-квартире. Как заправский клерк, расстелив перед собой чистый лист бумаги, князь Ярославский вписал под цифрой раз "Березку", под цифрой два – "Безумного вепря", под три – "Веселую радугу", и деловито уставился на друга.

– Ну-с, подождем бабки, – промолвил он. – Что у тебя за день?

Иван стушевался, потупился и пробормотал:

– Два сапожника в разных районах и один трактир.

– Молодец! Что за трактир?

– "Мышеловка". Я предложил объявление: "Вы знаете, где бывает бесплатный сыр".

Серый хохотнул.

– Ну и как?

– Вроде, сработало. Никогда не думал, что в одном городе может оказаться столько любителей сыра.

– На халяву укус сладкий, – фыркнул Волк. – Запишем. А с сапожниками что?

– Я посоветовал им всем мужчинам, купившим или заказавшим у него сапоги давать банку крема бесплатно. А женщинам – вышитый батистовый платочек. Давай, запишу, где это, – Иванушка подвинул к себе листок. – А у тебя как дела?

Он, конечно, понимал, что список Волка будет не в пример длиннее его собственного, и в глубине души даже был готов к этому, но такого отчета он не ожидал.

– Во-первых, проделал то же самое, что с "Вепрем", на всех оставшихся воротах – пиши: "Усталый путник", "Жар-птица" и "Королевская охота". Во-вторых, лавки портного Кугентая "Счастливая семерка" и мастера Хайнца "Шик-блеск-красота" – сшивший шесть костюмов седьмой теперь там получает бесплатно. В-третьих, птичьи дворы у Чизбургских ворот и на Выселках. В двух птицах – по золотому. В десяти – по серебряному талеру. В тридцати – по медяку. Когда объявления были прочитаны, ты бы видел, какая там началась давка среди баб! Курам на смех. Кстати, вот, держи, – Серый достал из-за пазухи кожаный кошелек размером с хороший грейпфрут, – это мужики бились об заклад, кто победит.

– Ну, и кто?

– Не поверишь. Маркиза МакГрегора. Другие, например, не поверили.

– Я верю. Кому другому не поверил бы, а с тобой я уже ничему не удивлюсь.

– А еще некий добросердечный стекольщик папа Альберт раздает бесплатно детям со всей округи рогатки.

– А причем тут рогатки?

– А при том, – улыбнулся Волк во всю свою волчью морду, – что у его подмастерьев, например, времени раздавать рогатки детям нет – работой они теперь завалены выше крыши.

До Ивана дошло, он ухмыльнулся и смутился.

– Так же нечестно...

Серый сделал большие глаза и что-то хотел ответить, как вдруг в дверь постучали.

– Войдите! – в один голос отозвались они.

Это был начальник городской стражи майор Мур, с голубыми глазами, но без мандолины. Иванушка, при виде его официальной кирасы, почему-то в первую очередь вспомнил об усопшем, вернее, утопшем, мини-сингере, о стражниках, под конвоем приводящих людей в гостиницы, о детях с рогатками и подумал, что чтение стихов в программу тоже вряд ли будет входить. Но как только он понял, что больше всего на свете ему хочется сейчас спрятаться за спину Серого, он тряхнул кудрями, задрал подбородок, сделал большой шаг вперед и чересчур твердым голосом спросил:

– Чем обязаны визитом, Юджин?

Неожиданно, майор застеснялся.

– Мне, право, неловко вас беспокоить по такому поводу, даже не знаю, как начать...

– Начни с того, что сядь, – и Волк подвинул стул царевича майору.

– Знаете ли, друзья мои, я по роду своей службы, должен признаться, в курсе всей вашей деятельности за этот день, и эти ваши лукоморские штучки новы и неожиданны для нашего города, но идея, конечно, просто замечательная...

– Мы высоко ценим ваше признание, – галантно склонил голову Иван.

– Ладно. Я не буду переливать из пустого в порожнее, – вздохнул Мур. – Я человек прямой, и скажу вам прямо. Кто утихомиривает драчунов на улицах? Городская стража. Кто ловит воров и убийц в городе? Городская стража. Кто следит за порядком во время королевских шествий и праздников? Опять мы. Кто отводит домой потерявшихся собак и детей? Снова мы. И что мы получаем взамен? Кто-нибудь ценит наши усилия, кто-нибудь помогает нам в расследованиях, кто-нибудь хоть доброе слово когда сказал нам за нашу опасную работу?

– Мы ценим, и готовы сказать немало добрых слов, – осторожно промолвил Серый.

– Да, я знаю, вы славные ребята, и понимаете меня. Но горожане! Ни капли благодарности! Нет, не подумайте, что я работаю за благодарность – я работаю, потому что знаю, что так должно быть, и кто-то это все равно должен делать – закон и порядок в городе прежде всего. Но все равно обидно! – и покрасневшийся от переполнявших его чувств, Мур беспомощно развел руками.

– Да, это несправедливо, люди должны понять, какие вы честные, отважные, благородные и бескорыстные, и мы от всей души хотели бы помочь вам, если бы только знали, как!..

– Да, конечно, я знаю, что это сложно...

– Мы не боимся трудностей! – выпятил грудь колесом Иванушка. Колесо, надо сказать, получилось так себе, как от тачки, не больше, но порыв замечен и одобрен был.

– Я верил в вас, друзья мои, – огромная мощная лапа ухватила и сжала руку Иванушки в порыве благодарности. – Я знал, что там, где никто не в силах помочь, на вас можно рассчитывать. И я скажу прямо, потому, что я человек прямой, – тяжелый кулак впечатался в стол. – Я хочу, чтобы вы сделали так, чтобы городская стража в Мюхенвальде была популярна.

– Ну и как, придумал?

Пробуждение было безрадостным.

– Нет.

– Я, конечно, не буду говорить, что кое-кому не надо обещать, если не знаешь, как ты это собираешься выполнять, тем более, если тот, кому ты обещаешь – начальник городской стражи, – голосом Серого можно было заправлять аккумуляторы.

– А я, конечно, не буду говорить, что если тот, кто просит – начальник городской стражи, то отказывать ему было, по крайней мере, глупо, – почти превзошел его Иван.

– Сам дурак.

За перегородкой произошло легкое смятение.

– Я не хотел... Я не это имел в виду!

– Да знаю я... Но можно же было сказать, что подумая, дескать, через недельку приходите, а лучше – через две.

– Это обман.

– А обещать и не выполнять – лучше?

– Ну, может, что-нибудь придумаем...

– Ну и как, придумал?

– Нет...

– И не придумаешь! Иванушка, пойми, мы же в реальном мире живем, а честные, отважные, благородные и бескорыстные стражники бывают только в сказках! Они же как звери лесные – медведи там всякие, лисы, волки... Ну вот, например, ты бы волка полюбить смог?

– Ну так полюбил же...

За перегородкой произошло непредвиденное смущение, но минуты через две перепалка была продолжена.

– Да не про себя я!.. Я про настоящего. Смог?

– Не думаю...

– Ну вот и другие не смогут! Потому что хищники они. Даже когда сытые. Их бояться можно. А любить – это дудки. Даже если вожак стаи – с голубыми глазами, сочиняет стихи и играет на мандолине. Так что, зря ты в это впутался.

– За что ты его так не любишь? Тебе что, он что-то плохое сделал?

– А что, надо обязательно ждать, пока сделает, чтобы не любить? Он – стражник, и этим все сказано. Я ему не верю.

– Нет, Сергей, ты не прав. Он хороший человек.

– Еще один?

– Да, – голос царевича прозвучал непреклонно, и Серый решил зайти с другой стороны.

– Все равно ничего у нас не выйдет, – заявил он. – Чем ты их пупо... попо... пупу... пупалярными сделаешь? Разве только показательное ограбление устроить. Или украсть чего. А они потом вроде как раскроют.

– Никого мы грабить не будем. Мы – витязи, а не бандиты.

– Ты, пожалуйста, за себя говори.

– Не наговаривай на себя, Сергей. Я знаю, что ты добрый, честный и хороший.

– Я злой, лживый и вредный.

– Полезный. И ты мой друг. Это-то ты не станешь отрицать?

– Стану-не стану... Чего привязался...

– Ой, ты обиделся?.. – смутился царевич. – Прости, пожалуйста, я не должен был...

– Обиделся-не обиделся... Должен-не должен... – пробурчал Серый, – Подъем, давай. Нас ждут великие дела.

– И бананы в шоколаде.

– Не подлизывайся.

Завтрак у "Бешеного вепря" подходил к своему логическому концу, а настроение друзей оставалось ниже среднего. Молчаливая задумчивость не покидала их ни на мгновение. Даже фирменные шатт-аль-шейхские бананы, фаршированные абрикосами, апельсинами и хурмой в шоколаде с цукатами и кокосовой стружкой а-ля мастер Варас не смогли произвести существенных изменений в предгрозовой атмосфере. А это что-то значило. Аналогичные явления в более стандартных обстоятельствах принято обозначать табличкой с надписью: "Вы стоите в центре минного поля. Всего вам доброго".

Они уже допили сок и собирались уходить, когда к их изысканному столу подплыл сам хозяин и, улыбаясь во весь рот (с некоторых пор это была его естественная реакция на лукоморскую парочку), сообщил:

– Вас тут хочет видеть один старикан.

– Какой еще старикан?

– Не знаю. Говорит, что в "Веселой радуге" он вас не застал, и мастер Санчес направил его сюда.

– Ну так пусть смотрит скорее, да уходит. Нам сегодня некогда.

– Эй, любезный, иди сюда! – призывно махнул толстой рукой трактирщик.

Откуда-то из-за стойки появился высокий худой чисто выбритый старик с добрыми глазами и большой лысиной, и легким шагом направился к друзьям.

– Мастер Варас, пожалуйста, тарелку рагу, хлеба и вина для нашего гостя, – попросил Иванушка. Он издали заметил, что глаза у дедка не только добрые, но и голодные. – За наш счет.

– С нашим удовольствием, – тут же откланялся хозяин.

– Нет, спасибо, не надо, – слабо попытался сопротивляться старик. – Я уже завтракал.

"Пару дней назад," – мысленно добавил царевич.

– Ну еще раз, с нами за компанию, – улыбнулся он и подвинул старику стул. – Садитесь, пожалуйста. Я – Иван, а это – мой друг Сергей.

– Меня зовут Карло Гарджуло. Мои друзья называют меня просто папа Карло. И я – директор театра "Молния", – он умолк, по-видимому, ожидая от них какой-то реакции.

Лукоморцы переглянулись, пожали плечами и опять воззрились на Карло.

– Извините, мы здесь недавно, и еще не совсем знакомы с местной культурной жизнью, – проговорил царевич.

– Да, я должен был это ожидать, это была старая история, и где ее знали, там она забылась, а где не знали – там и не знают... – безрадостно вздохнул старик. – Тем более, что сами мы не местные... Разрешите, я вкратце расскажу вам о нас.

– Да, конечно.

– Мы родом из Тарабарской страны, – начал папа Карло. – Пятнадцать лет назад мой приемный сын Буратино и его друзья – маленькие артисты театра Карабаса – алчного и жестокого человека – при помощи волшебного талисмана получили в наше распоряжение чудесный театр под названием "Молния". Мы были просто на седьмом небе – ведь это была мечта все нашей жизни! Мы давали веселые представления с песнями и танцами для больших и малышей – о, каким горячим успехом пользовались они, позвольте мне сказать! – и думали, что счастье навсегда поселилось в нашем доме, ибо чего большего может желать артист, когда он несет радость людям, и его обожает вся публика!..

– Чего? – полюбопытствовал Волк.

– Вы, конечно, удивитесь, но денег.

– Мы удивлены, – подтвердил он.

– Сначала мы давали бесплатные спектакли, но нужны были новые костюмы, декорации, еда, одежда, наконец – ребятишки быстро росли – и... – старик с горечью взмахнул рукой.

– Кончилось тем, что этот ваш Карабас купил ваш театр за долги, а вас вышвырнул на улицу?

– А вы откуда знаете? – испугался старый Карло.

Серый пожал плечами:

– Подобные истории обычно кончаются именно так, – и пристально взглянул на Иванушку. Тот смутился.

– Да, благородные сеньоры, мы стали странствующим театром, но дела наши от этого лучше не пошли. Не знаю, почему. Я давно бы уже впал в отчаяние, но мои ребятишки – те, кто остался, не давали мне совсем потерять надежду, хотя это я должен был ободрять их. "Подожди, папа Карло," – говорили мне они, – "Перевернется и на нашей улице повозка с пряниками". Да только у нас и улицы-то никакой и в помине нет, и никакая повозка, кроме нашей, на моей памяти давно уже не переворачивалась... Хотя, наверное, это они так шутят...

– Наверняка, – подтвердил Иван.

– Но катастрофа настала в этом городе, – продолжал свое горестное повествование старик. – Наша прима, наша куколка, как мы ее все ласково называли, наша Мальвина однажды проснулась утром и обнаружила, что за ночь те заплатки, которые она поставила на свой самый лучший сценический костюм, прогрызли крысы, и... Нет, что вы, что вы, не подумайте – я ее не виню, она долго держалась, и я бы никогда не подумал... Меньше всего я хотел бы, чтобы вы... чтобы она... они... Короче, через два дня она сбежала с торговцем рыбой откуда-то из Лотрании или Шантони... Бедная девочка!.. Как я хочу, чтобы она была счастлива!.. Маленькая, мужественная Мальвина!.. – прослезился Карло.

– Не плачьте, пожалуйста, не надо, мы вам поможем, если сможем, вы только скажите, как вам помочь, сеньор Гарджуло!

Если бы взглядом можно было убить, Ивану бы сейчас не помогло даже чудо. Но способ убийства взглядами изобретен не был, и поэтому Серому пришлось ограничиться яростным пинком под столом.

– А-у-у!!! – взвыл Иван-царевич. – Сергей, ты наступил мне на ногу!

– Не может быть, – удивился Волк. – Наверное, я оступился.

И, обращаясь к артисту:

– Так что, вы говорили, вы хотели от нас?

– Я говорил?... Я еще... Ах, да. Извините, Бога ради, что задерживаю вас. Мне осталось рассказать совсем немного. Дело в том, что все постановки были построены на нашей маленькой примадонне, и после того, как она исчезла, рассыпались, как карточный домик. Остались одни мальчишки, а ни одну пьесу о любви невозможно сыграть в таком составе. Пьеро попробовал заменить ее, но его освистали в первый же вечер, и теперь на наши представления никто не приходит, а хозяин постоянного двора, того, что на улице Слесарей, говорит, что если мы не заплатим ему за все время, что мы у него живем, он позовет стражу, и они бросят нас всех в тюрьму... Я знаю, вы многим подали хорошие советы, и люди не устают благословлять вас за это, Памфамир-Памфалон свидетель. Прошу вас, заклинаю именем моих голодных малышек – помогите и нам, посоветуйте, что нам делать... Правда, у нас нет денег, но как только мы хоть что-то заработаем, мы вам обязательно заплатим, даю честное слово!..

– Да, положение ваше очень сложное. И мы, конечно, понимаем, сочувствуем, но ничем...

– Нет, нет, мы вам непременно... А-у-у!!!

– Подожди, Иван! Сеньор Карло сейчас пока перекусит, а мы с другом отойдем и немножко... посоветуемся, хорошо?

– Да, конечно, конечно, как благородным сеньорам будет удобно!.. – и бедный старик, смущаясь и краснея, аккуратно принялся за еду.

Лукоморцы отошли к окошку.

– Иван-царевич!!! – возопил князь Ярославский, воздев руки горе. – Ну ведь утром же сегодня говорили! Одним ты уже наобещал, давай, еще этих ребят обнадеем! Время-то идет! Пока ты будешь думать...

Торжествующе улыбающийся Иван – зрелище само по себе настолько непривычное, что Волк осекся на полуслове – крепко ухватил его за руки и бережно опустил их вниз.

– Сергей, ты не понял. Я придумал. У меня уже есть план, понимаешь? Я знаю, что надо делать. Ты прав, сначала я сказал, не размысливши...

"Удивительно," – кисло подумал Волк.

– ... Но потом меня осенило, когда папа Карло говорил о том, что без Мальвины они не могут сыграть ни одну пьесу про любовь. И тогда я подумал, а что, если... И тогда мы сядем между двух табуреток... Убьем двух зайцев, я хотел сказать.

Волк убежал в город нести озарение в мюхенвальдский бизнес. Они с папой Карло остались в гостевой комнате на втором этаже "Веселой радуги" одни.

– Так кто, вы говорите, в вашей труппе? – спросил Иванушка, и в ответ на недоуменный взгляд старика, уточнил: – Я имею в виду их амплуа.

– Ах, амплуа, конечно. Это мой Буратино – герой-любовник, Артемон – отважен и верен, как пес, Пьеро – сентиментальный неудачник, Арлекино – веселый грубоватый малый, Панталоне – добродушный простоватый толстяк, и Кривелло и Каstellло – злодеи, хотя не подумайте, на самом деле они замечательные мальчишки, добрые, заботливые...

– Мальчишкам, наверное, лет по двадцать?

– Кому по двадцать три, кому побольше... Но для меня они все равно как дети, мои родные сыночки...

– Да, я понимаю вас, сеньор Гарджуло, и восхищаюсь вами.

– О, что вы, сеньор Джованни, я не стою того!..

– А как скоро они смогут...

– Не беспокойтесь, сеньор Джованни, завтра же к вечеру у них все будет готово!

Улыбнувшись, Иванушка задвинул за собой тяжелый дубовый стул, расположил поудобнее стопку белой бумаги и задумался на мгновение.

– А всем ли хватит? – старика вдруг охватило беспокойство.

– Всем.

– А Буратино? У него один небольшой недостаток лица – нос длинноват...

– Ничего. Я уже придумал – он будет Козоновым, а их брату длинные носы только на пользу.

– Кому "им"?

– Можно, я пока ничего не буду говорить? Вы скоро все и так узнаете. А теперь, прошу вас, дайте мне всего часа два времени. Можете сходить пока по делам. Или прогуляться.

– Я лучше посмотрю на благородного сеньора, – умилился папа Карло.

– На кого? – не понял Иван.

– На вас? – не понял Карло.

– А-а. Ну, как хотите, – и Иванушка, старательно помогая себе языком, вывел на первом листе заголовок:

СЕРИЯ ОДНОАКТНЫХ ПИЕС

С ПРОЛОГОМ И ЭПИЛОГОМ

автора Ивана Неиз... (зачеркнуто) Елисе... (зачеркнуто) Лукоморского

У Л И Ц А

П О Б И Т Ы Х

С Л Е С А Р Е Й

Написанная Им Самим

Акт Первый

"День Рожденья Козонова,

или

Убей меня нежно"

Когда папа Карло уже убежал к своим ребятишкам с готовыми двумя актами чтобы начать репетицию, Иванушке в голову пришла еще одна дельная мысль, и он спросил у Санчеса адрес ближайшего писца.

Писец – молодой длинноволосый человек в белых лосинах и розовой тунике – был занят. Он держал двумя пальцами за уголки большой лист исписанной бумаги и, как будто пытаясь вытрясти из него пыль, махал им в воздухе.

– Здравствуйте. Извините, я не помешал? Мне нужен Иоганн Гугенберг.

– Я – Иоганн Гугенберг, – человек, не переставая трясти листом, взглянул на вошедшего. – Что вы хотели? Я переписываю документы и книги красивым почерком, пишу и читаю письма, составляю прошения...

– А вы не могли бы минутку отдохнуть?

– Спасибо, я не устал, – удивился сначала писец, но потом понял: – А-а, вы про это! Я так сушу чернила на этом завещании – я буквально секунду назад закончил его переписывать, а сейчас за ним должны прийти. Но если вас это отвлекает, я могу его... положить... положить... куда-нибудь... ну, куда... – Гугенберг беспомощно завертел головой. Стол был завален кипами старой пожелтевшей бумаги, чернильницами, перьями, банками, книжками, остатками завтрака (а, может, ужина или обеда – при наличии плесени такой густоты и пушистости определить с точностью это было затруднительно), грязным носками и Памфамир-Памфалон знает, чем еще, и места завещанию на нем явно не было. – Я положу его на стул! – радостно восклик-

нул настигнутый озарением писец. Смахнув со стула подсвечник, он нежно пристроил на нем бумагу буквами вверх, и только потом повернулся к царевичу.

– Так что вы хотели заказать?

– Объявления для театра. Штук тридцать. Самого большого формата, какой у вас есть.

– Без проблем. Давайте текст, – протянул руку Гугенберг. – К какому дню?

– Часа через три-четыре они мне будут нужны.

– Я серьезно спрашиваю.

– А я серьезно отвечаю.

– Это невозможно, – пожал он плечами.

– Даже за три золотых?

Половины этой суммы не стоила и вся каморка писца, включая его самого.

– СКОЛЬКО? – ухватившись за сердце, Гугенберг медленно опустился на стул. Вернее, в первую очередь, на недосохшее завещание.

– Вы на свою бумажку сели, – подсказал Иван.

Хозяина как пружиной подбросило. Он изогнулся так, что бхайпурские йоги удавились бы от зависти.

– Мои лосины!!! Мои лосины!!! Мои лосины!!! Мои лосины. Мои лосины? Мои лосины...

Мои лосины... Мои лосины!!!

Искаженные мукой черты Гугенберга просветлели.

– Будет вам тридцать копий, – уверенно молвил он.

Так родилось книгопечатание.

* * *

Серый с размаху двинул царевича кулаком в плечо.

– Иванко!!! У нас получилось!!!

Иванушка, не ожидая такого подвоха, взмахнул руками и хлопнулся на мешок.

С золотом.

Четвертый.

Завтра утром их будет ждать Шарлемань.

И птица.

Наконец-то.

Серый подал руку во весь рот ухмыляющемуся Ивану, помогая встать.

– Пошли, Иванко! Забираем Санчеса – и к Ерминку – водку пьянствовать, безобразия хулиганить. Завтра в это время уже в пути будем, прощаться некогда будет!

– Пошли!

– Санчес!

– Санчес!

– Санчес!!!

Маленького красильщика на втором этаже не было.

– Может, он в конторе?

– Айда в контору!

– По задней лестнице спустимся.

– Пошли!

– Санчес! – гулко прокатилось по всему дому.

Краем глаза Серый заметил, как через коридор метнулась под лестницу и затаилась там какая-то тень.

– Эй, ты, вылезай! Чего прячешься? – ткнул мечом в темноту Волк.

– Кого ты там загнал? – подоспел и Иван.

– Ща посмотрим, – и, громче: – Вылазь, говорю! Руки вверх!

Темнота ожила, зашевелилась, от нее отделилась черная фигура и, задрвав как можно выше руки, отворачиваясь, вылезла на свет Божий.

– Иванко, гляди-тко, негра!!!

– Да откуда ему тут в... И верно, негр! Тебе Санчес что-нибудь про каких-нибудь негров говорил?

– Нет.

– И мне – нет.

– Может, он тут сам завелся?

– Не выдумывай. Сами только тараканы заводятся.

– Ты кто, и что ты тут у нашего Санчеса под лестницей делаешь? – ухватил Серый сына черного континента за шиворот черной рубашки, заправленной в черные же штаны.

– Я не ешь понимайт, – недружелюбно сверкнул белками глаз негр.

– Чего он не ест? – переспросил Иван.

Серый же при первых звуках голоса таинственного незнакомца насторожился.

– Ну-ка, поворотись-ка, сынку, к свету передом, – потянул он мавра за шкворник.

– Сергей! Не трогайте его, пожалуйста! – по коридору бежал, размахивая руками, Санчес.

– Кого "его"? – подозрительно прищурившись, уточнил Волк.

– Гарри...

– Мини-сингера?! – ошарашено оглядываясь, воскликнул Иванушка. – Где?

– ГАРРИ?! – и Серый согнулся пополам, ухватившись за живот, задыхаясь от смеха. – Гарри!.. Ой, не могу!.. Ой, держите!.. Гарри!..

– Не вижу в это ничего смешного, – решив, что ему пока больше ничто не угрожает, позволил себе обидеться негр.

– А отмыть... – озабоченно начал было Иван, но Санчес покачал головой.

– А отбелить?.. – бился в истерике Серый. – А перекрасить?.. А штукатуркой?... А наждачкой?..

– Ваш пароксизм ненатуральной веселости оставляет меня индифферентным, – выпятив нижнюю губу, процедил мини-сингер.

– Сам дурак, – мгновенно среагировал Волк.

– Не в обиду Санчесу будь сказано, но мы же знаем, какого качества у него краска, – снова деликатно вмешался Иванушка. – Очень скоро она смоеется, и все будет по-прежнему.

– Может, и смоеется, – вздохнул красильщик. – Но пока нет ни малейших признаков. А пробовали уже всем. Кроме наждака.

– Зачем? – поинтересовался Волк. – Черный цвет ему к лицу, – и, едва успев увернуться от яростно взревевшего мини-сингера и подставить ему подножку, злорадно добавил:

– И синяков не видно.

В "Березке" в этот вечер были наглажены все скатерти, отполированы все самовары, настроены все балалайки и начищены все лапти, а на двери красовалось объявление – "Закрывается на спецобслуживание".

Сегодня здесь собрались все друзья – новые и старые – как захотел Иван, чтобы проститься перед отъездом, ибо завтра, после покупки жар-птицы, он планировал, не задерживаясь ни минуты, сразу же выехать домой.

Пришел папа Карло со своей трупной, пришел владелец сети постоянных дворов "Бешеный вепорь" мастер Варас, пришел первопечатник Иоганн Гугенберг, конечно же, явились Санчес с Гарри, демонстративно игнорирующим князя Ярославского, и, когда все уже потеряли надежду и уселись за стол, в трактир ввалился Мур. Друзья не видели его с того самого вечера,

когда тот попросил их о помощи в таком необычном деле. Он и оставался единственным, кому они так и не придумали, как помочь.

Иванушка сконфуженно шагнул навстречу стражнику, мучительно придумывая, что бы такого сказать в свое оправдание, и не находил ничего подходящего. "Повинную голову и меч не сечет," – решил он отбросить все уловки.

– Юджин, я очень рад вас видеть, – вздохнул он, – но, видите ли, дело в том, что я...

– Ваше высочество, – кулак Мура глухо громыхнул о бронированную грудь. – от своего покорного слуги примите глубочайшую благодарность. Я потрясен. Я поражен. Я польщен. Я не ожидал такого. Никто не ожидал. Я ваш должник. Хозяин, всем пива за мой счет!

– Пива не держим, – гордо отозвался Ерминок.

– А что есть? – озадаченно нахмурился Мур.

– Водочка-с!

– Это что – вроде пива?

– Лучше.

– Тогда всем по кружке этой... водочки!

– А, может, рюмки хватит? – осторожно поинтересовался трактирщик.

– Ты что думаешь, у меня заплатить нечем? По две кружки! Каждому! По три!

– Как прикажете, ваше майорство, – ухмыляясь, как ненормальный, Ерминок кинулся выполнять заказ. За ним устремился Волк.

– Но, Юджин, я хотел сказать... – снова начал Иван, но начальник стражи снова не дал ему договорить.

– Ваше высочество...

– Пожалуйста, не называйте меня этим дурацким высочеством, мне начинает казаться, что вы разговариваете с кем-то другим.

– Хорошо, ваше высочество.

– Юджин! Мы же друзья!

– Да, Иван, конечно. Ты знаешь, Иван, что ты – великий человек?

Царевич на всякий случай оглянулся – но других Иванов в трактире не было.

– Я?

– Да. Ты сделал то, что никому за триста лет существования городской стражи Мюхенвальда не удавалось – теперь преступники требуют, чтобы их арестовывала только городская стража, а не дворцовая, не военные патрули и даже не королевская гвардия! А знаешь ли ты, что только мне лично пришлось разнимать семнадцать драк среди стражников, споривших, кто из них больше похож на Козонова? А что слесари на своей улице теперь действительно побитые – токари, пекари и лекари решили, что тем слава досталась незаслуженно?

– А при чем тут пекари? – только и смог спросить ошарашенный Иван.

– Достопочтенный сеньор стражник прав, – присоединился к ним директор театра. – Мы с моими ребятами играли "Рамона и Кольетту", "Хотелло", "Король Йен", десятки других шедевров мировой драматургии – и никогда не приходило к нам столько народу – каждый вечер, я подчеркиваю! – как сейчас, чтоб посмотреть очередной акт "Улицы"!

Иван зарделся так, что если бы свет выключили, он светился бы и в темноте.

– А ведь большей ерунды я в жизни своей не читал! – продолжал воодушевившийся мэтр Гарджуло, обращаясь к майору.

Со стороны царевича донесся такой звук, как будто бы наступили на лягушку.

Атмосферу разрядил Ерминок.

– Прошу к столу, гости дорогие! Господин майор, ваш заказ выполнен, извольте откушать!

– А, этой вашей... как ее... водички?

– В кружках, как заказывали.

– Предлагаю выпить за нашего отзывчивого, искреннего, неутомимого Ивана-царевича! – вскочил Волк со своей кружкой наперевес, – И за лукоморско-вондерландскую дружбу! – и одним махом вылил в себя содержимое всей посуды.

– За Ивана! – дружно взревели гости, перекрывая слабый возглас царевича "Постойте!", и все, как один, последовали примеру князя Ярославского.

После этого произошло много чего. Некоторое этого можно было даже, в принципе, написать. Но с твердостью можно было сказать только одно – разницу между водой и водкой они усвоили на всю оставшуюся жизнь.

Их уважение к Серому не знало бы пределов, если бы Буратино случайно не обнаружил, что в кружке князя во время тоста была простая вода. И кабы не Иванушка, быть бы в тот вечер князю Ярославскому битым.

Прощальный пир продолжался далеко за полночь, и когда громовое "Ой, мороз-мороз" возвращавшихся лукоморцев огласило опустевшие улицы Мюхенвальда, гулко отражаясь от булыжных мостовых и каменных стен, город, в большинстве своем (не считая стражи, воров и гостей Ивана), уже спал.

Иванушка, Серый, Санчес, Гарри, мастер Варас и вызвавшийся их провожать Мур направлялись к "Веселой Радуге", отражаясь вслед за песней от стен и, иногда, от мостовых.

– Какой замечательный у вас город! – признавался в любви царевич между куплетами. – Какие гостеприимные люди! Какие все добрые, благожелательные, отзывчивые! Мне будет не хватать вас всех, Санчес, Юджин, Гарри! Гарри! Это талант! Я приглашаю тебя к нам в Лукоморье – ты сможешь жить у нас сколько захочешь! Василий с Дмитрием умрут от зависти, когда узнают, что я познакомился с настоящим мини-сингером! Гарри, обещай, что приедешь! У тебя там будет ан-шланг!

– Обещаю! Иван! Мне не нужен шланг! Но ты – мой друг. И я за тебя... все, что хочешь, отдам. Если не очень много. Серый. Я тебя прощаю. Но я тебе это еще припомню.

– Гарри. Ты не поверишь. Но мне глубоко по... все равно твое прощение. Ты сам виноват. Хоть и песни твои хорошие. Иван вон тебе скажет – чужое брать нехорошо. Скажи, Ваня!..

– Друзья мои! Не ссорьтесь в такой день! Вечер. Ночь...

– Напила-а-ся я пья-я-а-на!..

– Не напилася, а напился.

– Напи-и-лся я... Нет, нехорошо. На-пи-пи-лся я пья-а-а-ным!..

– А все-таки, чего мне жаль больше всего, что я уезжаю, так это что я не останусь на свадьбу.

– Какую свадьбу?

– У кого свадьба?

– Санчес, ты что от нас скрываешь?

– А при чем тут я?

– Да, при чем тут Санчес? Я говорю о свадьбе в королевской семье – вот, наверное, торжества-то будут – парады, шествия, турниры... кхм. Балы там, наверное, всякие, всенародное, так сказать, ликование...

– В королевской?!

– В королевской?

– А я и не знал, что принц Сержио женится!

– Юджин!

– Да, Юджин, почему все придворные новости мы стали узнавать последними?

– Да причем тут принц Сержио!!! Да что у вас всех, склероз, что ли?! Я говорю про принцессу Валькирию и Чер... принца Кевина Франка! Он же победил на турнире, и теперь король Шарлемань должен будет отдать за него замуж свою дочь, вот про что я говорю! А вы чего!..

- А ты разве ничего не знаешь?
- Что не знаю?
- Что мы не знаем?
- Что Шарлемань ничего никому не должен.
- Что он бросил лотранского принца в подземелье дворца, а Валькирию заточил в самую высокую башню.
- И что он не выпустит ее оттуда, пока она не согласится выйти замуж за герцога Айса.
- Нет, ребята. Вы что-то путаете.
- Король не мог так поступить с...
- ...с девушкой, которая может пронести рыцаря в полном снаряжении полкилометра.
- ...с собственной дочерью!
- Мог. Вы просто плохо знаете нашего монарха.
- Да и дочь она ему не родная.
- Как так?
- А вот мы и пришли.
- Давайте идем к нам! Санчес, где ключ? Гарри, у тебя, что ли?
- Вы что, и этого не знали?
- Пошли на кухню, Юджин. Там все и расскажешь.

На кухне зажгли свечу, поставили на середину стола кувшин дешевого вина и тарелку фисташек, как в старые добрые времена, расположились кому где удобно (в случае Гарри – под столом), и Юджин поведал друзьям давно перевернутую, но не ставшую от этого менее печальной, страницу вондерландской истории.

Семнадцать лет назад, во время очередной войны с Лотранией, страной правил молодой король Шарлемань Шестнадцатый. Правитель он был, как и все в его династии, посредственный, но человек добрый, незлопамятный, и, по-своему, справедливый. Народ его уважал, а когда уважать не мог – просто любил, в отличие от его брата – кронпринца Томаса, человека недалекого, вздорного и жестокого.

Решающая битва этой войны состоялась под небольшой деревенькой Карлсвуд – предметом давнего спора двух держав. Вообще-то, говорили, что на нее претендовала еще и Вамаяси, но по причине удаленности на последнее сражение ее войско не явилось, и им автоматически было засчитано поражение.

Со своей армией, королевой, годовалым наследником престола Шарлеманем и братом Томасом уверенный в победе король прибыл на место предстоящей схватки.

Под охраной отряда своей личной гвардии остался Шарлемань Шестнадцатый с женой и сыном у деревни – наблюдать за ходом сражения, а брат его со своим полком выдвинулся на запланированную позицию – высокий холм справа.

Поначалу бой был равный, и было непонятно, на чьей же стороне окажется сегодня перевес. Со всех сторон приезжали, прибегали и приползали гонцы с одинаковыми известиями – схватка идет жаркая, но мы держимся. Но вот прискакал посланец от принца Томаса – молодой солдатик; до того, как завербоваться в армию, он был водовозом. Он сообщил, что полк Томаса смят, что самому ему угрожает неминуемая гибель, и что он заклинает своего брата всем святым немедленно помочь ему хоть чем-нибудь. И тогда король отдал приказ своим гвардейцам немедленно скакать на подмогу кронпринцу. При нем осталось только десять солдат под командованием герцога Эндрюса.

Но, по несчастному стечению обстоятельств, вскоре после того, как отряд ускакал, враг прорвал оборону вондерландцев и обрушился всей своей мощью на злополучную деревню. Гвардейцы под командованием герцога, защищая королевскую семью, сражались отважно, но что могла поделать горстка храбрецов против отряда тяжелой кавалерии? Перебив всех, вставших у них на пути, и подпалив деревню, оставшиеся в живых лотранцы отступили.

Была тяжело ранена, но чудом спаслась, королева. Среди обугленных трупов солдат и не успевших убежать крестьян опознать короля и юного наследника престола так и не смогли. Сражение было проиграно.

Зато кронпринц Томас вышел из боя целым и невредимым – когда подмога прибыла, вражеская атака оказалась уже отбитой, и помощь не понадобилась – даже наоборот – полк брата короля перешел в контратаку, в результате которой почти полностью был уничтожен.

Вскоре, женившись на безутешной вдове, Томас короновался под именем Шарлеманя Семнадцатого. Так его сын – маленький принц Сержио – стал наследником престола.

У герцога Эндрюса оставалась сиротой крохотная дочка Валькирия – матери она лишилась еще раньше – и королева Гортензия удочерила малышку. Впрочем, недолго она дарила двоим детишкам материнские ласки – так и не оправившись полностью от пережитого, она вскоре после свадьбы заболела и умерла.

Карлсвуд заново отстроен не был, и конфликт исчерпался сам собой.

Так удручающе закончилась история двухлетней войны за деревушку в семь домов. Но в истории всякое бывает, это вам не сказка какая-нибудь, и люди покорно приняли случившееся.

Злые языки, болтавшие, что с высокого холма, наверное, было хорошо видно, в какую сторону рвется лотранская конница, быстро подрезали – вместе с головами.

А сын водовоза Айс стал герцогом.

Рано утром, умывшись, принарядившись, но с тяжелым сердцем (вернее, и сердцем тоже, если придерживаться истины), погрузили на повозку мастера Санчеса лукоморцы свои мешки, взгромоздились на коней и направились в королевский дворец, где их, согласно уговору, по истечении недели, должен был ждать Шарлемань.

– Скорее бы все это закончилось, и – домой.

– М-да... Что-то мне эта вчерашняя история нисколько не понравилась.

– Какая – вчерашняя?

– Да про то, как Томас Шарлеманем стал.

– Так какая же она вчерашняя – семнадцать лет уже прошло...

– Как – семнадцать?!?!?! Это как в Диснеланде было, что ли – когда один придурок уснул на пригорке под бататом, а проснулся через сорок лет?!

– Да нет...

– ...Чего ж ты мне сразу не сказал?! Во дворец-то мы тогда по кой едем?! Там же, наверное, уж и король не тот, и жар-птица сдохла, и...

– Я не это имел ввиду!

– ...а Санчес все как новый, странно... А, может, это уже его сын?..

– Да ты меня не понял!

– Не понял? – остановился Серый. – Так говори понятней! И без твоих умствований башка раскалывается – а еще ты тут – вчера-позавчера-в прошлом году...

– Извини, я не хотел, я как точнее хотел...

– Ой, Иванушка, сделай милость – помолчи, а?..

– Ну, как хочешь... – обиделся царевич, приотстал и поехал рядом с Санчесом, который, при ближайшем рассмотрении, имел вид все-таки далеко не новый. И даже не во всякий сэконд-хэнд его бы взяли, откровенно говоря.

Во дворце их уже ждали. Старый знакомый – фон Свиттер – жизнерадостно поприветствовал лукоморцев, сообщил, что его величество готовы их принять, и пригласил следовать за ним. Молчаливые слуги подхватили мешки и понесли за гостями в Бирюзовый зал аудиенций.

– Это очень хорошее предзнаменование, – разглагольствовал виконт. – Это означает, что наш драгоценнейший монарх находится в прекрасном настроении, что в немалой степени и ваша заслуга, и результат того, что его высочество принц Сержио наконец полностью выздоровели после тяжелейшего ранения, полученного с полторы недели назад – на него, как вы,

наверное, знаете, напали какие-то негодяи. Ох и гневался наш король!.. Перевернули вверх дном весь город, но так никого и не нашли... Так, к чему это я?.. Ах, да. Я хотел вам рассказать о Бирюзовом зале! Бирюзовый зал, господа – это почти самое лучшее, что можно желать.

– А что, есть и другие? – вежливо поинтересовался царевич.

– Конечно, – кивнул придворный. – Лучше Бирюзового может быть только Серебряный зал – там всегда проходят приемы в честь военных побед. Правда, сейчас там ремонт... Уже довольно давно продолжается... Несколько лет... Лет пять, наверное... Его величество говорит, что все равно серебро давно уже вышло из моды, и что неплохо было бы серебряные панели заменить ну, хотя бы, медными. Правда, на медь у нас денег пока тоже... Э-э-э... Кхм... Ну, это не интересно. А еще во дворце есть Янтарная комната – там король принимает своих военачальников, когда дает им напутствия в военные походы, потому что эта комната – единственный трофей, который ему удалось вывезти из... Во время кампании против... Э-э-э... Кхм... Ах, да. Есть еще Гранитный зал – там приемы идут, когда его величество не в лучшем из настроений. И мы гордимся, что в нашей стране родился обычай, распространившийся по всему свету, устанавливая на кладбищах памятники именно из гранита. Символически, так сказать... Да, Вондерланд – страна великих традиций, гениальных свершений и ошеломляющих перспектив. Существуют также апартаменты с панелями из дуба – его король использует, когда у него задумчивое настроение, умозрительно-рассудательное, и он, принимая подданных или послов, читает бессмертные творения древних авторов. "Мартышка и очки" – его любимое произведение. Есть еще комната из бамбука, кабинет, обитый мехом планирующей белки, и маленький удобный будуарчик из розового шелка. Но это к вам не относится.

– А, такую белку я знаю! – неожиданно вступил в разговор Сергей. – У нас в лесу их полно – с елки на елку свищут – хоть палкой сшибай. Но мех у них дрянной, между нами. Не ноский. И у нас их летягами называют.

– Нет, не летяги, а планирующие белки, – поправил его фон Свиттер.

– Да какая разница?

– Планирующая белка, Сергей – очень редкий зверек. Почти вымерший, – охотно пустился в объяснения Иван. – И получила она свое название от того, что все всегда планировала заранее. А высоты она вообще боялась.

– А чего же она тогда вымершая, раз она такая предусмотрительная?

– Геопод считает, что этот вид погубил разрыв сердца.

– ?!

– Да, абсолютно правильно, мои юные друзья – мир полон неожиданностей, и маленькое сердечко нежного зверька, рассчитавшего все заранее, не выдерживало, когда что-то нарушало его планы, – подтвердил виконт и, остановившись, указал на двери красного дерева, инкрустированные бирюзой:

– Вот мы и пришли. Его величество Шарлемань Семнадцатый изволит вас принять в бирюзовом зале сию же минуту. Прошу ваше высочество и вашу светлость пожаловать, – и лакеи распахнули тяжелые створки.

– Страна дальтоники, – пробормотал князь Ярославский, переступая порог.

Малиново-бирюзовое многообразие дерева, камня, ткани, ковров, витражей и канделябров било по глазам. С особой изощренностью. Иногда даже ногами.

У противоположной стены небольшого зала (если бы мини-футбол уже изобрели, лукоморцам было бы с чем сравнивать) на троне угадайте какого цвета восседал Шарлемань. По правую руку от него стоял кардинал Маджента, елейно улыбаясь и пряча руки в рукава балахона одноименного цвета. По левую демонстративно чистил ногти загорелый молодой человек с щегольскими черными усиками, одетый с такой потрясающей безвкусицей, что вполне мог бы быть самым кронпринцем. В нишах за гобеленами охранники с пиками делали вид, что их там нет.

Серый безукоризненно исполнил па придворного приветствия. Изобразил смесь камаринской с лезгинкой и Иван.

– Дозвольте приветствовать ваше королевское величество, пожелать вам доброго утра и сообщить, что свою часть нашего уговора мы выполнили, и четыре мешка золота прибыли ко двору вместе с нами, – церемонно проговорил царевич, одновременно пытаясь незаметно помассировать сведенную судорогой от непривычного упражнения ногу.

Шарлемань сделал знак рукой, и слуги развязали мешки, один за другим, и высыпали деньги прямо на ковер. Матово-желтое пятно явилось приятным разнообразием в общем цветовом решении помещения.

Кардинал охотно вынул руки из рукавов, быстро подошел к желтой горе и загреб несколько пригоршней монет.

– Чистое золото, ваше величество, – развел он руками. При этом несколько крон нечаянно провалились прямо в его широченные рукава, но Маджента, будучи, наверное, человеком всецело посвященным религии и поэтому рассеянным, по-видимому, даже этого не заметил.

– Юные друзья мои, – пророкотал король. – Вы пришли в назначенный день и, видит Памфамир-Памфалон, ваши деньги пойдут на благое дело – защиту мирной страны от вероломного агрессора. Хороша ложка к обедне, как гласит ваша поговорка. Ха-ха-ха. Вы свое обещание выполнили. Что ж, свою часть уговора я также не премину исполнить. Сержио, – обрался он к смазливому юноше, – принеси сюда жар-птицу.

Кронпринц оторвался от своего увлекательного занятия, небрежно сунул пилочку в карман и вяло щелкнул пальцами:

– Эй!

Мгновенно подскочили два лакея и застыли в поклонах. Не обращая более на них никакого внимания, Сержио подошел к одной из огромных панелей за спиной у отца и нажал сверху вниз на голову хищно оскалившегося бирюзового льва с глазами из красного дерева. Панель со вздохом отъехала в сторону, и в бордово-бирюзовую пыльную муть ворвался ослепительный солнечный свет, запах листвы и земли после дождя и голоса птиц.

Это были знаменитые висячие сады Мюхенвальда.

Предводительствуемые принцем, лакеи скрылись из глаз, но ненадолго. Через минуту они вернулись, неся вдвоем просторную золотую (забудем злые языки) клетку, изукрашенную драгоценными (мы же договорились – забудем!) камнями. А в клетке...

Через несколько минут лукоморцы пришли в себя, но отсвет неземной красоты*^[2] все еще играл в их расширившихся восторженных глазах.

– Ты-то чего пялишься, ты же до этого ее уже видел, – украдкой сердито шепнул смущенный Волк царевичу.

– Красота-то какая... – блажено улыбаясь во весь рот, отозвался Иван.

– Красота. У кота, – сочинил стихотворение Серый. – Давай, откланиваться пора. Дома мамка с пирогами ждет.

– Она не любит пироги, она любит пель... Кхм, – замотал головой покрасневший Иванушка и стусевался.

– Приятно было с вами познакомиться, – раскланялся перед Шарлеманем Волк. – Ваша замечательная страна произвела на нас неизгладимое впечатление. Мы провели здесь незабываемое время, увидев и узнав так много нового, интересного и необычного, что принцу Ивану-царевичу, наверное, на целые мумеары хватит. Мы надеемся, что когда-нибудь мы вернемся сюда. Не смеем больше задерживать ваше величество и отвлекать вас от важных государственных дел.

– Империя зла – полюбишь и козла, – чуть не прослезился от речи князя Ярославского король. – Мальчики мои, Иван, Сержио – подойдите друг к другу – пожмите друг другу руки в

знак вечной дружбы. Вот на таком уровне и завязываются в зародыше прочные международные контакты интернациональной дипломатии. Сержио – кронпринц, и принц Иван – старший...

– Младший, – подсказал кардинал.

– А. Кхм. Да. Ну все равно – пожмите друг другу руки – и нам действительно пора.

Не отрываясь от подпиливания своих ухоженных ногтей, кронпринц походя проигнорировал Волка и снисходительно протянул руку только помрачневшему Ивану.

– Прощайте, – выдал набывшийся царевич.

– Прощайте, – издевательски повторил Сержио, и с высокомерной ухмылкой впервые благоволил поднять на лукоморца глаза.

Их взгляды встретились – и вся гамма эмоций от узнавания до изумления, негодования, гнева и неприкрытой мстительной радости промелькнула на лицах обоих принцев в одно короткое мгновение.

– Так это был ты!!! – выдохнули они в один голос.

– Что случилось? – вторил им дуэт Шарлемань-Серый.

– Отец – это тот самый мерзавец, который напал на меня и моих друзей полторы недели назад! Он не принц! Он – подлый разбойник и грабитель! Стража!!!

– Но сын мой! Это еще ни о чем не значит! Может, ты оши... – не подумавши, начал было король, но внезапно его посетило озарение в лице кардинала и шепнуло, что если бы эти гости оказались и в самом деле преступниками, подлежащими аресту, а еще лучше – смертной казни, то можно было бы, как любит выражаться его величество, и рыбку съесть, и между двух стульев сесть, то есть...

– Схватить их!!! – самостоятельно нашел правильное решение Шарлемань.

– Немедленно арестовать!!!

– За покушение на жизнь наследника короны!!!

– В кандалы!!!

– В казематы!!!

– Хватайте их!!!..

– Держите их!!!

– Не упустите!!!

– Бей их, бей их, бей их!!!

– И незачем так орать.

Негромкий голос князя Ярославского в сочетании с остриями двух мечей у горл монаршей семьи произвел эффект разорвавшейся бомбы с холодной водой.

На ковре, на куче золота, корчился один гвардеец. Остальные трое уже не могли делать и этого.

– Извините, ваше величество, мы этого не хотели, – попросил прощения Иванушка, извлекая себя из-под груды неподвижных тел.

– Ей-Богу, не хотели.

– Да как ты... – захрипел Шарлемань.

В это время Маджента, решив, что если ему не уделяют внимания, значит, он этого не заслужил, что он человек не гордый, и что вообще тут в последнее время что-то стало очень шумно, бочком попятился к выходу в сад.

– Если поп убежит, я перережу глотку принцу, – между прочим сообщил Серый.

– Стоять! – взревел Шарлемань.

На лице первосвященника ясно отразилась мысль, что попытаться бежать стоит хотя бы только ради этого, но, еще раз кинув взгляд на малиновое лицо своего монарха, Маджента благоразумно передумал.

– Ты, быдло, ты не смеешь...

– А за "быдла" ответишь, – многозначительно произнес Волк, чуть усиливая нажим клинка. Возражения сразу иссякли.

– Ваше величество, – снова обратился Иван к королю. – Тогда я напал на этого... принца и его прихв... друзей, – ох и тяжелая наука – дипломатия! – защищая жизнь простого человека, которого они избивали вечером в переулке. И я не знал, что этот нег... дворянин – ваш сын. Но если бы даже и знал – это бы ничего не изменило... И я очень сожалею о том, что тут сейчас случилось, но у нас не было другого выхода... И я правда не знаю, что нам теперь делать, когда такое вот теперь произошло... – пафос благородного негодования Ивана пришел к своему традиционному завершению.

– Иван, кончай трепаться. Свяжи этих троих, если не хочешь, чтобы за нами гналась вся королевская рать. Вон, шнуры со штор отдели. Хотя какая-то от них польза будет. И не стесняйся. Как говорит его величество, кто с чем к нам придет, на то и напорется. Ха-ха.

Минут через пятнадцать Иванушка справился с заданием. Все это время его мучили страшные сомнения: достойно ли это лукоморского витязя – так поступать с монархом независимой страны и его законным наследником престола? Правда, прецедент был – королевич Елисей на странице двести тридцать первой, освобождая из плена султана Секир-баши двадцать сестер-прорицательниц богини Тидреды, чтобы султан не поднял тревогу и не позвал на помощь своих кунаков, привязал его за шею к потолочной балке, но так ведь только за шею, а он связывает их по рукам и ногам... Но, с другой стороны, он привязывал их к трону, а Елисей, когда одной из сестер – Белисии – стало дурно, наоборот вынул из-под ног Секир-баши единственный в зале стул и предложил его бедной девице... Он даже в такую минуту мог быть галантным!.. А он, Иван...

Еще через пять минут Серый переделал всю Иванову работу, засунул в рот каждому из троих по куску шторы размером с банное полотенце, закрыл глаза последнему из гвардейцев и тщательно вытер об него свой меч.

– Ну вот, теперь мы готовы, – очаровательно улыбнулся он. – Засовывай свою ворону крашеную в мешок, и пошли. Пельмени остывают.

– Какие пельмени? – испугался Иван.

– Мамкины, – осклабился князь.

– Да ну тебя...

– Еще меня же и ну.

– А птицу я в клетке повезу.

– Зачем?

– Да какая же она жар-птица без клетки-то?! – подивился царевич непонятливости друга.

– Иванушка, – ласково, как говорят с упрямым бестолковым карапузом непедагогичные родители, молвил Волк. – Мы же сейчас во весь опор поскачем. Ты хочешь, чтобы на твоей лошади было полсотни лишних килограмм во время погони? Которые ты не сможешь толком закрепить? Или ты сомневаешься, что за тобой будут гнаться? Так, давай, спросим у Мюхенвальдов, – кивнул он в сторону королевской фамилии.

Оттуда донеслось такое яростное мычание и рычание, что двух мнений на этот счет остаться не могло даже у Ивана.

Но осталось.

Перед внутренним взором его моментально промелькнули две картины: Иван-царевич – герой и пышущая светом Жар-Птица в золотой клетке в его мужественной руке, и Иван-царевич – куриный вор с залатанным мешком за плечами, в котором трепыхается нечто неясной этимологии.

При виде последней он содрогнулся.

– Нет, – твердо заявил Иванушка. – Птица – моя. И клетка моя. И я не хочу оставлять то, что принадлежит мне по праву.

– И чего я такой добрый? – вздохнул Сергей. – Другой бы на моем месте уже сделал с тобой то же самое, что ты сотворил с их величествами, засунул птицу в мешок, погрузил вас обоих на коня, и был таков. А я тебя тут уговариваю...

И тут Ивана осенило.

– Сергей, ты, конечно, во всем прав, как всегда, – хитро улыбнулся царевич, – но, видишь ли, если мы по дворцу понесем птицу в мешке, а не в клетке, всем будет интересно, почему...

– Любопытной Варваре на базаре нос оторвали, – проворчал Серый, еще раз вздохнул, но спорить больше не стал. – Пошли. Один-то поднимешь? Хотя, чего я спрашиваю? Птица – твоя. И клетка твоя. А мешок я все-таки на всякий случай прихвачу.

Пройдя метров тридцать по коридору, царевич начал жалеть о принятом под влиянием гордынюшки решении. Еще метров через двадцать – начал жалеть очень сильно. Еще десять метров – и он был готов бросить все – и клетку, и птицу, и меч, и шляпу, и даже сапоги – ему стало казаться, что каждый его шаг глубоко впечатывается в каменный пол дворца, а руки скоро вытянутся до колен, а потом просто оторвутся.

– Не тяжело? – через плечо поинтересовался Волк.

– Нчгостршного, – предсмертным хрипом вырвалось между сведенных судорогой зубов Ивана.

– Эй, человек, – подобно гипнотизеру, Серый щелкнул пальцами перед носом проходящего мимо слуги.

– Чего изволите? – склонился тот.

– Его высочество хочет поправить перевязь. Подержи пока клетку, будь любезен.

– Будет исполнено.

– А теперь носи ее за нами вниз, к коновязи.

"Как все просто", – с завистью подумал медленно проходящий в себя Иванушка. – "Почему у меня так не получается? Я же столько книг прочитал, это ведь я должен всякие штуки первым придумывать. Ну, или вспоминать из книжек. У меня же опыт! Правда, чужой. Но ведь говорят, что дураки учатся на своих ошибках, а умные на чужих. Ну и с опытом – то же самое, я полагаю. Ведь на самом деле все просто. Надо просто целенаправленно попытаться применить накопленные знания на практике. Вот, например, сейчас. Ведь наверняка можно вспомнить что-нибудь такое, из сокровищницы мировой тактики, до чего Сергей бы сам не додумался. Ну, или не сразу. Или ему просто бы в голову такое не пришло."

Кто-то противный и циничный глубоко внутри Ивана гнусно хихикнул: "Вот-вот. Ему бы не пришло."

Но Иванушка, воодушевленный новой идеей, не обратил на незваного насмешника ровно никакого внимания, а погрузился в раздумья. Или воспоминания. И к тому времени, как они выехали из ворот королевского дворца, просветление нашло.

– Сергей, куда мы сейчас направляемся?

– Известно куда, – пришпорил Волк коня. – По Главному проспекту, потом налево, а в конечном итоге – к Лукоморским воротам и домой.

– У меня есть идея получше.

– Какая?

– Если за нами будет погоня, они ведь в первую очередь, естественно, к Лукоморским воротам поскачут, и по Лукоморской дороге.

– Не "если", а "когда", – поправил его друг.

– Ну да, когда.

– Ну и что?

– А то, что нам надо применить военную хитрость.

– Чево-о? – уточнил Серый.

– Военная хитрость – это когда на войне обманывают.

Подобное пояснение вряд ли когда-нибудь вошло бы в учебник военной тактики. И даже в толковый словарь. Но до Волка все равно дошло. Дошло то, что он ничего не путает, и что слова "военная хитрость" он услышал именно от Иванушки.

Услышь он их от одного из их коней, или даже от птицы, он не так удивился бы.

– ...В свете всего вышеизложенного, – продолжал свою лекцию по стратегии и тактике царевич, – как советовал древнегреческий историк и архистратиг Эпосид, надо поступать так, чтобы враг, если ты находишься далеко, думал, что ты близко, а если...

– Извини, Иван-царевич, что прерываю столь познавательную твою историю, но за тем поворотом уже будут наши ворота. Какую... военную хитрость... хотел ты предложить?

– В свете всего вышеизложенного я предлагаю выехать из города по другой дороге, где нас ожидать и искать не будут. Например, по Шантоньской.

– Хитрость твоя, спору нет, весьма премудрая, Иванушка, но так мы потеряем кучу времени! А если нас уже хватились?

– Они не будут искать нас ТАМ! Сергей! Это проверенный временем тактический ход, впервые примененный три тысячи лет назад самим великим...

– А ты уверен, что Шарлемань не читал этой книжки?

– Сергей, да какой же ты скептик! Ну хоть раз доверь мне сделать так, как я считаю нужным! Ты увидишь! Поворачиваем!

И он, не дожидаясь ответа друга, развернул коня так, что тот сшиб крупом торговку яблоками вместе с ее лотком, извинился, сделал попытку объехать рассыпавшиеся фрукты, передал половину, еще раз извинился, своротил пару ярко раскрашенных киосков, и, не дожидаясь, пока проклятия их владельцев, заглушаемые пока звоном разбивающегося стекла, долетят до его ушей, пришпорил наконец своего скакуна и галопом вылетел на знаменитую улицу Слесарей.

Еще через полчаса бешеной скачки по городу наши всадники вылетели на Шантоньскую улицу, длинную, прямую и узкую, как исполинское копьё. Стража у ворот, похоже, заметила их и узнала.

– Это они!

– Точно!

– Сам вижу!

– Счастливого пути, сэр Сергей!

– Приезжайте к нам еще!

– Э-ге-гей!!!

Но вдруг что-то случилось.

Как часто и всегда не к месту случается это "что-то", и почему-то постоянно именно вдруг! Вдумчивый человек, склонный к умозаключениям, наверняка вывел бы какое-нибудь новое правило, или открыл бы всемирный закон, который бы наверняка стал основополагающим законом во всей Вселенной, и который бы гласил, что когда не надо, что-то и вдруг может произойти даже с законом всемирного тяготения.

Но, по-видимому, стражник на сторожевой башне таким человеком не был. Поэтому он просто свесился через стену, рискуя оказаться внизу скорее, чем ему того хотелось бы, и заорал во все свои прокуренные легкие:

– Пыль на горизонте!!!!

– Это шантоньцы приближаются!!!

– Шантоньцы!!!

– Которые разбили нашу армию!!!

– Враг идет!!!

– Сержант!

– Понять мост!

- Закрывать ворота!
- Опустить решетку!

Городская стража умела это делать также хорошо, как выворачивать карманы подвыпивших верноподданных его величества. И также по причине обширной практики.

И не успели друзья что-либо предпринять или крикнуть, как оказались отрезанными от внешнего мира кубометрами теплой грязной воды и холодного чистого камня.

- .....!!!! – сказал Волк.

– Не бойтесь, сэр Сергей – сейчас мы дадим сигнал, и все городские ворота закроются! Мюхенвальд и не такие осады выдерживал – по пять-десять лет! – и ничего!

– Десять лет!!! – Иван был сражен в самое сердце. Угодливое воображение, не откладывая дела в долгий ящик, быстренько принялось живописать их жизнь в течении десяти лет в стенах осажденного города, ежесекундно преследуемыми всеми более или менее сознательными гражданами столицы.

Царевич закрыл глаза и душераздирающе застонал.

– Послушайте, ребята, – обратился Серый к стражникам. – Ваш враг приближается только с одного направления. А нам надо срочно отбыть в Лукоморье. Во имя нашей старой дружбы, не могли бы вы подать сигнал остальным воротам, скажем, на полчаса попозже? А еще лучше – минут на сорок? По причине того, что вы были в трактире – пили за здоровье принца Джона Лукоморского?

В руках у солдат как по мановению волшебной палочки оказалось по золотому.

- Предупредить о появлении врага – наш долг.
- Но чего не сделаешь...
- Во имя старой доброй дружбы!
- И принца Джона!
- Виват!
- Время пошло!
- Иван, пришпоривай!!!

Люди, окна, дома, переулки, улицы, боль в отбитом заду, боль в исклеванных пальцах, боль в немеющей руке, сжимающей прут злополучной клетки – говорил ведь Сергей – брось ее, говорил – поедем по Лукоморской дороге, на горшке таких стратегов душить надо... Только бы успеть... Нет, только бы не упасть, не уронить эту проклятую клетку... Только бы до вечера дожить... – все сливалось в одну бесконечную круговерть, от которой темнеет в глазах и в голове мозги превращаются в кашу. Хоть польза от них какая-то будет, наверняка сказал бы Волк... Только бы не отстать от него... Не потерять из виду... Волк! Подожди меня!.. Я больше не могу!.. Я не могу!.. У меня ничего...

- Вон они!
- Держи их!!
- Хватай!!!
- "Где-то это я сегодня уже слышал..."
- Иван!
- Сергей!
- Скачи к воротам! Я их задержу!!!
- Нет!
- Скачи быстрее!!!
- Нет!!!
- Проваливай отсюда!!!
- Нет!!!
- НЕ МЕШАЙ МНЕ, ИДИОТ!!!
- НЕТ!!!!

Может быть, на препирательства были потеряны и без того скудные драгоценные секунды. Может, их у друзей не было и вовсе. Этого им было уже никогда не узнать, потому что волной цунами накатила на них толпа королевских гвардейцев, и океан стали и ненависти с торжествующим ревом сомкнулся над их головами.

* * *

Иван открыл глаза и понял, что ослеп. Вокруг было темно, хотя он ясно помнил, что буквально несколько минут назад...

И тут воспоминания о событиях этого дня, нелепых, сумбурных, дня, начинавшегося так хорошо, и заканчивающегося... закончившегося... продолжающегося...

Какое сейчас время суток?

Какой сейчас день?

Где я?

Где Жар-Птица?

Где Сергей?

– Сергей! – в панике выкрикнул он.

– Сергей!!! – острой болью вспыхнуло и эхом прогрохотало то ли во всей Вселенной, то ли в его голове.

И тишина.

Иван попробовал пошевелить рукой. Рука послушалась, поскребла пальцами по чему-то тепло-холодному, похожему на толстые мягкие иглы.

Солома? А под соломой? Камень...

Тюрьма. Знаменитые казематы Шарлеманей. "Не та достопримечательность, которую я хотел бы когда-нибудь осмотреть. Таким вот образом. Хотя дорого бы я дал, чтобы ее ОСМОТРЕТЬ".

Иванушка, кряхтя и морщась от боли в различных помятых частях тела – по крайней мере, болит все – значит, все на месте – опираясь на локти и колени, попробовал встать. "Странно," – думал он, – "единственное, что у меня не болит – это глаза. И, тем не менее, я ничего не вижу. По идее, ведь в любой тюрьме в любой камере должно быть окошко? Или не должно? Или сейчас просто ночь?.. И где Сергей? Он встретил их первым, лицом к лицу, с мечом в руке... Но их было, казалось, несколько сотен... А потом они смяли его и набросились на меня."

– Сергей!!! – в этот раз он услышал себя. Но только потому, что прислушивался. Из шершавого пересохшего горла с тихим свистом вырвался шершавый шепот.

И снова тишина.

Где он? Погиб? Или в другой камере? Или... убежал?.. Нет, это было невозможно. Я же видел, как над ним занесли десятки мечей... И он упал замертво... Погиб, пытаясь защитить меня... Это я виноват... Если бы я не предложил этот дурацкий маневр!.. Идиот!!! Господи Боже, ну почему я такой идиот!.. Но тогда идея казалась такой умной... Такой хитрой... А он был против... А я сказал, что хоть раз он должен позволить мне... А он... А я... А потом...

И тут Иванушка почувствовал такое вселенское горе, такую внезапно разверзшуюся вокруг него пустоту, где – плоское и нереальное – было все, но больше не существовало его единственного верного друга, что ткнувшись лицом в прелую солому, горько заплакал.

Когда слезы, наконец, иссякли, и он, опустошенный, ничком растянулся на полу, ему вдруг послышалось, что его кто-то негромко зовет.

– Сергей!!! – не веря себе, задохнулся от счастья Иван.

– Где ты? – выкрикнул он. – Ты где?

– Ползи по полу, – донеслось до него откуда-то снизу. – Тут у стены есть желоб с водой.

Он идет через все камеры.

И только теперь Иванушка услышал, как тихонько даже не журчит – а шелестит – вода где-то совсем рядом.

Он послушно опустился на колени и пополз на звук, ощупывая все перед собой руками.

А вот и тот желоб. И, судя по запаху, в нем была не только вода.

Пожалуй, искать туалет в этой камере будет бесполезно.

– Сюда, сюда! – опять донеслось до него.

Ага, справа.

– Я здесь! Я иду!!!

И, тщательно стараясь не задевать ни желоб, ни его содержимое, царевич быстро пополз на голос.

Путешествие его окончилось через два шага.

Как от посыпавшихся искр не загорелась солома, Иван так и не понял.

Держась одной рукой за пострадавшую макушку, царевич снова позвал:

– Сергей! Ты где? Там?

За стеной сначала раздалось короткое молчание, а потом ответ:

– Меня звать не Сергей.

Мир, только-только начинавший воскресать для Иванушки, снова обрушился на него, как карточный домик. Сложенный из карт, каждая из которых весила как бетонная плита.

– Эй, сосед, ты кто? – обеспокоенный затянувшейся паузой, встревожено спросил голос из-за стены. – Почему ты умолк?

– Какая разница... – с трудом выдавил Иван.

– Ты думал, что это – твой друг? Ты расстроился?

– Да...

– Его тут нет. Я один. Но он найдется. Ты не переживай.

– Значит, его убили... Из-за меня...

– Слушай, как там тебя...

– Иван.

– Иван. Не раскисай. Даже если его убили – ты-то живой. И ты можешь вырваться отсюда, и отомстить за него.

– Как?! – вскинулся царевич.

– Слушай. У меня есть план.

– А как тебя зовут?

– Франк Кевин.

* * *

А город торжествовал. Город веселился, буйствовал карнавалами, выплескивался фейерверками, пил вино из бочек на площадях, ссорился, дрался, мирился и снова пил – иступленно-истерично, стараясь забыть о недавнем испуге – солдаты у стен оказались не захватчиками, а своей родной армией-победительницей – предыдущие известия о поражении оказались ложными, и, как выяснилось, все произошло с точностью наоборот – вондерландцы разгромили шантоньцев, и победоносное войско, не мешкая, направилось прямо домой.

Народ прославлял отважных вояк за победу над старым врагом, герцога Айса – за его военный гений, короля Шарлеманя – за то, что он король, и принца Сержио – просто так, на всякий случай.

Радости горожанам прибавило быстро облетевшее весь театральный мир известие, что вернулась беглянка Мальвина, и в полюбившихся спектаклях про стражу появилась новая героиня.

Всеобщее ликование не могла испортить даже безуспешная, ни на минуту не прекращающаяся охота – при которой весь город вверх дном переворачивался, вместе с фейерверками, маскарадами и бочками – за вором, убийцей, предателем и просто государственным преступником князем Ярославским из Лукоморья, который как в воду канул, назло королевским гвардейцам, дворцовой страже, городской страже и просто регулярным войскам.

Поговаривали также о предстоящей помолвке победоносного Айса и принцессы Валькирии – без особого апломба, правда – бедняжку в народе очень любили – но лишь в контексте очередных выкатываемых на площади бочек. Потому что любовь – любовью, а в королевские дела вмешиваться – себе дороже. Да и халявное вино оставалось халявным вином, за чье здоровье оно бы не выпивалось.

И чем огромней и бесшабашней был загул, тем внезапнее и горше стало похмелье: за день до предварительного принятия великого Айса в состав королевской семьи, одним далеко не прекрасным утром город проснулся и обнаружил, что вондерландская армия за ночь была вся перебита, а у стен появились лотранцы с требованием вернуть им принца Кевина Франка, злодейски удерживаемого против его воли в Мюхенвальде, и шантоныцы – с идеей реванша вообще, и жадой получить кой-какие национальные сокровища, похищенные вондерландцами во время прошлой войны три года назад, в частности.

На все требования корона заносчиво ответила "Приди и возьми", но помолвку принцессы и полководца без армии отменила до лучших времен.

Началась осада.

* * *

- Bravo!!!
- Бис!!!
- Мальвина, Мальвина!!!
- Буратино!!!
- Артемон!!!
- Bravo!!!

Поклонившись уважаемой публике в последний, пятый раз, труппа старого сеньора Гарджуло наконец-то скрылась за занавесом.

Зрители стали неохотно расходиться по домам, актеры – вполне охотно – по гримерным. Мальчишки налево, девочки – вернее, одна девочка – направо.

Устало опустившись перед зеркалом, девушка с голубыми волосами опытной рукой профессионала стерла помаду, тени, румяна, сняла накладные ресницы, закручивавшиеся чуть не до самого лба, вынула из прически заколки и шпильки. Через мгновение на туалетный столик рядом с гребнями упала шикарная копна бледно-голубых волос.

Дверь без стука отворилась, и в комнатку вошел Мур с громадным букетом в руках.

- Ты бы еще колечко принес.
- И принесу.
- Ах, не смейтесь над бедной девицей, ваше майорство!..

- Отдайся – озолочу.
В начальника стражи полетела туфля. Потом, после секундного раздумья – вторая.
- Горшок вон там. Вода в кувшине. Воткни. Завянут – жалко будет.
- А парик-то снимать лучше б не надо. Поклонники не поймут.
- Так ведь в нем – как в шапке, вся башка упрела, сил моих дамских никаких больше нет!!! – и Серый с ожесточением, обеими руками, взлохматил себя. – Издохну я скоро от этой жары, если раньше ноги на каблуках не переломаяю.
- Зато и в голову никому не приходит, что государственный преступник и изменник и актриса Мальвина Барабас – на данный момент, по крайней мере – одно и то же лицо.
- Мне бы в голову такое тоже не пришло. Чья дурацкая идея это была?
- Угадай с трех раз.
- .....!!! Я этого черномазого, ей-Богу, когда-нибудь...
- Но ты бы все равно не смог выбраться из Мюхенвальда, – пожал бронированными плечами Мур.
- Я мог бы занять его место у Санчеса под лестницей. Или у Ерминка на чердаке. Или у мастера Вараса в винном погребе. И закрыться там.
- Стражник покачал головой.
- Ты не представляешь, что делается в городе. Нет ни одной канавы, собачьей будки или бочки, куда бы не сунули свой нос гвардейцы в поисках тебя.
- Ну и как?
- Пока не нашли.
- За мою голову уже назначена награда?
- И за голову тоже.
- Гхм. М-да.
- Так что, если бы не идея Гарри, ты еще неделю назад переселился бы к Ивану-царевичу в подземелья дворца. В лучшем случае.
- При упоминании об Иванушке Волк приуныл.
- Как он там? Ты его видел?
- Мур покачал головой.
- Во дворец сейчас никого не допускают, тем более – нас, городскую стражу. Но мне удалось узнать, что он сидит в одиночной камере, что в соседней камере содержат лотранского принца, и что они между собой часто общаются.
- Как? Ходят в гости? – удивился Сергей.
- Мур невесело хохотнул.
- Отнюдь. Ты, наверное, не знаешь, но через все камеры пробегает по маленькому желобу ручеек...
- Надеюсь, что и не узнаю, – хмуро заметил Волк.
- ...и, наклонившись достаточно низко над ним у стены соседней камеры, можно переговариваться с соседом. Или передать ему свой кусок хлеба перед казнью, чтоб не достался крысам. Или получить от него.
- Бр-р-р. Терпеть не могу крыс, – передернуло Серого. – Но хоть что-то у него там есть, кроме них? Стол, например, стул, кровать, свечка, наконец?
- Нет, – покачал гооловой Мур. – Только гнилая солома на полу. И окошко с ладонь величиной под потолком. Но света от него немного – окна казематов выходят на двор, где тренируется в фехтовании стража, и они почти вровень с землей.
- Черти его задеря, этого Шарлеманя. Надо что-то придумать!
- Попасть туда невозможно, – на корню пресек поползновения в эту сторону майор. – И тем более, вывести оттуда кого бы то ни было. Я уже об этом думал. Во дворце сейчас гвардейцев в десять раз больше, чем у меня ребят, и еще личная охрана герцога.

– Черт, черт, черт, черт!!! – Волк долбанул кулаком по столу. Пудра, помада и духи испуганно подпрыгнули.

"Если бы на моем месте был Иван, он бы обязательно попал по помаде," – подумалось вдруг ему, и стало так горько, так тоскливо...

– ...Нет, солому мы поджечь не сможем. Во-первых, потому что у нас нет огня, а во-вторых, потому что она сырая.

– М-да. Действительно. А план был хорош.

– Который? Когда мы хотели притвориться мертвыми, чтобы стражники вошли сюда, а потом вскочить и перебить их, или когда осколками кувшина мы планировали сделать подкоп?

– Нет, их мы отбросили еще в прошлый раз. А это тот план, когда ты предложил запрудить ручей, чтобы началось наводнение, и когда тюремщики спустятся сюда и откроют окошечко, их сбило бы с ног потоком воды, а я как раз вспомнил, как Роланд-завоеватель, когда оказался в казематах Черного Генриха, из подстилки сделал веревочную лестницу...

Военный совет собрался в полночь, на новой квартире мастера Гугенберга. Санчес и Гарри принесли с собой лютню и тамбурин, суровый майор – мандолину, папа Карло и Мальвина Серый – большой оплетенный кувшин тарабарского красного, мастер Варас – пакет с фруктами, а Ерминок – корзину пирожков с капустой – мясо во внезапно осажденном городе уже становилось роскошью.

Вино разлили по стабильно невымытым стаканам Джека Гугенберга, музыканты ударили по струнам, Серый – по пирожкам, и совещание началось.

Но началось оно как-то само собой не с изложения планов спасения, или хотя бы установления связи с узником королевских казематов, а с жалоб старого трактирщика на трудные времена, постоянные войны, осады и просто неподъемные налоги.

– Разве так было при прежнем Шарлемане, да упокоит его Памфамир-Памфалон с миром в своем лоне! – ностальгически вздохнул он и опрокинул в себя стакан каберне. – Нет, конечно, так, кто же спорит, да все равно не так.

– Что-то все равно было по другому, – поддержал его Мур.

– Если он каждый выходной объявлял соседям войну, скажем, или приказывал отрубить кому-нибудь что-нибудь, или вводил налоги на количество шагов по земле, превышающее в месяц сто двадцать пять – это, конечно, ничем не лучше, но все-таки была большая разница, – подтвердил Гарри.

– Какая разница? – не понял папа Карло.

– Большая разница, – пояснил Санчес.

– Да, – продолжил мастер Варас. – Он это делал с душой. Сразу было видно, что он любил свой народ, и казнил и миловал не потому, что он должен был это делать, а исключительно по велению сердца.

– Но почему же он не воспитал своего сына в таком же духе, сеньор Варас? – любопытствовал старик.

– Нынешний Шарлемань – не сын ему, а двоюродный брат.

– Он никогда и не должен был править, он не был рожден для этого.

– Но как же тогда случилось, что он оказался на троне, сеньор Мур? Извините, наша труппа первый раз в вашей стране, и мы не знаем ее благородной истории...

– Я эту историю слышал, – вмешался Волк. – Ничего благородного в ней нет. Кроме происхождения ее участников. Если хотите – я ее расскажу.

По окончании повествования Серого, густо приправленного его собственными комментариями и рассуждениями, директор театра закивал головой.

– О, это очень печальная история, и она напомнила мне одну пьесу – она называлась "Сердце змеи", и была написана по событиям, произошедшим в Ардоре двести лет назад – мы уже давно не играли ее, к сожалению...

– "Сердце змеи"? – встрепенулся Гугенберг. – Альфонсо Кабучо? Я читал ее. Теперь, когда вы упомянули об этом, я вижу, что эти истории действительно в чем-то похожи. Но только там в конце выясняется, что наследник остался в живых, и все эти двадцать лет его воспитывала семья герцога Какего, главного врага его семьи, и он потом убивает свою мать и сестру...

– Нет, нет, нет. Боюсь, что вы ошибаетесь, сеньор Джейкоб, – погрозил ему костлявым пальцем Карло. – Я понял, что вы имеете в виду – это не "Сердце змеи", а "Крест и стрела" – тоже пера непревзойденного кавалера Кабучо. В "Сердце змеи" инфанта узнает его старая нянюшка по медальону, и тогда весь народ поднимается в восстании и возводит настоящего принца на престол. А какой там монолог Сесилии! – тарабарец вскочил, поставил одну ногу на табурет и, схватив нож со стола и размахивая им над головой, как мечом, продекламировал: "Изменник низкий! Проклят будешь ты! Проклятие падет на кровь детей твоих, и предки в царстве снов забудут покоенье..." – сеньора Гарджуло понесло.

– Он что, серьезно? – толкнул тихонько в бок стражника Сергей.

– Что – серьезно?

– Ну, про все это. Про потерянных наследников престола там, про няnek, медальоны, восстания... Или это типа "Лукоморских витязей"?

– Чего?

– "Приключений лукоморских витязей" – любимой книжки нашего Иванушки. Со сказками.

– Да нет, – подумав, ответил Мур. – Если припомнить, поскольку уж зашла речь, то в истории любого государства кронпринц, или, на худой конец, пропавшая принцесса, объявляющиеся из ниоткуда и узнаваемые по родимому пятну, медальону, привычке закладывать руку за борт камзола или декольте платья – самое обычное дело. Скорее, если исчезнувший без следа при таинственных и опасных обстоятельствах царственный младенец НЕ объявляется по достижении им совершеннолетия – именно это считается странным. А почему ты спрашиваешь? Если ты имеешь в виду ту битву, когда погибли наш король и юный Шарлемань – то это явно не тот случай.

– Но ведь тела их так и не нашли.

– После пожаров это бывает – иногда труп может сгореть так, что от него остается только кучка золы.

– Или не сгореть. Потому что не труп, – загадочно изрек Сергей.

– Что ты хочешь сказать? – тут заинтересовался и первопечатник.

– И как это может помочь батюшке Ивану-царевичу?

– Не предлагаешь ли ты объявить его чудом выжившим кронпринцем? – снисходительно хмыкнул Гарри. – Это же полная чушь!

– Сам дурак, – любезно улыбнулся ему Волк, а остальным торжественно провозгласил:

– Есть тут у меня одна идея...

– Итак, любезнейший полковник Ольсен, вы говорите, что до сих пор не нашли этого мерзкого ярославского князя? – прервав доклад начальника королевских гвардейцев, принц Сержио, покручивая черный ус, поднялся с трона.

Король-отец чувствовал себя немножко нездоровым сегодня вечером после целого дня, проведенного в душных задымленных подвалах, а от воплей пытаемых у него, ко всему прочему, еще и разболелась голова, и поэтому принять ежедневный доклад высших офицеров королевства он поручил своему сыну и наследнику. Пусть мальчик приучается, почувствует себя взрослым, не все ему по кабакам шляться и с прохожими задираться.

И мальчик, почувствовав себя взрослым, не только приучался, но и приучал других. Например, все давно уже запомнили, что если юный принц говорит кому-то "любезнейший",

то он имеет ввиду далеко не "милый сердцу". Хуже могло быть только "милейший", потому что, как правило, очень скоро про "милейшего" говорили или хорошо, или ничего.

– Ваше высочество, мы ненадолго прекратили поиски этого преступника, так как людей у нас осталось немного, а в городе зреет недовольство правителем после вчерашнего обстрела южной части Мюхенвальда из катапульта, и мы считаем своим долгом...

– Мне плевать, что вы считаете своим долгом. Вы должны делать то, что я считаю вашим долгом, вы поняли меня?

– Так точно...

– И где ваши люди, позвольте узнать, полковник?

– Его величество по просьбе герцога Айса передал половину моих гв...

– Моих, полковник, моих.

– Да, конечно, ваших гвардейцев ему для укрепления обороноспособности гарнизона, и поэтому...

– Поэтому вы взяли на себя смелость ослушаться моих приказаний, и полное безделье было вашей реакцией на них...

– Никак нет, ваше высочество! – глаза полковника Ольсена встретились с глазами принца, и в них офицер прочел: "милейший". – Мы старались! Мы узнали адрес того красильщика, у которого лукоморцы проживали все это время, и завтра я самолично хотел пойти и арестовать его, чтобы ваше высочество могли собственноручно... собственноручно допросить его!..

– Так чего же ты молчал, болван?! – кронпринц вскочил с места и выхватил меч. – Едем к нему! Немедленно! Остальные все свободны!

– Коня!

– Коня!

– Коня кронпринцу!

– Первый караул – по коням!

– Факелы!

– Факелы!

– Ворота открывай!

– Открыть ворота его высочеству!

– Факелы зажигай!

– Пошел!!!

– Смотри, Гарри, там впереди что-то горит!

– Горит вос-сход во тьме кр-ромешной... Ик.

Вдали от главных улиц фонари не горели, и в ночи черного человека в черной тунике, черной рубашке и черных лосинах видно не было, и только по голосу и сивушному амбре Санчес узнавал, что менестрель еще пока рядом.

– Какой восход, ты чего, времени сейчас от силы часа три.

– Ранний восход. Или п-поздний закат.

– Нет, Гарри, я серьезно тебе говорю! Там пожар, и это недалеко от нашей "Радуги", по-моему буквально через дом от нас! Похоже, что это гончарная мастерская кума Тойе. Или ателье матушки Лесли?

– Утром я напишу об этом песню. Ик. Может быть.

– Прибавим шагу. Может, им там нужна помощь.

– Сплясать вокруг к-костра? Фи, Санчес, это же й-язычество.

– Гарри!

– Я имел вв-вв-ввиду – посмотри, какой столб огня – там уже н-ничем н-не...

– Гарри!!!

– Ну ч-чт...

– Это "Радуга"!!!..

– Да нет...

– Да!!!

Ослепленный светом ревушего пламени, Санчес почти налетел на что-то большое, твердое и железное.

Рыцарь!

В свете пожараща колыхнулась отблескивающая металлом масса в черно-красно-желтых плащах.

Королевские гвардейцы...

Огромная рука в перчатке схватила его за плечо и развернула лицом к огню.

– А это кто еще такой?

Повинуясь скорее инстинкту, чем какой-то осознанной мысли, маленький красильщик рванулся, вывернулся из куртки и побежал.

– Это он!!!

– Вон он!!!

– Держи его!!!

– Кто упустит – разрежу на куски!!!

– По коням!!!

– Хватай!!!

С ревом, гиканьем и грохотом отряд понесся в погоню за ставшим в одну минуту бездомным и безработным Санчесом. Вот и сбылась его мечта.

Залаляли собаки. Захлопали ставни. Загудел набат на башне храма – то ли поднимая добровольцев на тушение пожара, то ли возвещающая о штурме города, смене династий и конце света вместе взятых.

– Горим!

– Лотранцы!

– Шантоньцы!!!

– Спасайся!!!

– Бей!!!

– С дороги!

– Наводнение!!!

– Грабят!

– Вон он!!!

– Помогите!..

– Воды!!! Воды!!!

Санчес привалился к какой-то стене, не смог устоять на ногах и сполз по ней на землю.

За что-то зацепилась и звучно разорвалась туника на спине.

За сучок?..

Деревянная стена... Это Собачник. Склады и хранилища. Господи Боже наш, Памфамир-Памфалон непорочный... Это куда же меня занесло...

Казалось, что легкие он потерял где-то по дороге. Воздух попадал в трахею и, не находя дальнейшего пути, с раздраженным свистом вырывался обратно. Убивать будут – с места не сойду... Сам сейчас схохну... Все...

А где же ОНИ? Неужели оторва...

– Кто-то юркнул куда-то туда!

– Кто?

– Кто-то!

– Он где-то здесь!

.....!

– Где – здесь?

- Где-то!
- Идиот! Я ничего не вижу!
- Так ведь ночь, ваше высочество!
- Кретин!
- Я видел – он свернул куда-то сюда!
- Куда – сюда?! И тот, кто ответит "куда-то" – покойник!
- Надо осветить...
- Все равно не видно...
- Еще факел...

Красильщик попытался вжаться в стену, пополз вдоль нее, мысленно благословляя все святое на свете, за то, что в городе поднялся такой бедлам, что его рваного дыхания и хрипов не слышно уже в пяти метрах.

- Ну, что?
- Ничего не видно, ваше высочество...
- А-а, болваны!..

Послышалась короткая возня – похоже, факел поменял владельца, резкий выдох – и ночное небо прочертила огненная дуга, закончившаяся на крыше ближайшего здания.

- Сейчас разглядим! Готовьтесь!

Санчес просочился сквозь дыру в заборе, через которую в мирное время не всякая кошка пролезла бы, и где вприпрыжку, где на четвереньках, раздирая о камни штаны и ладони, галопом бросился прочь.

Сухой просмоленный тес на крыше занялся в одно мгновение, как спичка. Новое зарево подпрыгнуло, озарило окрестности, метнулось направо, налево, вперед...

- Проклятье!
- Уходим!
- Всех сгною!
- Склады!
- Склады!!!
- Склады горят!!!
- СКЛАДЫ ГОРЯТ!!!!

* * *

- Больше одной в руки не давать!
- Проходите, не задерживайтесь!
- Куды прешь!
- Я с утра тут за этим мальцом занимала!
- Не помню я тебя!
- Вас тут не стояло, гражданочка!
- Не надо ля-ля! Я свои права знаю!
- Ты свои права мужу на кухне качай!
- Убери руки! Руки убери, кому говорят!..
- Не трогай меня, мужланка!!!

Конечно, всякий мало-мальски цивилизованный человек уже понял, что эти звуки издает не кто иной, как многорукое, многоногое, многоголовое и, самое главное, многоротое существо, которое заводится в любом населенном пункте после того, как известие о том, что про-

довольственные склады намедни сгорели дотла, становится общественным достоянием – очередь за хлебом.

– Кто же поджег склады, не знаете? – тихий интеллигентный голос.

– Нет, не знаю. Но говорят...

– Тс-с-с!

– Говорят, что кронпринц Сержио имеет к этому отношение...

– Куда смотрит его величество!.. Он бы такого никогда себе не позволил!.. Наверное.

– Молод ты еще, сынок. Не помнишь его, пока он еще просто братом короля был... А я во как помню! – присоединился тщедушный дедок с всклокоченными седыми волосенками на затылке. – Еще вот таким я его помню.

– И что?

– А-а, – махнул сухонькой ручной старичок. – Яблоня от яблока недалеко падает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.